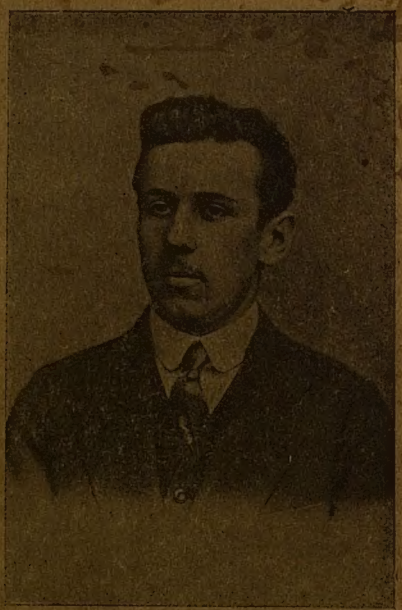
ГЖС 541
Ш 711

Сергѣй Шлихтеръ

НА ПОРОГѢ ЖИЗНИ

(Изъ писемъ и дневника студента-санитара)



Изданіе Сибирскихъ студенческихъ землячествъ
въ Москвѣ.

КРАСНОЯРСКЪ,
Енисейская губернская эл.-типографія.
1917.

Н. Ауэрбах

С. А. Шлихтеръ, братъ милосердія 1-го Сибирскаго отряда, передъ отъѣздомъ на позиціи, 15 ноября 1914 года.

Сергѣй Шлихтеръ.

Н. Аурбахъ
17 іюля 1917 г.

НА ПОРОГѢ ЖИЗНИ

(Изъ писемъ и дневника студента-санитара).

Сергей Александрович
Шлихтер
род. в Полтаве 31 дек. 1894 г.
ранен в бою под Барановичами
20 июня 1916 г. Скон. 25 июня 1916 г.

КРАСНОЯРСКЪ,
Енисейская губернская эл.-типографія.
1917.

ГЖ 541
Ш 711
фонд
БИБЛИОТЕКА
Ин-та марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС
1085722.

2012

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Отъ издательства	I
Памяти С. А. Шлихтера (біографическій очеркъ)	V
Воспоминанія о Сергѣѣ Шлихтерѣ. Н. Мартьяновъ	XXI
Памяти добровольца-развѣдчика С. А. Шлихтера. Б. К.	XXXXII
Надъ могилой С. А. Шлихтера. Иванъ Бѣльскій	XXXXVIII
Первыя страницы	1
Въ пути на позиціи	8
Первыя впечатлѣнія	13
Смерть добровольца	22
Изъ дилеммъ войны	30
Подъ огнемъ	33
Вокругъ и около позиціонной войны	45
Пасха въ окопахъ: 1) Заутреня	66
2) Встрѣча съ австрійцами	70
На развѣдкѣ	80
По Польшѣ и Галиціи передъ послѣднимъ отступленіемъ	91
Ночью	110
Здѣсь и тамъ	127
Арьергардные бои	139
Мы отступаемъ	150
Мертвые воскресли	158
Въ глубокомъ тылу	200
Охота на тюленей	213
Пасха во льдахъ	229
«Разводье»	231
У Ледовитаго океана	235
Страна чудесъ	241
На мели	256
Какъ хороша—жизнь	272
На фронтъ	281
Письма развѣдчика	283
Послѣднія страницы: 1) Въ бою	293
2) На смертномъ одрѣ	295
3) Послѣднія слова	296
Стихотворенія	299

Отъ издательства.

С. А. Шлихтеръ не успѣлъ развернуть свои силы на аренѣ общественной дѣятельности. Трагическая кончина рано вырвала его изъ жизни. Поэтому издаваемый Сибирскими Землячествами въ Москвѣ Сборникъ «Изъ дневника и писемъ студента-санитара С А. Шлихтера» можетъ вызвать недоумѣніе. Могутъ спросить: какое значеніе имѣютъ его письма и дневникъ, записанныя имъ впечатлѣнія?

Отвѣтъ на это дадутъ тѣ мотивы, которые вызвали со стороны Красноярско-Енисейскаго Землячества иниціативу приступить къ изданію настоящей книги.

Въ послѣдніе годы передъ войной въ русскомъ обществѣ замѣтна была перемѣна настроенія. Постепенно проходила глухая пора реакціи, наступившая послѣ бурной эпохи 1905—6 годовъ, которая охватывала все общество и сильно отразилась на школѣ. Начавшійся къ войнѣ сдвигъ сказался и въ студенческой средѣ. Студенческія организаціи, до того времени незамѣтныя и занимавшіяся выдачей ссудъ и пособій, пробуждаются къ жизни. Раздаются голоса о необходимости культурно просвѣтительной работы, объ объединеніи, о выясненіи своихъ взглядовъ. Начинаетъ пріобрѣтать значеніе организованное демократическое студенчество.

II

Разгорѣвшаяся война застала студенчество въ періодъ подъема и выработки своихъ взглядовъ. Застала въ тотъ моментъ, когда студенчество начало сознательно и критически относиться къ общественной жизни, но не имѣло еще опредѣленныхъ выводовъ, а выдвинутые событіями вопросы были такъ внезапны и неожиданны, что студенчество не смогло ихъ разрѣшить. Война, общій патріотическій подъемъ, потоки крови, разрушенные и сожженные города,- все это было рѣзкимъ противорѣчіемъ со сложившимися у демократической части студенчества взглядами, и въ то же время подавляло своею неизбѣжностью. Жизнь колебала взгляды, выдвигала факты, идущіе въ разрѣзъ съ убѣжденіями. Какъ въ міровой демократіи, какъ въ русскихъ демократическихъ слояхъ общества, такъ и въ студенчествѣ произошелъ расколъ. Часть студенчества была всецѣло захвачена могучимъ движеніемъ событій и отдавалась имъ безъ всякихъ споровъ и колебаній. Другія же, глубокія натуры, воспитанныя въ духѣ истиннаго демократизма, бились надъ разрѣшеніемъ вопросовъ, выдвинутыхъ войной, стараясь выяснить, гдѣ правда, и объяснить глубокія противорѣчія между явно несправедливыми фактами жизни и взглядами, которые получили такое широкое распространеніе и такъ ясны своимъ соотвѣтствіемъ съ справедливостью. С. А., внося критицизмъ во все переживаемое, стараясь связать это все со своимъ міровоззрѣніемъ, благодаря динамикѣ своей натуры, не могъ остаться пассивнымъ. То, что видѣлъ, пережилъ и осозналъ онъ тамъ, на войнѣ, все это описано въ цѣломъ

рядѣ писемъ, частью напечатанныхъ въ сибирскихъ газетахъ, и въ «Дневникѣ», изъ которыхъ и составилось настоящее изданіе. Глубокая борьба между идеологіей и жизнью, попытка объяснить новые мучительные вопросы, стремленіе найти нравственно-цѣнное, «человѣческое на войнѣ» и, наконецъ, описаніе пережитыхъ моментовъ и видѣнныхъ лицъ—вотъ чѣмъ проникнуто все содержаніе книги С. А. Шлихтера. Высоко цѣня нравственную чуткость С. А. и желая дать возможность познакомиться съ тѣмъ, какъ преломлялись всѣ событія въ психикѣ С. А., убѣжденнаго сторонника лучшихъ студенческихъ традицій, Красноярско-Енисейское Землячество совмѣстно съ другими сибирскими студенческими организаціями рѣшило издать настоящую книгу. Можно разно опредѣлять свое отношеніе къ войнѣ, но побудительные мотивы къ активному участію въ ней, проявившіеся затѣмъ во всей его работѣ на фронтѣ, вызываютъ невольное уваженіе къ дорогому товарищу какъ со стороны близко знавшихъ его, такъ и вообще со стороны всѣхъ студентовъ сибиряковъ.

Мы полагаемъ, что настоящее изданіе является наиболѣе достойнымъ выраженіемъ нашего уваженія къ погибшему товарищу. Съ другой стороны, то, что намъ далъ въ своихъ письмахъ и дневникѣ С. А., представляетъ несомнѣнный интересъ какъ для студенчества, такъ и для общества. Вѣдь товарищъ Шлихтеръ, будучи въ университетѣ, представлялъ изъ себя наиболѣе активнаго общественнаго работника, не говоря уже о нравственной чуткости и цѣльности его натуры.

Все это съ достаточной убѣдительностью говоритъ за интересъ и значеніе выпускаемаго сборника

Красноярско-Енисейское Землячество въ Москвѣ.

Москва, 4 декабря 1916 г.

Памяти С. А. Шлихтера.

(*Біографическій очеркъ*).

„Одно только скажу: сердце
не обмануло меня"....
(„*Въ пути на позиціи*", стр. 12).

Оно, это *не обманувшее* сердце юноши, автора этой книги, утихло навѣки...

Среди милліоновъ жертвъ чудовищной войны нашего времени и это утихшее сердце—безличная единица; на общемъ масштабѣ народныхъ страданій—его безмолвность подъ холмомъ на Братскомъ кладбищѣ—лишь капелька въ переполненной чашѣ слезъ. Пройдутъ года,—и все будетъ предано забвенію: будетъ пережита и изжита народная скорбь, и даже горькая чаша слезъ высохнетъ до дна. Жизнь всегда права, права и въ своей жестокости...

Но не съ этой обезличивающе-универсальной мѣркой хотѣлось бы подойти къ тому одному изъ фактовъ, жуткую повседневность которыхъ намъ приходится все еще переживать.

Много красиваго, возвышеннаго, можетъ быть, даже убѣдительнаго, говорилось и говорится—не то въ оправданіе, не то въ утѣшеніе—объ этой жуткой повседневности. Но не менѣе убѣдительна, не менѣе величественна по своей трагичности и та вынужденно-*молчаливая* скорбь, которая не *вѣритъ* красивымъ словамъ о человѣческой смерти въ обстановкѣ этой «повсе-

дневности», которая за *каждымъ* жуткимъ фактомъ видитъ лишь непосредственную, неоспоримую и такую порой неизмѣримую, неизмѣримую *никакими* мѣрками, сущность...

Будущему историку общественной мысли за періодъ, нами сейчасъ переживаемый, предстоитъ очень трудная задача. И не въ отмѣченной только что *полярности* расцѣнокъ одного и того же явленія будетъ заключаться вся сложность и трудность его задачи; полярность эта —въ той или иной формѣ—неизбѣжна при всякомъ соціальномъ явленіи. Сложность и трудность будетъ состоять въ томъ, что подоплека этой полярности—ея идеологическія обоснованія и психологическая природа—настолько неопредѣленна по своей крайней усложненности и неоформленности, настолько, порой, неожиданна по своему проявленію, настолько, наконецъ, измѣнчива и чувствительна къ воздѣйствію многочисленныхъ факторовъ, вызванныхъ войной,—что установить въ этой области какую-нибудь закономѣрность, безъ риска впасть въ грѣхъ противъ научности и объективности—едва ли представляется возможнымъ.

Но сложность задачи будущаго историка будетъ огромной, когда передъ нимъ встанетъ тотъ поистинѣ жгучій вопросъ, который съ момента перваго выстрѣла на нашей западной границѣ жжетъ умъ и сердце русской демократической интеллигенціи. Онъ увидитъ, что это не то—традиціонное *како вѣруеши?*—которымъ обычно опредѣлялись у русской интеллигенціи пути къ единому Богу «правды и справедливости на землѣ»; это не то психологически-закономѣрное, что въ

теченіе цѣлыхъ десятилѣтій порождалось и диктовалось то оскобленной честью *гражданина*, то больной совѣстью *человѣка*. Это нѣчто поистинѣ трагическое... Многострадальная исторія русской интеллигенціи знаетъ много глубокихъ незабываемыхъ страницъ: она знаетъ страницы жутко-одинокаго подвижничества, страницы героизма, граничащаго съ религіознымъ экстазомъ; яркими красками написаны страницы, поднявшія страну до уровня 1905 года, не менѣе ярки—увы!—по своей мрачности и упадку—страницы, оставленныя намъ только что истекшимъ десятилѣтіемъ. Но въ книгѣ жизни русской интеллигенціи еще не было такихъ *мучительныхъ*, такихъ *трагическихъ* страницъ, которыя пишутся въ сердцахъ современниковъ этой чудовишной войны.

Перепуталось все. Была общность цѣлей, была логическая и психологическая опредѣленность направленій, были методы дѣйствія и даже можно было говорить о типѣ волевой активности, свойственной тому или другому изъ партійныхъ направленій. И вдругъ оказалось, что отъ этой стройности и послѣдовательности мирнаго времени почти ничего не осталось: вчерашніе единомышленники и старые соратники одного и того же партійнаго направленія превратились чуть ли не въ непримиримыхъ враговъ,—враги стали убѣжденными единомышленниками, и даже узы семейнаго родства оказались въ нѣкоторыхъ случаяхъ не способными гарантировать царившее до сихъ поръ прочное единомысліе. Скрестились и перепутались до сихъ поръ прямыя и озаренныя свѣтомъ единаго идеала дороги, и по нимъ

ощупью съ израненнымъ сердцемъ и омраченнымъ ужасами войны умомъ, разобщенная, слабая, безъ огненныхъ порывовъ бредетъ современная русская демократія. Война явилась подлиннымъ испытаніемъ ея духа,—ума, сердца, воли. На чашѣ вѣсовъ неожиданно оказались такія цѣнности, которыя раньше, обычно, или не учитывались, или учитывались, но въ иномъ разрѣзѣ. Неожиданно вскрылись при расцѣнкѣ этихъ цѣнностей подпочвенныя соціальныя и психологическія теченія, и ихъ воздѣйствія оказались настолько же бурными, рѣшительными и стихійно-противорѣчивыми, какъ и сама разразившаяся надъ міромъ кровавая гроза. Условія же этой новой расцѣнки, особенно у насъ, въ Россіи, оказались настолько специфическими, что не удивительно, если то *единое*, что обычно объединяло и направляло умъ и сердце русской демократіи дѣйственнымъ порывомъ, на этотъ разъ исчезло. Пришлось отвѣчать не на традиціонное: *како вѣруеши*?--предъ ошеломленнымъ сознаніемъ всталъ не обычный соціально-политическій фактъ борьбы за раскрѣпощеніе труда, за правду и справедливость на землѣ. Человѣчество и, ярче всего—демократія оказались лицомъ къ лицу предъ величайшимъ насиліемъ надъ закономѣрностью человѣческихъ отношеній, предъ ошеломленнымъ сознаніемъ демократіи всталъ ужъ *жуткій* вопросъ: *какъ* относиться къ войнѣ, которая стала страшнымъ фактомъ?

И отвѣтъ оказался не единымъ. Не единая и раньше, въ своихъ методахъ и оцѣнкахъ соціально-политическихъ явленій, русская демократическая интеллигенція на этотъ разъ обна-

С. А. Шлихтеръ, 2½ лѣтъ.

ружила глубоко-трагическій идейный разбродъ, словно тѣ подпочвенныя соціальныя и психологическія теченія, которыя оказались разбуженными войной, стихійно ворвавшись, смыли, изборождили и безжалостно перепутали давно установившіяся основныя русла, по которымъ обычно направлялись волны интеллигентскаго демократическаго движенія, словно сердце демократіи—подлинно изранено, умъ омраченъ, а дѣйственность воли отравлена міазмами войны.

Разобраться въ этомъ великомъ разбродѣ, вскрыть основные истоки подпочвенныхъ теченій и нарисовать картину идейнаго состоянія, исканій, порывовъ и заблужденій современной демократической интеллигенціи,—это и будетъ одной изъ труднѣйшихъ задачъ будущаго историка общественной мысли. Но онъ не можетъ ограничиться одной лишь областью идей, прослѣдивъ ихъ зарожденіе, обоснованіе и эволюцію,—на его долю неизбѣжно должна выпасть чрезвычайно сложная и кропотливая обязанность по изученію эпохи въ ея подлинныхъ «человѣческихъ документахъ». И съ этой точки зрѣнія.—позволяемъ себѣ думать.—будущему историку общественной мысли нашего времени и особенно—историку современной демократической интеллигенціи, окажетъ скромную услугу и тотъ одинъ изъ подлинныхъ человѣческихъ документовъ, какимъ являются записки С. А. Шлихтера, и тѣ біографическіе матеріалы, которые предлагаются его вниманію и вниманію читателя-современника.

С. А. Шлихтеръ, какъ и большинство изъ жертвъ войны,—погибъ очень молодымъ, но

смерть его—не ординарный фактъ. Въ кровавой распрѣ народовъ онъ—*добровольный* участникъ, его добровольчество явилось сознательнымъ и внутренне-обоснованнымъ актомъ; эта сознательность и убѣжденность явились основными чертами его духовно нравственнаго облика, сложившагося и окрѣпшаго подъ вліяніемъ не только среды, тѣсно связанной съ лучшими традиціями русской демократической интеллигенціи, но и подъ вліяніемъ всѣхъ специфическихъ особенностей русской жизни послѣдняго десятилѣтія. Онъ, словомъ, былъ выразительнымъ представителемъ той части русской демократической интеллигенціи, которая *сумѣла* найти *опредѣленный* отвѣтъ на самый жгучій и больной вопросъ современности.

* *
*

Сергѣй Александровичъ Шлихтеръ родился въ г. Полтавѣ въ 1894 г. въ одной изъ тѣхъ интеллигентныхъ семей, общественная жизнь которыхъ характеризовалась, говоря дореволюціоннымъ языкомъ, частымъ знакомствомъ съ такъ называемыми «независящими обстоятельствами» россійской дѣйствительности.

Можно думать, что «независящія обстоятельства», съ одной стороны, и общій укладъ жизни непосредственно окружавшей его среды, не считавшейся съ этими «обстоятельствами»,—съ другой,—и являются первоисточникомъ зарожденія того строгаго уваженія къ велѣніямъ своей совѣсти, которымъ такъ ярко и опредѣ-

ленно была окрашена дѣятельность С. А. въ послѣдніе два года. Тогда же, съ раннихъ лѣтъ дѣтства незамѣтно начали проявляться и другія черты, ярко характеризовавшія, впослѣдствіи индивидуальность Шлихтера. Крѣпкій и здоровый физически мальчикъ былъ всегда мягкимъ и нѣжнымъ среди своихъ сверстниковъ. Живой и подвижной отъ природы, отдаваясь съ увлеченіемъ разнымъ физическимъ играмъ, маленькій Сережа уже тогда обращалъ на себя вниманіе наблюдательностью ко всему окружающему и страстной любовью къ природѣ. Поле, лѣсъ, рѣка, дождь и снѣгъ, желѣзная дорога и пароходъ,—все, что воспринималъ мальчикъ слухомъ и зрѣніемъ, вызывало съ его стороны цѣлый рой вопросовъ и требовало отвѣта.

Наконецъ, тогда же и такъ же незамѣтно проявились еще нѣкоторыя черты, характерныя для личности С. А. Шлихтера во всѣ послѣдующіе годы его жизни. Это—абсолютная правдивость, скромность и чуткость къ страданіямъ человѣка, кто бы онъ ни былъ и чѣмъ бы эти страданія ни вызывались. Родители С. А. не помнятъ ни одного хотя бы самаго ничтожнаго случая, когда онъ сказалъ бы неправду или что нибудь скрылъ отъ своихъ близкихъ. Это было какое то органическое отвращеніе къ неправдѣ. И когда впослѣдствіи режимъ казенной гимназіи, съ его формальными требованіями и условностями, ставилъ мальчика передъ дилеммой—или сказать неправду или подвергнуть себя опасностямъ взысканія,—Сережа или говорилъ правду, когда это касалось его лично,

или прямо заявлялъ, что онъ ничего не скажетъ, когда вопросъ шелъ о его товарищахъ.*)

Ласка и любовь, забота и вниманіе, которыми окружала мальчика его семья, не помѣшали выработаться въ немъ той скромности и требовательности къ себѣ, которыя затѣмъ стояли на первомъ мѣстѣ въ разнообразные моменты еще только начавшей формироваться юной жизни.

Раннюю чуткость С. А. къ страданіямъ человѣка можетъ лучше всего иллюстрировать слѣдующій эпизодъ. 11 лѣтъ отъ роду Сережа пережилъ и былъ свидѣтелемъ одного изъ потрясающихъ событій 1905-го года: еврейскаго погрома въ г. Кіевѣ послѣ октябрьскихъ дней. Сережа былъ въ то время ученикомъ 2-го класса въ одной изъ мѣстныхъ казенныхъ гимназій. Спустя нѣсколько дней послѣ погрома, до мальчика донесся циркулировавшій по городу слухъ, что однимъ изъ вдохновителей погрома былъ директоръ его гимназіи. Потрясенный этимъ извѣстіемъ Сережа сразу же написалъ письмо къ директору, въ которомъ спрашиваетъ, правду ли о немъ говорятъ и если это дѣйствительно правда, то онъ посылаетъ ему проклятіе. Чтобы уяснить истинное значеніе этого факта для характеристики подрастающаго С. А, слѣдуетъ отмѣтить, что въ дни погрома и въ моментъ составленія письма мальчикъ жилъ внѣ своей семьи (отецъ послѣ 18-го октября долженъ

*) Къ чести Енисейской гимназіи, гдѣ, С. А. Шл. учился съ 5-го класса, надо отмѣтить, что къ этой сторонѣ характера своего питомца педагогическій персоналъ относился въ такихъ случаяхъ съ вниманіемъ и пониманіемъ.

С. А. Шлихтеръ, гимназистъ 2-го класса Кіевской гимназіи, авторъ письма директору о еврейскомъ погромѣ въ Кіевѣ въ 1905 г. (см. біографію).

былъ эмигрировать заграницу, а мать была задержана желѣзнодорожной забастовкой въ Петроградѣ), и, слѣдовательно, порывъ боли за человѣка, вылившійся въ письмѣ, являлся отраженіемъ собственныхъ, непосредственныхъ и никѣмъ не навѣянныхъ переживаній чуткой души. Но, не скрывая отъ своихъ близкихъ ни одного своего желанія и ни одного своего поступка, Сережа отложилъ отсылку своего письма до пріѣзда матери. Подѣлившись съ матерью своимъ письмомъ, мальчикъ, казалось, успокоился и согласился съ ея указаніями на то, что, во 1-хъ, надо очень осторожно относиться ко всякому непровѣренному слуху и, во 2-хъ, что ему еще вообще рано выступать съ такими заявленіями Однако, въ концѣ концовъ, послѣ долгихъ колебаній, письмо свое Сережа отправилъ по адресу и сообщилъ объ этомъ матери уже какъ о совершившемся фактѣ. Этимъ фактомъ Сережа уже тогда какъ бы намѣчалъ для себя ту строгую связность между душевными порывами и вытекающими изъ нихъ поступками, ту неуклонную, настойчивую «согласованность между словомъ и дѣломъ», *) которыя красной нитью проходятъ во всѣхъ его письмахъ, связанныхъ съ войной. Уже мальчикомъ С. А., какъ можно видѣть изъ этого факта, не могъ оставаться постороннимъ зрителемъ тѣхъ событій текущей жизни, которыя волновали его совѣсть и звали къ тому или иному проявленію своего активнаго отношенія къ этимъ событіямъ.

---

*) Выраженіе въ одномъ изъ писемъ его въ моментъ сборовъ на войну.

XIV

Таковы вкратцѣ основные штрихи обстановки, формировавшей личность С. А. Шлихтера, какъ *человѣка*.

Не менѣе многообѣщающими штрихами намѣчались контуры и другой стороны личности С. А. Шл.,—контуры его будущей *интеллектуальной* жизни. Сначала трудно было въ достаточной мѣрѣ предугадать, какъ велики были способности, которыми щедро одарила природа любознательнаго мальчика. Первый годъ ученія въ кіевской гимназіи закончился для него даже съ переэкзаменовкой по двумъ предметамъ. Однако, какъ показали дальнѣйшіе годы, плохую успѣшность мальчика въ это время слѣдуетъ отнести на счетъ постановки учебнаго дѣла въ этой гимназіи, а не на счетъ способностей ученика. Къ счастью, Сережа вскорѣ разстался съ кіевской гимназіей. Семья его послѣ октябрьскихъ дней выѣхала вмѣстѣ съ Сережей изъ Кіева и поселилась въ Финляндіи, въ окрестностяхъ Выборга, а затѣмъ, спустя годъ, переѣхала на жительство въ Петроградъ.

Здѣсь Сережа попалъ въ гимназію, которая пробудила таившіеся въ немъ задатки огромныхъ способностей и оставила неизгладимые слѣды на его дальнѣйшемъ развитіи. Это была частная гимназія Лентовской, организованная товариществомъ учителей, изгнанныхъ изъ казенныхъ гимназій послѣ 1905 года. Съ этой гимназіей связанъ первый литературный опытъ С. А. Будучи въ четвертомъ классѣ, Сережа помѣстилъ въ издававшемся при гимназіи ученическомъ журналѣ двѣ довольно большихъ

статьи: одну—все о томъ же кіевскомъ погромѣ, и другую—о прогулкѣ на водопадъ Иматра.

Съ этого времени мальчикъ, уже и прежде очень много читавшій, начинаетъ усиленно и систематически зачитываться изящной литературой русскихъ и западно-европейскихъ классиковъ и наряду съ этимъ проявляетъ большой интересъ къ историческимъ книгамъ, а также систематически прочитываетъ нѣкоторые отдѣлы текущей періодической печати—газетъ и журналовъ, какіе бывали въ обиходѣ его семьи. Въ результатѣ, когда, при переходѣ въ 5 й классъ, Шлихтеру пришлось, вслѣдствіе ссылки отца въ Енисейскую губернію, снова попасть въ провинціальную гимназію, то общее развитіе мальчика было уже таково, что сразу же выдѣлило его среди товарищей по классу.

За время четырехлѣтняго пребыванія въ Енисейской гимназіи у Сережи окончательно опредѣлилось тяготѣніе къ литературѣ и исторіи, а въ 8-мъ классѣ онъ началъ интересоваться, кромѣ того, философіей. Такое тяготѣніе, въ свою очередь, предрѣшило уже въ 8-мъ же классѣ поступленіе Сережи, по окончаніи гимназіи, на историко-филологическій факультетъ. Окончилъ гимнанію С. А. съ золотой медалью.

Становясь на порогѣ новой жизни, С А. располагалъ не только прекраснымъ знаніемъ всего гимназическаго курса, но еще и другими весьма цѣнными и вполнѣ опредѣлившимися за это время данными, открывавшими широкія возможности для плодотворнаго и разностороннаго использованія интеллектуальныхъ силъ юноши. Важнѣйшія изъ этихъ данныхъ были: усидчивая

трудоспособность, даръ слова, прекрасный литературный языкъ и владѣніе перомъ.

Наконецъ, къ этимъ же особенностямъ начинающейся сознательной жизни надо отнести еще одно пріобрѣтеніе, которое принесъ съ собой студентъ—Шлихтеръ въ университетъ. Пріобрѣтеніе это заключалось въ совершенно сложившемся въ *принципіальномъ* отношеніи стремленіи къ общественной дѣятельности въ интересахъ широкихъ народныхъ массъ. Въ какія конкретныя формы выльется эта дѣятельность.—С. А. Шлихтеръ въ то время еще не зналъ. Выработка опредѣленнаго міросозерцанія, рѣшеніе вопроса о той или иной идеологіи общественныхъ проблеммъ,—это были уже намѣченныя, очередныя, но еще не рѣшенныя задачи. Прежде чѣмъ такъ или иначе рѣшить эти задачи, С. А. считалъ необходимымъ поработать, и оріентироваться въ нѣкоторыхъ общественно-экономическихъ вопросахъ.

Вообще въ юномъ студентѣ С. А. Шлихтерѣ наблюдалось счастливое сочетаніе основныхъ чертъ учащейся интеллигенціи двухъ смежныхъ поколѣній, раздѣляемыхъ 1905-мъ годомъ. Отъ предшествующаго поколѣнія С. А. взялъ *идейное* отношеніе къ своимъ гражданскимъ обязанностямъ и истинно-демократическія потребности работы и борьбы за соціальные идеалы человѣчества. Отъ современнаго же поколѣнія своихъ сверстниковъ С. А. бралъ умѣнье пользоваться всѣми здоровыми радостями и наслажденіями молодости. Аскетизмъ личной жизни, свойственный представителямъ предыдущаго поколѣнія, былъ такъ же чуждъ ему, какъ было

С. А. Шлихтеръ, гимназистъ 8-го класса Енисейской гимназіи.

чуждо и равнодушіе массы современной студенческой молодежи къ разнымъ «проклятымъ» вопросамъ нашей общественности.

Всѣ эти особенности духовнаго облика С. А. особенно ярко проявились въ его отношеніи къ неожиданно разразившейся войнѣ. Если всякое несчастіе есть *испытаніе* для жертвы этого несчастія, то тѣмъ болѣе этимъ испытаніемъ является такой страшный фактъ, какъ война. Какъ и большинство молодежи, онъ органически *не могъ* остаться равнодушнымъ къ этому факту. Онъ былъ еще слишкомъ молодъ, чтобы въ противовѣсъ разразившейся соціальной стихіи могъ противопоставить расхолаживающій скепсисъ умудреннаго опытомъ человѣка, но онъ оказался настолько морально-зрѣлымъ и непосредственно чуткимъ, что, охваченный общимъ порывомъ, онъ пошелъ не съ закрытыми глазами, не какъ слѣпая жертва общаго психоза, а какъ человѣкъ, у котораго хотя и проснулась въ груди волна свойственнаго вообще ему яркаго романтизма, природной страсти къ яркимъ и сильнымъ ощущеніямъ бытія,—но у котораго—въ то-же время не менѣе сильно страдало сердце отъ сознанія разразившагося общечеловѣческаго бѣдствія, умъ лихорадочно искалъ какого-нибудь осмысленнаго оправданія, а совѣсть повелительно требовала неотложнаго, активнаго участія.

Вотъ почему, какъ только разразилась война, С. А. не могъ остаться пассивнымъ зрителемъ ея. Онъ, будучи студентомъ московскаго университета, однимъ изъ первыхъ записася братомъ милосердія въ организованный лвъ

Москвѣ членомъ Госуд. Думы Н. В. Некрасовымъ 1-й Сибирскій врачебно-питательный передовой отрядъ. По истеченіи года, работа въ отрядѣ, наступившая позиціонная война начинаетъ тяготить С. А. томительной безъдѣятельностью, и онъ поступаетъ на службу въ Главный Комитетъ по снабженію арміи и уѣзжаетъ на далекій сѣверъ, въ Колу, въ качествѣ довѣреннаго по розыску грузовъ.

Здѣсь наряду со страстнымъ исканіемъ наиболѣе дѣятельной работы С. А. Шлихтеръ обнаруживаетъ и организаціонныя способности, проявившіяся еще и въ передовомъ отрядѣ. Тамъ онъ составилъ проектъ наиболѣе цѣлесообразной организаціи перевозочныхъ средствъ; здѣсь свои наблюденія онъ изложилъ въ своемъ служебномъ докладѣ въ Отдѣлъ связи и транспорта, въ которомъ не только указываетъ весьма существенные дефекты въ постановкѣ дѣла, но и намѣчаетъ планъ для устраненія этихъ дефектовъ. *)

Спустя три мѣсяца С. А. Шлихтеръ, какъ студентъ 2-го курса, подлежалъ призыву въ дѣйствующую армію и зачисленію въ военное училище. Но, не желая пропускать весеннихъ боевъ, Шлихтеръ откладываетъ поступленіе въ военное училище до осени текущаго года и немедленно зачисляется вольноопредѣляющимся въ команду пѣшихъ развѣдчиковъ 266-го Порѣченскаго полка.

Новое положеніе,—положеніе солдата не мѣняетъ того настроенія, которымъ проникнута

*) Докладъ этотъ былъ представленъ Главноуполномоченному Всероссійскаго Земскаго Союза Г Е. Львову.

была работа С. А. Шлихтера, въ качествѣ студента-санитара. Письма, по прежнему часто посылаемыя имъ своимъ роднымъ, полны все той же искренностью передъ собой, беззавѣтной самоотверженностью и „согласованностью между словомъ и дѣломъ“,—чертами, такъ ярко и выпукло выступающими на всемъ протяженіи «писемъ и дневника студента-санитара». Даже въ послѣднемъ прощальномъ письмѣ, написанномъ за 12 часовъ до боя, автора не покидаютъ эти основныя черты его характера. «Скорѣе бы въ бой, пишетъ онъ: и вообще хочется, да и нервы натянуты уже нѣсколько дней въ ожиданьи»...

Въ этомъ бою 20 іюня 1916 г. подъ Барановичами авторъ былъ тяжело раненъ въ шею ручной бомбой уже послѣ того, какъ атака была успѣшно закончена, и онъ, захвативъ третью линію окоповъ, ждалъ подкрѣпленій,—чтобы повести батальонъ дальше и «напасть на батарею».

Истекая кровью, С. А. Шлихтеръ имѣлъ силы самъ дойти къ санитарамъ, высланнымъ на поле битвы летучкой Сибирскаго отряда, и былъ, затѣмъ, отнесенъ ими на перевязочный пунктъ.

Какъ ни тяжела была рана, однако есть серьезныя основанія думать, что крѣпкій, молодой и здоровый организмъ выдержалъ бы, если-бы автору удалось доѣхать до Москвы, куда онъ страстно стремился. Невозможность скоро попасть въ санитарный поѣздъ и отсутствіе надлежащей медицинской помощи въ пути докончили то, что было начато бомбой.

На пятый день раненія, 25-го іюня, въ 11 ч. вечера, авторъ скончался послѣ третьяго при-

падка удушья въ поѣздѣ, по пути въ Москву, подъ Минскомъ.

Спустя мѣсяцъ, тѣло автора было перевезено Главнымъ комитетомъ З. и Г. С. изъ Минска въ Москву и похоронено на Братскомъ кладбищѣ, въ отдѣлѣ «общественныхъ работниковъ».

Тамъ, подъ сѣнью вѣковой сосны, среди тысяцъ могильныхъ холмовъ, нѣмыхъ свидѣтелей насилія человѣка надъ человѣкомъ, спитъ вѣчнымъ сномъ благородное сердце юноши, который «изъ своей такой молодой, такой недолгой жизни сумѣлъ сдѣлать цѣлостный и красивый подвигъ»...*)

*) Изъ некролога газ. „Южная Сибирь“ № 35, 6 іюля, 1916 года.

Воспоминанія о Сергѣе Шлихтерѣ.

Мое близкое знакомство съ Сергѣемъ Шлихтеромъ началось во время войны.

Осенью 1914 года мы, какъ и большинство студенчества, были охвачены желаніемъ принять активное участіе въ войнѣ, принести какую нибудь пользу, но не могли рѣшиться поступить на военную службу по соображеніямъ, столь понятнымъ для всей учащейся молодежи, и записались санитарами въ 1-й Сибирскій отрядъ.

Но для полученія какихъ нибудь свѣдѣній въ санитаріи мы проработали одинъ мѣсяцъ въ хирургической лечебницѣ Руднева.

Какъ сейчасъ помню первую операцію, на которой намъ разрѣшили присутствовать. Сергѣю дали держать руку раненаго, которому должны были ее оперировать.

Для человѣка, не имѣвшаго раньше никакого дѣла съ ранеными, это было довольно тяжелое испытаніе.

Уже больше половины операціи было сдѣлано, какъ я, нечаянно взглянувъ на Сергѣя, поразился блѣдностью его лица; ему сдѣлалось нехорошо, такъ какъ дѣйствительно видъ разрѣзанныхъ мышцъ, перепиливаемыхъ костей заставилъ содрагаться даже людей съ крѣпкими нервами.

Сергѣй передалъ мнѣ руку оперируемаго, а самъ, поборовъ слабость, всетаки остался въ операціонной.

21-го ноября мы выѣхали изъ Москвы съ 1-ымъ Сибирскимъ отрядомъ и только 28-го прибыли въ г. Опочно, Радомской губерніи.

Здѣсь нашъ отрядъ раздѣлился на 2 летучки и лазаретъ. Мы съ Сергѣемъ попали въ разныя летучки, и поэтому первое время на фронтѣ работали отдѣльно другъ отъ друга.

Я часто получалъ отъ него письма, гдѣ онъ описывалъ свои воспоминанія, выражая полное удовлетвореніе своей дѣятельностью.

«Я убѣжденъ, писалъ онъ, что мы поступили правильно, пойдя на войну санитарами, въ качествѣ которыхъ мы можемъ, какъ я убѣдился, приносить массу пользы, и неизвѣстно какіе бы изъ насъ еще вышли солдаты».

Въ летучкѣ «А», гдѣ работалъ Сергѣй, часто происходили столкновенія съ администраціей, и товарищи всегда уполномачивали для переговоровъ Сергѣя, который вообще выдѣлялся своимъ умомъ и умѣніемъ говорить.

Дѣйствительно, впослѣдствіи, въ тѣхъ случаяхъ, когда происходили разныя столкновенія съ начальствомъ отряда, мы всегда просили Сергѣя выступать отъ имени нашей корпораціи, и долженъ сказать, что лучшаго защитника нашихъ интересовъ найти было трудно.

Только въ январѣ мы соединились съ Сергѣемъ въ летучкѣ «Б», куда его перевели изъ «А» съ сестрой милосердія О. И. Шишмаревой и санитаромъ студентомъ Вознесенскимъ.

XXIII

Къ этому времени относится начало его корреспондентской дѣятельности въ газетѣ «Сибирская Жизнь».

Часто санитарной работы въ это время было мало, но въ наши обязанности входила рубка и возка дровъ, воды, отопленіе и чистка помѣщенія.

Вообще не было черной работы, которой бы мы не занимались, и намъ это не казалось тяжелымъ. Офицеры, бывшіе въ нашей летучкѣ, прозвали ее «Толстовской колоніей».

Въ февралѣ 15-го года, какъ разъ во время посѣщенія нашей летучки писателемъ Таномъ, случилось первое несчастье нашего отряда: въ передовой линіи окоповъ, во время раздачи бѣлья и подарковъ солдатамъ, были тяжело ранены сестра Шишмарева, студентъ Вознесенскій и легко раненъ и контуженъ Шлихтеръ.

Сергѣй велъ себя геройски. Несмотря на то, что самъ былъ раненъ, подъ сильнымъ огнемъ одинъ поднялъ О. И. Шишмареву, отнесъ въ землянку и перевязалъ, такъ какъ всѣ солдаты, бывшіе здѣсь, разбѣжались.

Затѣмъ Сергѣй, отыскавшій ходы сообщенія, отнесъ съ помощью солдатъ, сестру и Вознесенскаго въ летучку.

На другой день, несмотря на свою контузію, поѣхалъ сопровождать Шишмареву въ Варшаву и пробылъ тамъ 2 недѣли.

Напрасно умоляли его родители и мы поѣхать хоть не надолго въ отпускъ отдохнуть; онъ не согласился и пріѣхалъ обратно въ свою любимую летучку „Б“.

Настроеніе у него, какъ и у всѣхъ насъ, въ то время было грустное, такъ какъ вскорѣ сестра Шишмарева умерла.

Жизнь въ летучкѣ протекала по старому и разнообразилась только ожиданіемъ нашего наступленія по всему фронту.

Въ концѣ апрѣля нашъ уполномоченный, членъ Думы Н. В. Некрасовъ, добился перевода отряда на другой фронтъ, въ Галицію, и первая должна была выступать летучка „Б".

Помню тотъ радостный день, когда наша летучка получила приказъ выступить черезъ 2 дня въ походъ, а Сергѣю Шлихтеру немедленно ѣхать въ Галицію и найти мѣсто для летучки.

Миссія была нѣсколько трудна и отвѣтственна.

Поѣздка Сергѣя въ Галицію описана имъ въ настоящей книгѣ. Также хорошо помню тотъ день, когда летучка послѣ двухнедѣльнаго путешествія прибыла въ Бускъ, расчитывая отдохнуть нѣсколько дней, ожидая Сергѣя.

Размѣстивши обозъ, вся наша летучка in corpore отправилась въ «цукерню», разсчитывая основательно закусить, отдохнуть, но не успѣли мы съѣсть перваго блюда, какъ вдругъ, вбѣгаетъ Сергѣй, радостный и измученный долгимъ путешествіемъ.

— Господа, немедленно собирайтесь, надо спѣшить къ бою; я нашелъ мѣсто для летучки въ 75 дивизіи, на рѣкѣ Дунайцѣ; и насъ тамъ ждутъ съ нетерпѣніемъ.

Мы не стали долго раздумывать, быстро собрались и, совершенно не отдохнувши, ночью выступили въ походъ. Въ пути Сергѣй разска-

С. А. Шлихтеръ, студентъ 1-го курса Московскаго Университета.

залъ мнѣ, что на этомъ фронтѣ и не слыхали про отряды общественныхъ организацій, въ нихъ страшно нуждаются, такъ какъ околотки не могутъ перевязать и эвакуировать огромнаго наплыва раненыхъ за послѣдніе упорные бои.

Также передалъ тяжелое впечатлѣніе, которое произвело на него отстутствіе достаточнаго количества снарядовъ въ нашей артиллеріи и подавленное, вслѣдствіе этой причины, настроеніе войска.

— О наступленіи, говорилъ онъ, не можетъ быть и рѣчи, и дай Богъ удержаться на завоеванныхъ позиціяхъ.

И какъ сбылись его слова!

Не надо забывать, что тогда еще недавно былъ взятъ Перемышль и въ арміи уже поговаривали о взятіи Кракова и объ общемъ наступленіи.

Утромъ мы вступили въ Галицію, углубившись въ нее всего на 10 верстъ и развернулись въ деревнѣ „Воля Гренбушеска“ въ 1½--2 верстахъ отъ окоповъ. Раненые къ намъ такъ и повалили со всѣхъ полковъ дивизіи, работа кипѣла день и ночь.

3 дня и 3 ночи работали мы, не ложась спать ни на одну минуту, отъ времени до времени отправляясь въ окопы во время боя за ранеными. Уже послѣ Сергѣй разсказывалъ, что за все время своей работы онъ не бывалъ подъ такимъ дождемъ пуль, какъ здѣсь, и онъ глубоко убѣжденъ, что никто изъ насъ не вернется съ войны цѣлымъ и невредимымъ.

Бои подъ Дунайцемъ, дѣйствительно отличались необыкновенной ожесточенностью. Мадьяры

наступали густыми колоннами, совершенно пьяные, съ безумной смѣлостью. Ихъ артиллерія буквально засыпала снарядами наши окопы и тылъ верстъ на 5, получая въ отвѣтъ лишь жидкіе залпы нашей артиллеріи. Наши войска самоотверженно отбивались, но силы все таяли и таяли; и ни для кого не было секретомъ, что мы оставляемъ эти позиціи и уходимъ обратно за Вислу.

Пробывъ въ Галиціи 3 сутокъ, наша летучка ночью получаетъ приказъ немедленно свертываться и уходить.

Началось знаменитѣйшее въ исторіи всѣхъ временъ и народовъ отступленіе.

Съ середины апрѣля мы отходили до конца августа, останавливаясь на нѣкоторыхъ позиціяхъ на болѣе или менѣе продолжительный срокъ.

Въ началѣ мая наша лутучка развернулась въ 1½ верстахъ отъ мѣстечка Копршивницы, въ которомъ были расположены наши окопы и эвакуировка рененыхъ въ тылъ.

Въ самомъ мѣстечкѣ у насъ былъ устроенъ передовой перевязочный пунктъ. Мы съ Сергѣемъ часто дежурили вмѣстѣ по ночамъ, перевязывая свѣжихъ раненыхъ и отвозя ихъ вълетучку.

Приблизительно въ началѣ мая, я захворалъ маляріей, и доктора велѣли мнѣ ѣхать въ отпускъ.

Мнѣ не хотѣлось разставаться съ отрядомъ, бросать работу, но Сергѣй уговорилъ меня и поѣхалъ вмѣстѣ со мной въ Сибирь.

Настроеніе у него въ это время было очень бодрое, жизнерадостное, часто говорилъ онъ о предстоящемъ свиданіи съ родителями и собирался заняться серьезно литературной дѣятельностью.

Моксва немного ему испортила настроеніе, такъ какъ въ этотъ наиболѣе неудачный періодъ войны, тылъ малодушествовалъ, представляя себѣ положеніе на фронтѣ въ слишкомъ мрачномъ свѣтѣ.

Въ концѣ мая мы пріѣхали въ Красноярскъ, гдѣ разстались на 3 недѣли, такъ какъ я уѣхалъ въ Минусинскъ.

Во время его пребыванія дома, Сергѣемъ было написано много статей въ «Сибирской Жизни» и въ «Сибирской Мысли» Въ серединѣ іюня, несмотря на просьбы его родителей пожить еще дома, онъ поѣхалъ съ мной обратно въ отрядъ. За время нашего отпуска, позиціи придвинулись къ Люблину. Верстахъ въ 10 отъ него, мы нашли свою летучку и здѣсь узнали, что былъ раненъ завѣдующій обозомъ студентъ Ушаковъ, такъ что Сергѣю пришлось взять на себя его обязанности. Хотя Сергѣя больше прельщала работа брата милосердія, но отказываться не приходилось, къ тому же и меня назначили завѣдующимъ хозяйства.

Въ этотъ наиболѣе дѣятельный періодъ лѣтней кампаніи намъ приходилось работать рука объ руку.

На нашихъ обязанностяхъ лежало управленіе всей летучкой въ то тяжелое время отступленія, когда на одномъ мѣстѣ стояли не свыше 3-4 дней.

Ночные переходы въ 40-45 верстъ по незнакомой мѣстности безъ проводника, съ громаднымъ обозомъ, полнымъ ранеными, требовали постоянной энергіи, находчивости и нервнаго напряженія.

Какъ начальникъ обоза Сергѣй былъ на высотѣ положенія; онъ самъ слѣдитъ до тѣхъ поръ, пока не приведетъ летучку на мѣсто, размѣститъ персоналъ, нижнихъ чиновъ, раненыхъ, не поставитъ дежурную двуколку на позиціи.

Презирая отдыхъ, онъ все время убивалъ на постоянныхъ хлопотахъ въ разныхъ усовершенствованіяхъ обоза, покупая лошадей у бѣженцевъ и доставая фуражъ.

Въ свободное отъ своей обозной дѣятельности время онъ ѣздилъ на позиціи, таская и перевязывая раненыхъ.

Часто говорилъ ему старшій врачъ нашей летучки докторъ Б., что нельзя же такъ переутомляться, пренебрегать своимъ здоровьемъ, но онъ никого не хотѣлъ слушать.

Черезъ мѣсяцъ его завѣдыванія обозъ принялъ совершенно новый видъ. Сергѣй увеличилъ количество повозокъ для раненыхъ, усовершенствовалъ ихъ, насколько возможно, и вообще завелъ порядокъ среди обозныхъ солдатъ.

22-го іюля послѣ 40 верстнаго перехода летучка «Б» развернулась въ деревнѣ Бжостувкѣ, бои начались въ тотъ же день.

Въ виду того, что раненыхъ было необыкновенное количество и своихъ перевозочныхъ средствъ не хватало, мы мобилизовали всѣ крестьянскія телѣги въ ближайшихъ деревняхъ.

23-го притокъ раненыхъ продолжался; нашу деравню (въ одной верстѣ отъ передовой линіи окоповъ) жестоко обстрѣливали.

Въ обозѣ убита одна лошадь и тяжело раненъ санитаръ. Мы не спали уже 2 ночи, моментами казалось, что отъ усталости свалишься на ходу и заснешь, гдѣ попало.

Наконецъ, 24-го нѣмцы усилили огонь до максимума, производя настоящій адъ. Приходилось объясняться жестами, такъ какъ отъ грохота снарядовъ не слышали другъ друга.

Часовъ въ 12 дня Сергѣй пошелъ въ окопы за ранеными, а въ 1 часъ дня намъ пришлось спѣшно уходить, такъ какъ нѣмцы сдѣлали прорывъ и наши солдаты отступали, отстрѣливаясь по деревнѣ, мимо нашего отряда.

Въ этотъ критическій моментъ я взялъ на себя завѣдываніе обозомъ. Въ нѣсколько минутъ летучка свернулась и отошла въ тылъ, вглубь деревни, которая тянулась на 3 версты.

Затѣмъ, помчался верхомъ отыскивать Сергѣя, такъ какъ прошло 2 часа съ того момента, какъ онъ уѣхалъ за ранеными и не возвращался.

По дорогѣ я встрѣтилъ одного товарища, который сообщилъ мнѣ, что Сергѣй пошелъ въ сосѣдній полкъ, куда сейчасъ не пропускаютъ, въ виду изломанной линіи фронта, образовавшейся, благодаря прорыву.

Нашъ полкъ, отступивъ на версту, окопался какъ разъ тамъ, гдѣ была наша перевязочная, отбилъ атаки нѣмцевъ, а мы занялись эвакуаціей раненыхъ. Уже вечеромъ, послѣ того, какъ были размѣщены и отправлены раненые,

сдѣлавъ распоряженіе по хозяйству, я поѣхалъ отыскивать Сергѣя, отсутствіе котораго все больше и больше начало меня безпокоить, въ голову приходили мрачныя мысли, что онъ убитъ, такъ какъ, еслибы онъ былъ раненъ, его давно доставили бы въ отрядъ.

Обойдя окопы цѣлаго полка и не узнавъ про него ничего достовѣрнаго, я поѣхалъ справляться въ полковыхъ перевязочныхъ пунктахъ и по дорогѣ наткнулся на двуколку, везшую Сергѣя, легко раненаго въ ногу. Онъ былъ раненъ въ слѣдующей обстановкѣ: перевязывая раненыхъ въ передовой линіи, узналъ о прорывѣ и побѣжалъ въ сосѣднюю роту извѣстить объ отступленіи, такъ какъ никто изъ солдатъ не хотѣлъ этого дѣлать, и только, благодаря его находчивости и смѣлости, эта рота не попала въ плѣнъ.

Извѣстивъ объ отходѣ, онъ взялъ себѣ на плечи раненаго командира этой роты, и хотя въ этотъ моментъ самъ былъ раненъ, всетаки вынесъ офицера изъ огня.

На другой день Сергѣя отвезли въ лазаретъ, гдѣ онъ пробылъ 3 недѣли, опять отказавшись ѣхать въ отпускъ.

За этотъ подвигъ онъ былъ награжденъ Георгіевскимъ Крестомъ 4 степени.

Въ концѣ августа я поѣхалъ по дѣламъ отряда въ Москву, такъ что періодъ времени съ 25-го августа по 16 сентября мы съ нимъ не видались.

16 сентября я вернулся въ летучку, позиціи были уже въ 100 верстахъ отъ Минска.

XXXI

Въ арміи ходили слухи, что на этихъ позиціяхъ, мы, наконецъ, остановимся и даже, можетъ быть, пойдемъ въ наступленіе. чтобы поднять настроеніе, послѣ безконечнаго отступленія изъ Галиціи и Польши.

Въ ночь на 17 сентября приходитъ приказъ вернуться и быть наготовѣ, такъ какъ въ 5 часовъ утра наша дивизія наступаетъ и, по всей вѣроятности, будетъ много раненыхъ.

Мы съ Сергѣемъ условились такимъ образомъ: когда онъ будетъ на позиціяхъ, я замѣняю его въ обозѣ, и наоборотъ.

Въ 6 часовъ утра наша артиллерія открыла огонь, затѣмъ застучали пулеметы и поднялась ружейная стрѣльба.

Наши пошли въ атаку.

Вскорѣ Сергѣй отправился въ окопы, а я въ это время занимался эвакуаціей раненыхъ; часа въ 2 онъ вернулся и разсказалъ, что нѣмецкихъ окоповъ взять не удалось, а наши наступающія цѣпи залегли шагахъ въ 200 отъ нѣмецкой проволоки.

Я пробылъ въ окопахъ до 10 часовъ вечера, гдѣ было огромное количество раненыхъ, такъ что вся наша летучка работала, не отдыхая почти двое сутокъ.

Слѣдующія ночи на 19 и 20-е мы съ Сергѣемъ и другими товарищами провели въ развѣдкахъ, таская тяжело раненыхъ, оставшися около германской проволоки послѣ боя 17-го сентября, такъ какъ взять германскихъ окоповъ не удалось.

Въ одной изъ этихъ развѣдокъ произошелъ случай, чуть не стоившій жизни намъ обоимъ.

XXXII

Черезъ 2 дня послѣ боя, 17 сентября, ночью развѣдчики Фанагорійскаго полка получаютъ приказаніе подобрать раненыхъ, оставшихся у непріятельскихъ проволочныхъ загражденій, откуда слышались иногда ихъ стоны.

Я, Сергѣй и еще 2 товарища приняли участіе въ этой развѣдкѣ такъ же, какъ солдаты, вооруженные винтовками.

Была осенняя темная ночь, развѣдчики и мы шли длинной цѣпью, почти касаясь другъ друга, боясь растеряться.

Разстояніе между нашими и непріятельскими окопами доходило до 4 верстъ, такъ что первыя двѣ версты мы шли спокойно, такъ какъ впереди насъ были наши секреты.

Пройдя версты 3, наша партія раздѣлилась. Большая часть партіи, такъ называемое «ядро», осталась на мѣстѣ, а остальные поползли впередъ, изслѣдуя каждую ямку, воронку отъ снарядовъ, куда могли бы заползти раненые.

Наконецъ, мы подползли до проволочныхъ загражденій, находящихся шагахъ въ 60-100 отъ передовой линіи, рискуя каждую минуту нарваться на непріятельскій секретъ. Раненыхъ здѣсь нашли всего 3 человѣка: одного соннаго и двухъ безсознательныхъ. Нервы были напряжены до послѣдней степени, руки судорожно сжимали винтовку, и въ сознаніи звенѣла одна мысль: при встрѣчѣ съ врагомъ кидаться на него, какъ звѣрь, не давая опомниться ни ему, ни себѣ.

Изслѣдовавши одну полянку, мы собрались въ кучку и рѣшили поползать по разнымъ напра-

вленіямъ, чтобы детально изслѣдовать этотъ участокъ.

Я поползъ по какому-то откосу, вдоль нѣмецкой проволоки, прижимаясь всѣмъ тѣломъ къ землѣ въ моментъ вспыхиванія непріятельскихъ ракетъ. Вдругъ вижу какая то фигура, шагахъ въ 20, крадется, направивъ винтовку прямо въ меня.

«Германецъ», подумалъ я, внутри что то оборвалось, и съ того мемента всѣми моими дѣйствіями руководилъ какъ бы кто другой.

Я весь подобрался, насторожился, взвелъ курокъ у винтовки, но стрѣлять рѣшилъ, только въ самомъ крайнемъ случаѣ, такъ какъ одинъ выстрѣлъ могъ погубить остальныхъ товарищей.

Германецъ приподнялся, взялъ винтовку на перевѣсъ и бросился на меня. Моментально вскочивъ, я бросился на встрѣчу, готовясь спустить курокъ, вдругъ вижу, что передъ мной Сергѣй, съ нелѣпо поднятымъ ружьемъ, обезумѣвшими глазами, застывшій въ одной позѣ

«Ну, ну», произнесли мы, узнавъ другъ друга и понявъ, что избѣгнули какимъ то чудомъ ужаснаго несчастія.

Впослѣдствіи, вспоминая этотъ случай, мы признавались другъ другу, что тогда были пережиты мгновенія, неизгладимыя изъ памяти на всю жизнь.

20-го Сентября командиръ Фанагорійскаго полка прислалъ извѣщеніе въ летучку, что прошлою ночью развѣдчики обнаружили большое количество тяжело раненыхъ, лежащихъ у непріятельской проволоки, но подобрать ихъ нѣтъ никакой возможности такъ какъ нѣмцы, при

приближеніи нашихъ солдатъ, открываютъ ружейный и пулеметный огонь.

Наша летучка выработала такой планъ: послать сначала одного парламентера съ флагомъ краснаго креста, который долженъ добиться разрѣшенія у нѣмцевъ подобрать раненыхъ.

Идти въ качествѣ парламентера вызвались трое: Сергѣй, Шишкевичъ и я; но такъ какъ никто не хотѣлъ уступить другому, то всѣ пошли втроемъ.

Нѣмцы встрѣтили насъ очень дружелюбно, и, переговоривъ съ вышедшимъ къ намъ навстрѣчу нѣмецкимъ лейтенантомъ, мы вызвали къ нѣмецкимъ окопамъ всю летучку и подобрали несчастныхъ солдатъ, пролежавшихъ безъ перевязки и питья три дня и три ночи подъ ружейнымъ и артеллерійскимъ огнемъ.

Этотъ случай, напоминающій Гаршиновскіе «Четыре дня» описанъ Сергѣемъ въ его художественномъ разсказѣ «Мертвые воскресли».

Подборъ раненыхъ, спустя 3-е сутокъ послѣ раненія, произвелъ на Сергѣя, какъ и на всѣхъ участниковъ, большое впечатлѣніе, и, когда впослѣдствіи онъ вспоминалъ о работѣ въ летучкѣ, то считалъ день 20 сентября самымъ интереснымъ и счастливымъ днемъ за все время работы на войнѣ въ качествѣ санитара.

Періодъ отъ 20 сентября до 1 го ноября отличался полной бездѣятельностью, такъ какъ началась позиціонная война послѣ безконечныхъ мѣстныхъ боевъ во время великаго отступленія.

Въ то время многія изъ студентовъ, работающихъ въ летучкѣ, стали выходить изъ отряда и поступали въ военныя училища.

XXXV

Вопросъ поступленія на военную службу сталъ болѣе или менѣе задѣвать всѣхъ насъ, такъ какъ ожидался вскорѣ призывъ студентовъ.

Мы съ Сергѣемъ много разъ обсуждали вопросъ, должны ли мы поступать сейчасъ, добровольно, или ждать призыва.

Наконецъ, чтобы разобраться, какъ слѣдуетъ, въ этомъ вопросѣ мы поѣхали въ Москву, въ началѣ ноября 1915 г.

Но здѣсь мы не могли опредѣлить точку зрѣнія студенчества относительно добровольнаго поступленія въ военныя училища и послѣ нѣкотораго колебанія подали прошенія въ Александровское военное училище.

Но, несмотря на блестящіе аттестаты, Сергѣя не приняли вслѣдствіе того, что его дѣдушка былъ нѣмецкимъ колонистомъ.

Въ декабрѣ Сергѣй поѣхалъ въ Красноярскъ, гдѣ много писалъ въ журналахъ и газетахъ и вернулся въ Москву въ началѣ февраля.

Я же былъ уволенъ отъ военной службы по болѣзни сердца. Въ отрядъ намъ возвращаться не хотѣлось, такъ какъ тамъ въ то время не было работы, и мы поступили довѣренными въ Главный Комитетъ по снабженію арміи В. З. и Г. Союзовъ, гдѣ получили командировку въ Портъ Александровскъ для отправки оттуда грузовъ «Земгора», полученныхъ изъ Америки

Настроеніе у Сергѣя было очень бодрое, онъ не жалѣлъ, что не былъ принятъ въ военное училище, и часто говорилъ мнѣ: «когда призовутъ, то поступлю простымъ солдатомъ прямо на позиціяхъ, чтобы избѣгнуть всей этой не нужной муштры въ тылу».

Въ періодъ нашего пребыванія въ Архангельскѣ, около 1½ мѣс. мы жили тихо, спокойно, отдыхая послѣ тяжелой работы въ отрядѣ много читали и занимались.

Въ концѣ марта мы поплыли на ледоколѣ «Белльявенгуръ» въ Портъ Александровскъ, откуда я выѣхалъ обратно раньше его, такъ какъ Сергѣй поѣхалъ еще въ норвежскій портъ Вардэ.

Во время путешествія на Мурманъ, намъ съ Сергѣемъ удалось принять участіе въ охотѣ на тюленей.

Надо сказать, что тюленья охота по своей оригинальности и самобытности совершенно не имѣетъ ничего общаго съ прочими видами охотъ.

Нашъ ледоколъ, упорно пробиваясь среди льдовъ, застрялъ недалеко отъ устья Бѣлаго моря такъ крѣпко, что не могъ двинуться ни взадъ, ни впередъ

Простоявъ 2 сутокъ среди сплошного ледяного поля, мы уже начали сильно скучать, какъ вдругъ одинъ изъ матросовъ-наблюдателей прибѣгаетъ въ каютъ-компанію и сообщаетъ, что на гаризонтѣ появилось огромное количество тюленей, верстахъ въ 6 отъ нашего ледокола.

Тотчасъ же снарядилась цѣлая экспедиція, человѣкъ въ 20, вооружившись толстыми палками и длинной веревкой.

Пройдя версты 1½ по чистому снѣжному полю, мы увидѣли передъ собой ломаный ледъ, пробираться по которому можно было, лишь перепрыгивая съ одной льдины на другую, а трещины, такъ называемое «разводье» (по сибирски «полыньи»)

обходить по болѣе или менѣе крѣпкимъ льдинамъ.

Идти впередъ становилось все труднѣе и труднѣе, уже каждый изъ нашей компаніи нѣсколько разъ испыталъ удовольствіе принять ванну Бѣлаго моря, откуда вылазилъ при помощи веревки, кидавшейся моментально тонувшему другими товарищами, стоящими на льдинахъ.

Но, благодаря солнечной погодѣ (температура была около 5° ниже нуля), эти ванны не были особенно ощутительны.

Между тѣмъ разстояніе между нами и тюленями все сокращалось, и мы уже ясно видѣли все огромное стадо, штукъ въ 200, спокойно лежащихъ на ледяной полянѣ, окруженной ломанымъ льдомъ, въ виду чего туда попасть оказалось очень труднымъ. Наша экспедиція остановилась и выработала слѣдующій планъ: охотники должны были разойтись и окружать тюленей со всѣхъ сторонъ, чтобы не дать имъ уйти подъ воду.

Мы съ Сергѣемъ, по обыкновенію, пошли вмѣстѣ, проваливаясь и вытаскивая одинъ другого, не спуская глазъ съ тюленей, даже не подозрѣвающихъ, что скоро наступитъ ихъ послѣдній часъ.

Недалеко отъ завѣтной поляны, Сергѣй провалился такъ глубоко, что подъ льдомъ виднѣлась только одна голова. Я не зналъ, какъ вытаскивать, но къ счастью онъ не растерялся, протянулъ руку, поймалъ мою веревку, и мнѣ удалось его вытащить.

Несмотря на то, что Сергѣй послѣ такой ванны представлялъ изъ себя нѣчто вродѣ ледяной сосульки, онъ не бросилъ намѣренія про-

должать охоту, и мы быстро побѣжали впередъ.

Въ виду того, что тюленя достаточно одинъ разъ сильно ударить по головѣ толстой палкой для того, чтобы убить, наша компанія убила около 100 штукъ, сняли шкуры съ саломъ и перетащили ихъ на ледоколъ.

Сергѣю пришлось дорого поплатиться за эту охоту: онъ отморозилъ себѣ пальцы обѣихъ рукъ которые удалось вылечить только спустя цѣлую недѣлю.

Но охота его очень увлекала, и онъ вносилъ въ нее, какъ и во всякое дѣло, которымъ занимался, массу предпріимчивости, иниціативы и находчивости.

По пріѣздѣ въ Портъ-Александровскъ, мы съ Сергѣемъ раздѣлились: онъ работалъ въ Семеновской бухтѣ, а я въ самомъ портѣ, такъ что мы въ то время видѣлись очень мало

Въ концѣ апрѣля я уѣхалъ обратно въ Архангельскъ, а онъ остался здѣсь на нѣкоторое время и съѣздилъ въ норвежскій портъ Вардэ.

Встрѣтились мы съ нимъ уже въ маѣ, на позиціяхъ въ командѣ развѣдчиковъ 266-го Порѣченскаго полка, куда поступили въ качествѣ вольноопредѣляющихся. Несмотря на то, что мы пробыли съ нимъ въ полку цѣлый мѣсяцъ, говорить другъ съ другомъ намъ приходилось очень рѣдко, такъ какъ весь этотъ періодъ мы провели въ походахъ, развѣдкахъ, а отдыхи въ 2-3 дня уходили на посѣщенія Сибирскаго отряда, гдѣ у насъ было много друзей.

Не разъ говорилъ мнѣ Сергѣй: «какъ ни тяжела, опасна жизнь пѣхотнаго солдата на позиціяхъ, всѣ эти лишенія сторицей вознагра-

даются сознаніемъ, что ты поступилъ честно, не прячась въ артиллерію или въ другія болѣе спокойныя и безопасныя части войскъ».

Намъ приходилось дѣлать переходы въ 35-40 верстъ по грязнымъ дорогамъ, подъ дождемъ, затѣмъ ложиться спать подъ деревомъ на мокрой травѣ, укутываясь сырой шинелью, но у Сергѣя всегда находилось достаточно силы воли, чтобы не поддаваться минутной слабости.

Вообще всѣ неудобства, лишенія походной жизни Сергѣй переносилъ довольно легко, несмотря на свое въ общемъ неважное здоровье.

Особенно тяжело было безпрерывное хожденіе пѣшкомъ. Какъ развѣдчиковъ, насъ послѣ 40 верстнаго перехода часто посылали впередъ изучать позиціи, на которыя долженъ былъ размѣститься полкъ и, проходивши всю ночь, мы возвращались съ тѣмъ, чтобы вести полкъ по изученнымъ нами подходамъ и подступамъ.

Начальникъ нашей команды развѣдчиковъ часто поручалъ Сергѣю дѣлать снимки расположенія нашихъ позицій, такъ какъ Сергѣй увлекся фотографіей и никогда не разставался съ аппаратомъ.

Послѣдніе дни передъ боемъ 20 іюня, когда мы оба были ранены, я представляю себѣ какъ въ туманѣ. Помню, что приходилось ходить до полнаго изнеможенія, не ложась спать по нѣсколько дней и ночей подъ рядъ.

17-го іюня нашъ полкъ сталъ на отдыхъ, а 19 намъ прочитали приказъ о наступленіи 20-го по всему фронту.

Настроеніе въ тотъ день было торжественное, не было слышно ни ругани, ни криковъ.

Солдаты оставляли ненужныя вещи въ обозѣ, писали письма домой и обмѣнивались адресами, условливаясь съ товарищами такимъ образомъ, что, въ случаѣ смерти одного, другой обязывался извѣстить объ этомой семью убитаго. Сергѣй написалъ письмо домой и былъ въ грустномъ настроеніи. Не знаю, предчувствовалъ ли онъ, что его ожидаетъ завтра, но во всякомъ случаѣ думы его были невеселыя.

Ночью нашъ полкъ передвинули на позиціи. Во время этого своего послѣдняго похода Сергѣй жаловался на какое то недомоганіе, слабость и, придя въ окопы, онъ тотчасъ же крѣпко уснулъ, даже не поболтавъ, какъ обыкновенно, передъ сномъ со мной.

Когда нашъ полкъ уже сидѣлъ въ первой линіи германскихъ окоповъ и пришелъ приказъ идти дальше, то, оказалось, что въ ротѣ, гдѣ былъ Сергѣй, выбиты всѣ офицеры и унтеръ-офицеры.

Сергѣй принялъ на себя командованіе этой ротой, взялъ вторую сильно укрѣпленную линію непріятельскихъ окоповъ, гдѣ забралъ около 100 плѣнныхъ.

Затѣмъ послалъ донесеніе батальонному командиру съ просьбой подкрѣпленія, разсчитывая напасть на батарею, когда были уже невдалекѣ, но въ это время былъ тяжело раненъ осколкомъ ручной бомбы въ горло.

Долго бродилъ онъ, едва держась на ногахъ отъ слабости и истекая кровью, отыскивая свои окопы, пока его не подобрали санитары, отнесшіе его на перевязочный пунктъ Сибирскаго отряда, откуда его отправили въ лазаретъ этого же отряда, гдѣ мы съ нимъ и встрѣтились.

XXXXI

Благодаря ренению въ горло, онъ говорить не могъ и писалъ записочки.

На пятый день послѣ ранения, въ санитарномъ поѣздѣ, недалеко отъ Минска онъ скончался отъ третьяго припадка удушья.

Такъ кончилась жизнь этого безусловно выдающагося человѣка, моего друга Сергѣя Шлихтера.

Н. Мартьяновъ.

Ялта, 5-го Ноября, 1916 г.

Памяти добровольца-развѣдчика Сергѣя Александр. Шлихтера.

„Господь, въ тотъ день, когда труба
Вострубитъ міра представленье,
Прими усопшаго раба
Въ твои блаженныя селенья!"
Іоаннъ Дамаскинъ. А. Толстого.

Въ маѣ мѣсяцѣ текущаго 1916 года въ команду развѣдчиковъ 266 Порѣченскаго полка *) въ качествѣ добровольцевъ поступило два вольноопредѣляющихся изъ состава братьевъ милосердія 1-го Сибирскаго санитарно-питательнаго отряда: Н Н. Мартьяновъ и С. А. Шлихтеръ. Первый успѣлъ уже аклиматизироваться въ командѣ, когда въ нее вступилъ второй, привлеченный слухами о боевомъ качествѣ полка и соблазномъ быть съ товарищемъ въ одной командѣ.

Я былъ очень обрадованъ вступленіемъ въ команду молодыхъ интеллигентныхъ силъ и очень интересовался причиной ихъ добровольчества.

Какъ оказалось изъ распросовъ, оба они, служа до того въ передовомъ санитарномъ отрядѣ, не разъ были свидѣтелями и даже уча-

*) Старшимъ развѣдчикомъ этой команды честь имѣетъ состоять авторъ.

стниками *) многихъ боевъ на фронтѣ, гдѣ оперировалъ упомянутый отрядъ.

Наблюдая текущія боевыя событія, они почувствовали необходимость «пойти до конца», послужить дѣлу войны больше и глубже, чѣмъ это представлялось возможнымъ на службѣ въ санитарномъ отрядѣ. Эта идейность ихъ добровольчества расположила къ нимъ, какъ появившихъ ихъ нижнихъ чиновъ, такъ и тѣхъ изъ командного состава, кто могъ разстаться со своимъ очень распространеннымъ въ рядахъ арміи взглядомъ на добровольчество, какъ на авантюру.

Лично меня эта идейность страшно обрадовала, такъ какъ давала мнѣ, какъ обучающему, наглядный примѣръ при толкованіи долга и отвѣтственности развѣдчика въ дѣлѣ тактическихъ выступленій полка.

Помню, что даже въ шутку мы это идейное добровольчество называли между собою «авантюрою» и опредѣленіе это въ нашей средѣ получило право гражданства въ обиходѣ нашихъ бесѣдъ и переписки.

Тяготы позиціонной жизни страшно сближаютъ людей: скоро у насъ образовалась дружная компанія, сложившаяся изъ нѣсколькихъ старыхъ развѣдчиковъ и этихъ двухъ «новенькихъ». Представившаяся возможность «связаться» съ нарѣдкость интеллигентнымъ составомъ 1-го Сибирскаго отряда упрочила нашу внутреннюю связь и расположеніе другъ къ

*) О чемъ свидѣтельствовали боевыя отличія за храбрость и самоотверженность, съ которыми они явились въ полкъ: Мартьяновъ съ Георгіевской медалью, Шлихтеръ—съ Георгіевскимъ крестомъ.

другу, такъ что компанія наша получила въ средѣ развѣдчиковъ шуточное названіе «штаба команды».

Май на фронтѣ былъ очень напряженнымъ въ боевомъ смыслѣ мѣсяцемъ: полкъ пригоняли съ мѣста на мѣсто. Части стягивались въ опредѣленные пункты, шла усиленная подготовка къ боевымъ дѣйствіямъ и ходили слухи о готовящемся большомъ наступленіи на нашемъ фронтѣ. И эта предбоевая суета сильно подогрѣвалась слухами объ удачномъ наступленіи генерала Брусилова на юго-западномъ фронтѣ.

Мы впитывали каждый слухъ, разбирали его и, настраиваясь на боевой ладъ, интенсивно готовились къ нашей маленькой, но отвѣтственной дѣятельности «глазъ и ушей своей части». Среди будничныхъ строевыхъ и развѣдческихъ занятій по предложенію штаба полка производились подготовительныя развѣдки передовыхъ позицій, непріятельскаго расположенія и подступовъ къ непріятелю. Молодые вольноопредѣляющіеся участвовали въ этихъ развѣдкахъ безсмѣнно и такимъ образомъ непосредственно знакомились и съ тактикой и съ сущностью военнаго дѣла вообще и развѣдочнаго въ частности.

С. А., какъ человѣкъ страшно впечатлительный и нервный, схватывалъ каждую деталь и, критически ее разбирая, горѣлъ желаніемъ обнаружить на дѣлѣ свои познанія и понятія долга истиннаго добровольца.

У меня осталось такое впечатлѣніе, что его больше, чѣмъ командующій составъ, интересо-

вали характеръ и детали готовящагося наступленія. Помню, что послѣ того какъ окончательно было установлено время наступленія и ему въ числѣ нѣсколькихъ развѣдчиковъ пришлось побывать въ районѣ передовыхъ позицій, намѣченномъ для мѣста будущаго прорыва,—онъ съ гордостью показывалъ мнѣ собственноручно имъ заснятый участокъ предполагаемаго прорыва въ крупномъ масштабѣ съ помѣтками на случай своего участія въ наступленіи, какъ развѣдчика, разводящаго на мѣстѣ отдѣльныя боевыя единицы полка, и какъ онъ былъ радъ и доволенъ, что эта задача выпала на его долю. *)

Къ этому времени я, вслѣдствіе открывшихся старыхъ ранъ, выбылъ изъ состава команды въ лазаретъ Сибирскаго отряда, но связи съ ними не утерялъ, такъ какъ они съ Мартьяновымъ ежедневно посѣщали отрядъ, информируя меня о текущихъ событіяхъ въ полку и диспозиціяхъ къ объявленному наступленію.

Увлеченіе С. А. было настолько велико, что во время наступленія, доставивъ приказаніе командира полка къ мѣсту расположенія одной изъ дѣйствующихъ ротъ, онъ серьезно поссорился съ командиромъ этой роты, который не обнаружилъ желанія исполнить это приказаніе немедля.

Дѣло, судя по разсказамъ, обстояло такъ. Одна изъ ротъ батальона, который въ качествѣ хорошо знакомаго съ территоріей передовыхъ линій обслуживалъ С. А., должна была по при-

*) Обычно роль разводящихъ назначается наиболѣе развитымъ и опытнымъ развѣдчикамъ.

казанію командира полка, которое онъ же подъ сильнымъ обстрѣломъ доставилъ, перемѣнить свое мѣсто. Офицеры роты: ротный командиръ —подпоручикъ и полуротный—прапорщикъ, укрываясь отъ обстрѣла, забились съ ротой въ окопъ хода сообщеній и медлили выполнять перемѣщеніе.

Истощивъ всевозможныя средства для побужденія выполнить приказаніе и послѣ того, какъ былъ раненъ полуротный, С. А. замѣстилъ его и со своей полуротой съ побуждающимъ крикомъ: «ура, за мной!» выскочилъ изъ окопа, увлекъ *) солдатъ въ глубину непріятельскаго расположенія, чѣмъ и содѣйствовалъ успѣху наступленія, такъ какъ оставленные офицерствомъ безъ управленія солдаты, сбѣжавшіеся въ мѣста прорыва, пробитаго въ проволочныхъ загражденіяхъ артиллеріей, съ минуты на минуту готовы были разбѣжаться. Тамъ, уже въ расположеніи непріятельскихъ линій, онъ и былъ раненъ осколкомъ разорвавшагося снаряда въ горло.

Мнѣ приходилось разговаривать по этому поводу со многими участниками упомянутаго боя, которые характеризовали дѣйствія С. А., какъ заслуживающія большого вниманія и одобренія.

Да и въ самомъ дѣлѣ, когда нижній чинъ, замѣняя выбывшаго изъ строя офицера, личнымъ примѣромъ увлекаетъ боевую единицу за собой и тѣмъ способствуетъ успѣху развивае-

*) По разсказу очевидца-раздѣдчика, заслуживающаго довѣрія, С. А „схватилъ полуроту и съ крикомъ „ура, за мной!" бросился въ прорывъ и сгоряча попалъ даже въ тылъ непріятеля".

мыхъ дѣйствій, то онъ заслуживаетъ не только одобренія, но даже и награды.

Подвигъ С. А въ полку былъ отмѣченъ, и ему пожалована высокая боевая награда—Георгіевскій крестъ 3-ей степени.

Безумно жаль, что этой вполнѣ заслуженной награды ему не удалось получить на руки: серьезно раненый въ горло онъ не вынесъ эвакуаціи и, не доѣзжая до Минска, умеръ отъ разрыва сердца, на почвѣ tracheatomi'и въ санитарномъ поѣздѣ.

Въ этихъ краткихъ строкахъ моихъ воспоминаній мнѣ хочется отмѣтить значеніе С. А., какъ безупречно храбраго и безукоризненнаго развѣдчика, такъ и прекраснаго товарища, который оставилъ о себѣ въ полку, по выраженію знавшихъ его, «незапятнанную, хорошую память».

Б. К.

Надъ могилой С. А. Шлихтера.

Безвременная смерть, какъ тягостная кара,
Обрушилась на всѣхъ—и близкихъ и друзей.
Въ огнѣ жестокихъ мукъ кроваваго кошмара,
Погибъ онъ жертвою безумья нашихъ дней.

Едва вступившій въ жизнь неопытной стопою,
Съ горячей жаждою свершенья свѣтлыхъ дѣлъ,
Прекрасный юноша съ отзывчивой душою
Всю жизнь недолгую такъ пламенно горѣлъ...

Велѣньямъ серда своего всегда послушный,
Открыто встрѣтилъ смерть въ расцвѣтѣ юныхъ силъ...
Онъ умеръ оттого, что въ жизни нашей душной
Насилье царствуетъ на тронѣ изъ могилъ,

Что мрачнымъ заревомъ отчизна вся объята,
Растетъ и ширится губительный пожаръ...
Безмѣрна скорбь родныхъ, тяжелая утрата
Для всѣхъ, кто зналъ души его прекрасный даръ.

Какой источникъ силъ душа его таила!...
Какихъ возможностей оборвалася нить!...
О, эта скромная солдатская могила
И къ жизни, и къ борьбѣ должна насъ побудить.

XXXXIX

Къ борьбѣ за свѣточъ равенства и братства, и свободы,
Восторговъ творчества и мирнаго труда,
Гдѣ станутъ сказкою забытой всѣ невзгоды
И нашихъ черныхъ дней кровавая страда.

Безвременная смерть кровоточащей раной
Вошла въ сердца родныхъ, товарищей—друзей.
Прекрасный юноша въ кровавой бурѣ бранной
Невинной жертвой палъ насилья нашихъ дней...

Иванъ Бѣльскій.

15 ноября 1916 г.
Красноярскъ.

С. А. Шлихтеръ, братъ милосердія 1-го Сибирскаго отряда, передъ отъѣздомъ на позиціи, 15-го ноября 1914 года.

Первыя страницы*).

(Сборы на войну).

Москва. 15 октября 1914 года.

Простите за долгое молчаніе. Занятъ страшно: я слушаю вмѣстѣ съ Колей Мартьяновымъ курсы братьевъ милосердія и дежурю при лазаретѣ. Получивъ необходимыя санитарныя свѣдѣнія, мы поѣдемъ на позиціи, какъ только устроимся въ какомъ либо отрядѣ. Post factum спрашиваю вашего разрѣшенія, уже разъ даннаго. Вы меня поймете: *сидѣть теперь въ Москвѣ я не могу.***) Но объ этомъ напишу на-дняхъ подробно.

Москва. 13 ноября 1914 года.

Близокъ, близокъ часъ разлуки, если и не съ вами, то во всякомъ случаѣ съ Москвой. Я уже телеграфировалъ вамъ вчера, что намъ съ Мартьяновымъ удалось устроиться въ 1-мъ Сибирскомъ врачебно-питательномъ отрядѣ. Уполномоченнымъ этого отряда состоитъ членъ Го-

*) Такъ предполагалъ назвать первую главу сборника своихъ статей о войнѣ самъ авторъ и передѣлалъ для этой главы три первыхъ своихъ письма къ родителямъ. Сохраняя названіе главы, мы позволяемъ себѣ опубликовать вмѣсто передѣлки подлинныя письма, какъ непосредственное свидѣтельство тѣхъ переживаній, какими волновалась въ связи съ первыми моментами войны современная учащаяся молодежь, однимъ изъ представителей которой былъ С. А. Шлихтеръ. Ред.

**) Курсивъ автора. Въ дальнѣйшемъ курсивъ *автора* не будетъ оговариваться. *Ред.*

сударственной Думы Н. В. Некрасовъ. Выѣдетъ отрядъ на позиціи, вѣроятно, 20-го ноября. Куда—еще не знаю. Покамѣстъ работаемъ по снаряженію отряда. Притомъ, такъ какъ мы работали уже въ лечебницѣ, хотя и не окончили курсовъ, то насъ зачислили кандидатами въ братья милосердія и приставили къ медицинской части, какъ «людей опытныхъ».

Вы не можете себѣ представить, съ какимъ нетерпѣніемъ мы, здѣсь, рвемся—туда! Здѣсь, съ Москвой, съ университетомъ, со всѣмъ тѣмъ, что называется «идейными» интересами—порвано. Понятно, что хочется скорѣе найти другое содержаніе и цѣль жизни взамѣнъ потерянныхъ. Хочется работать, работать, съ головой зарыться въ работу. А пока рѣшилъ на послѣдокъ воспользоваться Москвой и сходить въ «Художественный»...

Нѣтъ, мнѣ хочется еще разъ сказать вамъ, какъ у меня легко теперь на душѣ. Вы говорите въ телеграммѣ, что вамъ тяжелы разногласія со мной. Мнѣ это тоже очень тяжело переживать. Но, во 1-хъ, я думаю, что сейчасъ, если вы вдумаетесь въ вопросъ и отрѣшитесь отъ узкой, «родительской» точки зрѣнія, то вы поймете меня; во 2-хъ, разногласія съ собственной совѣстью гораздо тяжелѣе все таки разногласій съ вами, если я знаю, чѣмъ отчасти они вызваны. И поэтому мнѣ было очень пріятно и сняло съ моей души значительную долю тяжести твое, мамуля, заявленіе, что ты не знаешь, какъ поступила бы сама на моемъ мѣстѣ.

Москва. 14 ноября 1914 года. (Телеграмма).

Командируютъ къ Кракову. Простите настойчивость. Теперь на душѣ спокойно.

Москва, 21 ноября 1914 года.

Наконецъ то, собрался написать вамъ послѣ многихъ, многихъ дней безпрерывной работы, захватывавшей цѣликомъ, безъ остатка.

Когда къ вамъ дойдетъ это письмо, вы будете уже знать, что я собираюсь поѣхать санитаромъ. Теперь я уже больше недѣли, какъ работаю въ лечебницѣ и запасаюсь свѣдѣніями, безъ которыхъ ѣхать на войну ненужно и нелѣпо. Вы поймете, навѣрное, что меня толкаетъ туда и не позволяетъ сидѣть на мѣстѣ. Скажу только, что такого плохого состоянія духа, какъ до принятія мною этого рѣшенія, я, кажется, никогда не переживалъ. И въ самомъ дѣлѣ: вѣчно сталкиваться съ войной во всѣхъ ея самыхъ разнообразныхъ и самыхъ ужасныхъ проявленіяхъ— и сидѣть сложа руки, въ Москвѣ, занимаясь науками о «дѣлахъ давно минувшихъ дней», когда жизнь, живая жизнь вокругъ тебя кипитъ ключемъ!.. Наши пріятели ***, съ которыми я на эту тему говорилъ и которые не одобряютъ и даже весьма порицаютъ мое рѣшеніе, говорятъ, что теперь на мѣстахъ можно найти работу и, якобы она, уже идетъ. Во-первыхъ, полагаютъ они, зачѣмъ непремѣнно рваться на видное мѣсто— уходъ за ранеными, когда у насъ, внутри страны,

гораздо больше работы совершенно заброшенной, какъ, напримѣръ, работа въ тѣхъ же попечительствахъ по призрѣнію семей запасныхъ и проч.,—правда, работа, быть можетъ, гораздо болѣе скучная и незамѣтная. Во-вторыхъ, по ихъ словамъ, сейчасъ наблюдается сознательное отношеніе рабочаго класса къ войнѣ, чему есть примѣры. Это тоже могло бы служить обширнымъ полемъ для дѣятельности.

Какъ видите, доводы очень внушительные и очень убѣдительные. И однако, они на меня, какъ видите, не подѣйствовали. Процессъ, конечно, безсознательный, но у меня есть и нѣкоторыя обоснованія его. Отвѣчаю на пунктъ первый. Конечно, работы, и работы нужной, сейчасъ вездѣ очень много. Съ одинаковой пользой можно работать и въ полевомъ лазаретѣ и въ попечительствѣ. Но если польза одинаковая, то почему же мнѣ не избрать того, что интересуетъ и влечетъ меня, что можетъ составить одну изъ наиболѣе интересныхъ страницъ моей жизни? Читать новую «Войну и миръ», но написанную не человѣкомъ, а самой жизнью! Имѣть возможность наблюдать такіе психологическіе эксперименты, которыхъ не встрѣтишь потомъ всю жизнь? Увидѣть во очію все то, что зовется войной, неся при этомъ ровно такую же работу, какъ и во всякой другой обыденной обстановкѣ, и даже гораздо больше того, потому что нигдѣ, какъ тамъ, не можетъ такъ проявиться иниціатива?..

Да, я говорю прямо и откровенно: мнѣ тамъ интереснѣе работать, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ. Во имя чего же я долженъ отказаться

отъ интересующей меня работы? Во имя своихъ идей? Но я нахожу, что званіе брата милосердія не накладываетъ на меня никакихъ обязательствъ. Во имя другой, «нашей», работы? Но, говоря откровенно, я не вѣрю въ существованіе хоть сколько нибудь продуктивной такой работы сейчасъ. А если она и есть, то это процессъ настолько глубокій и скрытный, что все равно, сейчасъ, при данной ситуаціи, будешь, какъ я глубоко убѣжденъ, стоять вдали отъ него. Наши дни, беря ихъ въ самомъ тѣсномъ смыслѣ этого слова, замѣчательны тѣмъ, что огромная общественная работа идетъ, но идетъ то она внутри каждаго изъ насъ. А все внѣшнее вниманіе сосредоточено сейчасъ не на этомъ. И такого настроенія или, вѣрнѣе, положенія вещей, не измѣнишь. И такое положеніе продолжится все время войны. А когда она кончится, тогда, не будучи связанъ абсолютно ничѣмъ, я могу вернуться и дѣлать то, что найду нужнымъ. Я не говорю уже о томъ, что и во время войны, будучи поставленъ въ совершенно особыя и благопріятныя условія, можешь сдѣлать многое и многое... Наконецъ,—и это, помимо всѣхъ разсужденій, быть можетъ, самое главное,—болитъ у меня душа и не сидится на мѣстѣ, когда знаешь, сколько страданій и горя несутъ за тебя другія для достиженія цѣли, которую такъ или иначе, по тѣмъ или инымъ соображеніямъ, и ты считаешь, если и не конечной цѣлью, то весьма сильнымъ средствомъ—для побѣды надъ реакціей и милитаризмомъ. Имѣть какъ-никакъ общія точки соприкосновенія съ «тѣми», «другими», желать того же, чего желаютъ и они, хотя бы это было

лишь одинъ моментъ, хотя бы затѣмъ наши дороги сразу и навсегда разошлись самымъ коренным образомъ, и... замкнуться въ гордомъ одиночествѣ, въ гордомъ отрицаніи войны!.. Поневолѣ разныя думы начнутъ одолѣвать все чаще и чаще, все глубже и глубже, поневолѣ станешь упрекать самого себя въ самомъ подломъ лицемѣріи, поневолѣ схватишься за голову и спросишь себя: «Да что же это, наконецъ? идейное отрицаніе войны, или животный страхъ передъ нею; гордое величіе человѣка, не боящагося, что толпа истолкуетъ его по своему, пошло, грубо, животно (а такое величіе духа гораздо, несравненно выше презрѣнія къ личной физической опасности); или же это простое прикрываніе своими принципами мелкой, пошлой душонки?! Я говорю не въ отвлеченіи, потому что все это испыталъ и пережилъ. И самъ, говоря о своемъ отношеніи къ войнѣ вообще, чувствовалъ фальшь и своихъ словъ и своего голоса теперь, когда въ разныхъ концахъ земли умираютъ сотни тысяцъ людей, умираютъ безъ ропота, безъ сожалѣній, безъ анализа своихъ переживаній И потому теперь, когда я твердо рѣшилъ ѣхать братомъ милосердія, когда я дѣлаю все возможное, чтобы попасть на театръ военныхъ дѣйствій,—теперь, когда я работаю въ лазаретѣ и вижу всѣ эти раны—и рваныя, и колотыя, и рѣзаныя, и всѣ эти страданія, и всю эту боль человѣческую, когда я вижу падающіе въ кровавый тазъ почернѣвшіе, корявые солдатскіе пальцы,—поэтому то теперь спокойна моя душа и молчитъ моя совѣсть. Пусть я пошелъ по линіи наименьшаго сопротивленія, пусть это компромиссъ, пусть

это сдѣлка съ совѣстью—единственнымъ оправданіемъ мнѣ будетъ служить то, что я не могъ сдѣлать иначе. Не могъ потому, что слишкомъ трудно быть собственнымъ судьей, когда въ своихъ поступкахъ съ одинаковымъ правомъ видишь то полную послѣдовательность своимъ убѣжденіямъ, то проявленіе самаго неподдѣльнаго инстинкта самосохраненія. И еще потому сдѣлалъ я это, чтобы не подвергаться больше тѣмъ искушеніямъ, которые овладѣли мной однажды, когда я чуть было не послалъ вамъ телеграммы съ просьбой разрѣшить пойти добровольцемъ. Вотъ и все, что мнѣ хотѣлось бы сказать вамъ, чтобы вы это почувствовали вмѣстѣ со мной. Я знаю, что вы поймете меня. А зная это, я, навѣрное, и не долженъ васъ спрашивать о разрѣшеніи: вы на собственномъ опытѣ знаете, что извѣстныя предпосылки всегда влекутъ за собой слѣдствія, что нельзя останавливаться на полдорогѣ между словомъ и дѣломъ. И такъ, благословите, мои милые и дорогіе.

За меня не безпокойтесь: мы съ моимъ товарищемъ по факультету Колей Мартьяновымъ вмѣстѣ работаемъ и вмѣстѣ поѣдемъ. Что бы ни случилось съ каждымъ изъ насъ, другой всегда сдѣлаетъ нужное. Прощайте.

Въ пути на позиціи.

Ивангородъ, 25 ноября 1914 г.

Пишу вамъ съ вокзала города, являющагося большимъ стратегическимъ пунктомъ, гдѣ почти не видно такъ называемыхъ «шпаковъ». Всѣ столы вокругъ заняты день и ночь военными, либо ѣдущими съ поправки на войну, либо недавно только прибывшими съ театра военныхъ дѣйствій. Есть и «свѣженькіе», которыхъ безъ труда отличишь по блестящей, съ иголочки, одеждѣ. День и ночь смѣняется публика и это вѣчное разнообразіе лицъ, которыхъ никогда не запоминаешь и не узнаешь, создаетъ какую-то однообразную, монотонную картину. Бѣдная прислуга—лакеи и дѣвушки—сбились съ ногъ, и г. г. офицерамъ приходится самолично по много разъ являться къ стойкѣ и напоминать о своемъ существованіи. Достать что-либо очень трудно. Правда и то однако, что этотъ городъ имѣетъ лишь стратегическое значеніе. Сидимъ мы здѣсь уже второй день и сколько еще будемъ сидѣть—неизвѣстно. Передъ глазами есть, правда, печальный примѣръ санитарнаго поѣзда Краснаго Креста, который торчитъ здѣсь уже 5 дней и отправляется лишь сегодня-завтра. Дѣло въ томъ, что дальше идетъ одна колея, и безъ насъ за-

битая до невозможности воинскими поѣздами. Итакъ, пока будущее покрыто мракомъ неизвѣстности. А пока—сидишь на станціи, отрѣшаешься отъ всѣхъ, или, если и не всѣхъ, то многихъ взглядовъ и невольно сближаешься и сродняешься съ тѣмъ, что раньше, сравнительно недавно, было такимъ далекимъ и такимъ чуждымъ. И тѣмъ болѣе способствуетъ этому то, что уже—раньше, до этого момента, я измѣнилъ свой взглядъ на войну въ ея настоящемъ приложеніи. *И если что шокировало и оскорбляло меня раньше, въ Москвѣ, такъ это неестественная, пошлая, глупая шумиха и бравада, поднятая значительной частью нашей печати при полномъ одобреніи опять таки значительной части общества.* Ненормальныя условія нашей дѣйствительности, и прошлой и настоящей, заставляли скрывать тѣ чувства, которыя я, въ извѣстные моменты жизни государства, считаю вполнѣ возможными и естественными. И въ лучшемъ случаѣ приходилось разъяснять *свою* точку зрѣнія, оговариваться, отгораживаться. Здѣсь этого мнѣ не приходится дѣлать. И не потому, что въ моей психикѣ произошелъ переломъ; не потому, что я сталъ душевно менѣе чуткъ. Нѣтъ. Здѣсь обстановка, здѣсь *люди* совсѣмъ иные. Для иллюстраціи этого я разскажу вамъ ту странную встрѣчу, которая произошла у меня на предыдущей большой станціи, съ которой я посылалъ вамъ телеграмму. Въ дверяхъ вокзала сталкиваюсь съ офицеромъ, козыряемъ (я ѣду, между прочимъ, со «звѣздочкой», т. е. въ чинѣ прапорщика); случайно вглядываюсь въ лицо и... узнаю московскаго студента, юношу 20-ти лѣтъ, веселаго, жизнерадостнаго, музыканта,

съ которымъ я встрѣчался въ частномъ домѣ въ прошломъ году. Но все это въ прошломъ. Теперь это уставшій и хмурый армейскій офицеръ —прапорщикъ (онъ былъ запаснымъ), съ пухнущей головой, которая контужена у него осколкомъ тяжелаго снаряда, разорвавшагося около него, и, помимо этого, воздушнымъ сотрясеніемъ. Головныя боли, общее нервное потрясеніе и пр. и пр. Но я забѣгаю впередъ. Можете представить себѣ мое изумленіе, когда я узналъ его. Мы немного поговорили, и онъ разсказалъ мнѣ много интереснаго. Онъ находится на войнѣ съ самаго начала ея и является однимъ изъ трехъ уцѣлѣвшихъ въ батареѣ, которая уже три раза перемѣнила свой составъ. Ѣдетъ на короткое время въ Москву полѣчиться электризаціей, а потомъ торопится обратно, къ товарищамъ...«Ужасно хочется домой, подальше отъ всѣхъ этихъ ужасовъ войны, отъ этого скучнаго и...страшнаго занятія».

— Не вѣрьте, говоритъ онъ, тѣмъ, кто кричитъ про упоеніе войной и солдатъ и офицеровъ. Не вѣрьте разсказамъ, кричащимъ о страстномъ желаніи каждаго попасть на войну какъ можно скорѣе. Все это сказки газетныхъ фельетонистовъ. Нѣтъ, каждый изъ насъ желаетъ возможно скорѣе вырваться изъ этаго «ада».

Я задаю вопросъ: «Но желали ли бы вы добиться этого путемъ какихъ либо уступокъ?».

— Отнюдь нѣтъ: всѣ мы исполняемъ свой долгъ по мѣрѣ силъ своихъ. За весьма немногими исключеніями, никого нельзя упрекнуть въ отлыниваніи отъ работы. Но во всемъ этомъ нѣтъ никакого особаго героизма, да ему и не мѣсто въ настоящей войнѣ (добавлю отъ себя, что я

въ одномъ только этомъ пунктѣ не согласенъ съ моимъ собесѣдникомъ: это и есть самый настоящій, доподлинный героизмъ). И мнѣ, говоритъ онъ, смѣшны и противны разныя патріотическія манифестаціи, громкія рѣчи и пылкіе фельетоны людей, совершенно не знающихъ истинной обстановки войны и все свое вниманіе устремляющихъ на рѣдкія проявленія случайнаго героизма.

Вотъ какъ-разъ тѣ слова, которыя рвались у меня съ языка въ Москвѣ, которыя я ожидалъ услышать и услышалъ отъ истинныхъ, будничныхъ героевъ, людей дѣла, а не слова. И онъ-то, мой собесѣдникъ, имѣетъ право говорить такъ, потому что онъ «видѣлъ войну». О томъ, что такое отношеніе къ дѣлу и есть единственно нужное для дѣла,—нечего и говорить. Это видно хотя бы изъ рѣшенія моего знакомаго вернуться на позиціи какъ можно скорѣе. А, вѣдь, онъ надъ собой самимъ поставилъ крестъ и отнюдь не расчитываетъ на исключительное счастье остаться въ живыхъ. И никакого желанія оттянуть роковой моментъ....

Интересно будетъ, кстати, разсказатъ, какъ онъ былъ контуженъ. Случайно отбившись отъ своей батареи, онъ попалъ въ деревню, незанятую ни ими, ни нами. И вотъ по одному человѣку началась правильная охота сначала изъ ружей, потомъ изъ тяжелыхъ орудій.

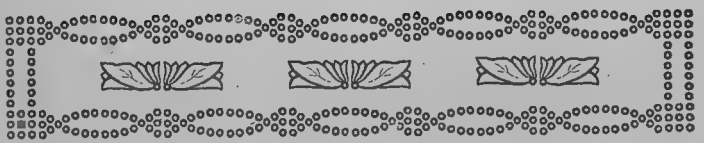
— Сначала я шелъ, потомъ побѣжалъ, разсказывалъ онъ. Снаряды ложатся все ближе и ближе. Наконецъ, что-то съ оглушительнымъ трескомъ разрывается надъ самой головой. Я теряю сознаніе и падаю. Очнулся минутъ черезъ 20. Стрѣльба прекратилась. Думали, очевидно,

что убитъ. Кое-какъ удалось доползти до своихъ и попасть на пунктъ.

Ну, покамѣстъ довольно о своихъ впечатлѣніяхъ. Много ихъ, и сразу въ нихъ не разберешься. А, главное,—все еще впереди; все зоветъ и манитъ новизной и неожиданностью впечатлѣній. И послѣ этой неожиданной встрѣчи и зоветъ и манитъ еще сильнѣй, чѣмъ прежде. *Одно только скажу: сердце не обмануло меня. Окружающая меня обстановка говоритъ мнѣ только о томъ, что я поступилъ правильно.*

Теперь нѣсколько словъ о себѣ и своемъ положеніи: 2 дня тому назадъ меня и моего коллегу вызвалъ къ себѣ и въ присутствіи Некрасова экзаменовалъ насъ нашъ главный врачъ—профессоръ Араповъ. Послѣ экзамена, который мы благополучно выдержали (мы, помимо лазарета, занимались теоретически по учебнику), намъ объявили, что мы переводимся въ братья милосердія и остаемся при госпиталѣ мѣсяца на два—три. Наши протесты не помогли, и попасть въ летучку *) намъ не удалось, «пока», какъ намъ сказали, вслѣдствіе того, что профессоръ людей со спеціальной медицинской подготовкой желаетъ оставить при лазаретѣ. Лазаретъ будетъ находиться верстахъ въ 25—30 отъ боя. Итакъ, пока опасности *абсолютно* никакой.

*) Перевязочный пунктъ отряда, имѣющій спеціальный штатъ медицинскаго персонала и работающій въ непосредственной близости къ передовымъ позиціямъ. *Ред.*



Первыя впечатлѣнія.

Дер. Псары, 6 декабря 1914 г.

Вотъ ужъ и около недѣли какъ мы на мѣстѣ. На разстояніи 4-5 верстъ съ небольшими перерывами все время грохочутъ пушки, трещатъ пулеметы и ружейные выстрѣлы. Вначалѣ все это вызывало большое волненіе, напряженность, каждый выстрѣлъ сопровождался большими комментаріями. Теперь все примелькалось, приняло характеръ повседневный, будничный.

Невольно вспоминаются мнѣ два дня, проведенные на Иматрѣ. Весь первый день преслѣдовалъ непрерывный, ужасающій грохотъ. Просыпаюсь на другой день и спрашиваю себя, гдѣ я нахожусь: тишина вокругъ абсолютная. И только прислушавшись, смогъ уловить, еле слышный шумъ... Такъ же привыкаетъ ухо и здѣсь... Подробности повседневной жизни заслоняютъ то, что творится такъ недалеко И любоваться красивой стороной того, что называется войной, приходится только развѣ на ночномъ дежурствѣ. Закутаешься въ сибирскій тулупъ, натянешь на ноги сибирскіе валенки и мечтаешь... За ночь выпадаетъ небольшой снѣжокъ, слегка подмораживаетъ, и каждый шорохъ слышенъ съ необыкновенной отчетливостью. Тишина полная... Только хрустятъ сѣномъ лошади... Проходитъ полчаса, часъ... И вдругъ откуда-то издалека доносится слабый

стукъ; промежутокъ... еще и еще. Дальше—больше,—и затрещали ружейные выстрѣлы... Не выдержалъ— вступился пулеметъ и застукалъ ровно и методически: «такъ, такъ, такъ... такъ его, такъ» Замолчалъ, а съ другой стороны отозвался братъ его. Вотъ блеснула зарница... Начинаешь считать: разъ, два, три... двадцать... тридцать... сорокъ...

— Вотъ! грохнуло вдали... Вотъ ему, вотъ! со злорадствомъ отозвалось въ ближайшемъ лѣсу.

А еще черезъ нѣсколько секундъ слышенъ трескъ:

— Пакъ... Это разорвался надъ непріятельскими позиціями выпущенный снарядъ.

— Такъ... коротко обрывается въ морозномъ воздухѣ.

И дальше—пошла писать губернія! А спустя короткое время приходится иногда наблюдать рѣдкой красоты картину. Надъ узкой полоской горизонта, на фонѣ чернаго неба выскакиваютъ яркіе языки пламени: то загорѣлась какая-нибудь несчастная деревня... А надъ пламенемъ, благодаря контрасту темнаго со свѣтлымъ, становится видна и причина пожара: въ темнотѣ надъ заревомъ выскакиваютъ и тотчасъ гаснутъ огненныя искры: то рвутся шрапнели. Но до того велика иллюзія самаго обыкновеннаго пожара, что эта же причина кажется и слѣдствіемъ: будто-бы не шрапнели рвутся тамъ, а отъ горящей крыши отлетаютъ тлѣющія головешки. И начинаешь забывать порой, гдѣ находишься и что происходитъ передъ тобой.

Какъ вдругъ откуда-то въ сознаніи выскакиваетъ все тотъ-же неугомонный и надоѣдливый

шалунишка-пулеметъ и, какъ на телеграфную ленту, однообразно начинаетъ вдалбливать въ мозгъ: „А что будетъ завтра? Сколько изуродованныхъ, искалѣченныхъ и физически и нравственно, стонущихъ людей привеземъ мы завтра съ передовыхъ позицій? Чѣмъ заплатитъ человѣчество за красивую буффонаду, наблюдать которую, не будучи участниками ея, могутъ немногіе? Или она такъ и останется буффонадой»? А, вѣдь, и это можетъ быть и бываетъ довольно часто: кто-нибудь съ нашей или съ непріятельской стороны спросонокъ, благо у страха глаза велики, приметъ кустикъ за крадущагося непріятеля и выстрѣлитъ въ него. Съ другой стороны, не преминетъ послѣдовать отвѣтный выстрѣлъ. Глядишь, тамъ ужъ разгорѣлась пальба по всему фронту... Шумъ, какъ снѣжный комъ, который дѣтвора катаетъ по только-что выпавшему рыхлому снѣгу и который въ короткое время достигаетъ огромныхъ размѣровъ,- шумъ растетъ, чѣмъ дальше, тѣмъ больше, въ возрастающей прогрессіи.

И однако, какъ я уже говорилъ, этотъ ночной шумъ, зачастую рождаясь изъ пустяковъ, зачастую же и кончается пустяками... Плохо ночью въ окопахъ: темно, неуютно, холодно и... жутко—нехорошія мысли въ голову лѣзутъ; отъ усталости клонитъ ко сну, а заснуть нельзя: нѣровенъ часъ-подкрадутся ночью и захватятъ сонныхъ и беззащитныхъ. Понятно, что каждый съ радостью на лету подхватываетъ выстрѣлъ и присоединяется къ общей перепалкѣ. Но понятно также и то, что результаты такой перепалки не велики: въ темнотѣ стрѣляютъ наугадъ,

безъ прицѣла. И на другой день, вмѣсто ожидаемыхъ десятковъ, сотенъ раненыхъ, бредутъ къ намъ на пунктъ два-три легко раненыхъ. Да и тѣ ранены по недоразумѣнію: хватила шальная пуля, когда выбѣжалъ изъ окоповъ по своимъ дѣламъ...

Но бываютъ и иныя ночи,—безъ шороха, безъ звука,—ночи, зловѣщую тишину которыхъ хочется нарушить хотя бы крикомъ... Это тѣ ночи, въ которыя, по имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ, предполагается штыковая атака. Ружейный и пулеметный огонь просыпается въ концѣ-концовъ и здѣсь, но до поры до времени все тихо, все спокойно. А, между тѣмъ, насъ уже предупредили, что на завтра надо мобилизовать всѣ свои силы: работы будетъ много...

— Всѣ на мѣстахъ?

— Всѣ!

— Трогай!

Уже смеркается. Ѣдетъ штукъ 7-10 подводъ. Кучеритъ все больше своя братія: студенты-санитары. Уже по дорогѣ встрѣчаемъ легко раненыхъ, иногда группами по 5-6 человѣкъ. Бредутъ съ винтовками, шагъ за шагомъ, въ часъ по столовой ложкѣ, но бредутъ... Лишь бы подальше изъ того ада, который каждую минуту грозитъ новыми опасностями. И чѣмъ ближе мы къ позиціямъ, тѣмъ больше выскакиваетъ изъ сгущающихся сумерекъ такихъ тѣней. Наконецъ, приблизительно въ полуверстѣ отъ позицій, насъ встрѣчаютъ военные санитары. Лица заговорщиковъ, разсказы о томъ, какъ тотъ или другой изъ нихъ чудомъ спасся отъ смертельной опасности, жертвой которой сталъ шедшій

Первый Сибирскій Передовой Отрядъ Всероссійскаго Городского Союза.

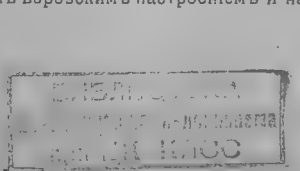
рядомъ съ ними товарищъ. Просьба тушить фонарь и, при каждомъ рѣзкомъ возгласѣ съ нашей стороны, напоминаніе о необходимости соблюдать тишину и говорить только шопотомъ. Въ противномъ случаѣ мы можемъ быть замѣчены или услышаны непріятелемъ и подвергнемся обстрѣлу. Докладываютъ о количествѣ раненыхъ, имѣющихся по всему нашему фронту. Въ интересахъ дѣла мы рѣшаемъ разбиться на двѣ партіи. На мою долю выпадаетъ ѣхать въ халупы,*) находящіяся шагахъ въ 200—300 отъ линіи передовыхъ окоповъ. Военные санитары уже снесли туда раненыхъ, подобранныхъ съ поля сраженія.

108572

Подъѣзжаемъ съ еще большими предосторожностями...**) Входимъ въ халупу: на земляномъ полу, покрытомъ соломой, при тускломъ свѣтѣ огарка, разбросаны въ разныхъ мѣстахъ и самыхъ разнообразныхъ позахъ сѣрыя тѣла. Двое лежатъ на краю какого-то провала въ полу,—очевидно, открытаго подвала. Въ воздухѣ носится запахъ чего-то гніющаго, смраднаго,—специфическій запахъ солдата, только что взятаго изъ окоповъ. Но этотъ запахъ наводитъ теперь на мысль о смерти. Стоны слышатся рѣдко, но атмосфера напоена страданіями до послѣдней степени. И вы невольно чувствуете это, даже не слыша стоновъ. Оказывается, что многимъ не сдѣлана еще и первичная перевязка, которую

*) Халупой здѣсь называются хаты на манеръ малороссійской мазанки.

**) Психологія и ухватки воровъ, вышедшихъ на ночную охоту, въ данномъ случаѣ за ранеными. Долженъ сказать, что вполнѣ проникаешься именно такимъ воровскимъ настроеніемъ и начинаешь понимать его.



обыкновенно накладываютъ въ окопахъ раненому его товарищъ или, нѣсколько позже, санитары. Но сегодня день былъ черезчуръ жаркій... Къ тому же, мы наступали и шли по ровному полю, а не лежали въ окопахъ.

Наклоняюсь надъ однимъ изъ раненыхъ, собираясь наложить повязку. Но нѣтъ—уже поздно! На моихъ глазахъ какъ-то жалко два--три раза дергается нижняя губа; кладу руку на сердце: чувствуется еще какое-то легкое, еле уловимое трепетаніе, но біенія уже нѣтъ. Finita la comedia, называемая жизнью.

— Пропалъ ни за грошъ, ни за копейку...

— А жаль, толковый былъ парень, исполнительный! говоритъ стоящій рядомъ унтеръ той-же роты.

Но нѣтъ возможности останавливаться надъ мертвымъ, отдать ему послѣднюю почесть: ему уже не нужны тѣ заботы, которыхъ ждутъ другіе. Идешь къ нимъ. Грязныя, залитыя кровью, покоробившіяся отъ этой крови, рубашки; раны въ ноги, руки, животъ, голову... Перевязки сдѣланы; раненыхъ сносятъ на телѣги. Мѣста всегда не хватаетъ... Раненые наваливаются другъ на друга.. Стоны и жалобы... Но нельзя считаться съ отдѣльными, сравнительно мелкими неудобствами, если хочешь вырвать оттуда какъ можно больше людей. И понемногу привыкаешь утѣшать банальной фразой:

— Потерпи, голубчикъ!Скоро пріѣдемъ на мѣсто, тогда отдохнешь!

Солдатъ-санитаръ помогаетъ утѣшать раненаго, увѣряя, что въ Красномъ Крестѣ (такъ

здѣсь именуютъ всѣ частныя организаціи, подобныя нашей) ему будетъ хорошо.

Наконецъ, тронулись. Много еще будетъ работы по дорогѣ: нужно предупредить каждаго возницу о каждой рытвинѣ, ухабѣ. Нужно нѣсколько разъ поправить тяжело больныхъ, которыхъ ничто удовлетворить не можетъ. Придется выслушать сообщеніе, что одинъ или нѣсколько изъ нашихъ пассажировъ отошли въ иной, лучшій міръ. Все это—необходимые эпизоды нашей работы...

По пріѣздѣ въ деревню закипаетъ дѣло. Раненыхъ отправляютъ сначала въ перевязочную, гдѣ ихъ попутно поятъ чаемъ съ ромомъ, а оттуда тѣхъ, кто можетъ ѣсть,—къ нашей походной кухнѣ, гдѣ ихъ кормятъ горячими щами съ мясомъ. Въ то же время идетъ горячая работа по усторйству помѣщеній, гдѣ всѣ они могли бы переночевать до слѣдующаго дня, когда въ летучку пріѣдутъ за ними изъ нашего лазарета, находящагося отъ насъ въ десяти верстахъ.

Пріятно утромъ отправлять отъ себя этихъ людей совершенно перерожденными, въ большинствѣ случаевъ: большая чашка чая съ ромомъ, тарелка горячихъ, вкусныхъ щей, ночь, проведенная въ теплѣ и спокойствіи, человѣческое отношеніе—сдѣлали свое дѣло. Прошло непосредственное ощущеніе чего-то непоправимаго, ужаснаго, что надвинулось такъ неожиданно,—грязь, холодъ,—все это осталось позади. Нѣтъ уже недавняго чувства растерянности, всѣ пріободрились и взяли себя въ руки.

Понятно и вчерашнее, и сегодняшнее состояніе: рана вчера давала не только ощущеніе не-

посредственной физической боли, она, что иногда, можетъ быть, гораздо важнѣе, выбивала человѣка изъ привычной колеи, лишала жизнь ея цѣли. Если раньше смыслъ существованія былъ въ томъ, чтобы ночью перестрѣливаться въ передовыхъ окопахъ, а днемъ уходить на отдыхъ въ резервные, чтобы получать опредѣленный казенный паекъ и т. д., то вчера, съ полученіемъ раны, все это отпадало. Зато сегодня—на смѣну старому появился новый смыслъ и оправданіе существованія: заботиться о своей ранѣ, перебираться отъ лазарета къ лазарету и, кто знаетъ, быть можетъ, хоть на мгновеніе, хоть однимъ глазкомъ взглянуть на своихъ, или,—уже верхъ счастья,—на родныя мѣста... Однимъ словомъ, если рана не особенно велика, вы прямо не узнаете на другой день тѣхъ людей, которыхъ вчера сами взяли съ позицій.

Присутствовать при этомъ процессѣ перерожденія психики и, хоть отчасти, быть причиной такого перерожденія есть великое счастье. Уже это одно можетъ дать намъ силы, не только-физическія, но и, главнымъ образомъ, нравственныя продолжать нашу работу, если, паче чаянія, передъ всѣмъ этимъ неисчерпаемымъ моремъ крови, горя и страданій начнутъ опускаться руки и слабѣть духъ.

Мы, работники Краснаго Креста, видимъ въ войнѣ только ея оборотную сторону, но и она даетъ намъ иногда нѣсколько свѣтлыхъ мгновеній, а съ этимъ можно работать!

Вотъ, мои хорошіе, впечатлѣнія изъ летучки Сибирскаго передового отряда. Изъ всего этого вы поймете и то, какова теперь моя личная

жизнь. Скажу только, что, если я имѣю основаніе быть недовольнымъ сейчасъ, такъ это только недостаткомъ работы: на нашемъ фронтѣ боевъ серьезныхъ пока не было, главныя событія развиваются въ другихъ мѣстахъ. Поэтому иногда цѣлые дни нечего дѣлать. Правда, это обычная картина работы летучекъ. Мы прикомандированы къ отдѣльной войсковой единицѣ, дивизіи, а она не можетъ находиться въ безпрерывномъ бою. Зато, когда бои идутъ, работы масса: бывали дни, что мы абсолютно, буквально ни на одну минуту не смыкали глазъ за недостаткомъ времени и мѣста, такъ какъ наше помѣщеніе было занято подъ раненыхъ. Мнѣ, напримѣръ, въ дни боевъ, поручался подъ начало обозъ, ѣдущій за ранеными на позиціи. Иногда приходилось ѣздить даже по два раза. По возвращеніи до утра работалъ, какъ братъ, въ перевязочной, а утромъ мы отправляли своихъ раненыхъ дальше на болѣе постоянную базу. Повторяю, это даже не цвѣточки еще, такъ какъ такая интенсивная работа продолжалась сравнительно недолго, урывками. Но впослѣдствіи, очевидно, будетъ иначе.

Хотя я не знаю еще, долго ли мнѣ придется работать здѣсь, такъ какъ пронесся слухъ, что будетъ призванъ скоро 15-й годъ (мнѣ призываться въ 15-мъ году). Никакихъ мѣръ, со своей стороны, если это такъ, для избавленія отъ воинской повинности, *я принимать не буду*.

Смерть добровольца.

Дер. Псары, 5 января 1915 г.

. . . . . Въ 10 ч. вечера привезли двухъ раненыхъ. Послѣ скучныхъ, тягучихъ и, главное, тягостныхъ разговоровъ о глупыхъ и мелочныхъ вещахъ, всѣ съ радостью бросились помогать вытаскивать ихъ изъ фурманокъ, *) раздѣвать въ перевязочной, кормить и т. д Къ тому же, мы не видимъ раненыхъ уже около 3-хъ. недѣль, и поэтому эти двое были до нѣкоторой степени новинкой.

Одинъ, при перевязкѣ котораго я помогалъ, не представлялъ ничего особенно интереснаго ни самъ по себѣ, ни своей раной.

Зато второй заставилъ всѣхъ обратить вниманіе на него: пуля вошла ему въ лѣвое плечо и вышла въ области почки, задѣвъ, такимъ образомъ, и легкое и почку. При опросѣ его, который производится у насъ въ цѣляхъ регистраціи раненыхъ и для военныхъ властей, оказалось, что онъ доброволецъ, изъ Сальянскаго полка, нѣкій Симоновъ.

Если можно вообще судить о раненомъ по его лицу, которое страданіемъ одинаково и облагораживается и, вмѣстѣ съ тѣмъ, обезличивается, то его лицо можно было-бы подвести подъ общую мѣрку интеллигентныхъ лицъ.

*) Польская повозка.

Я говорю—лицо раненаго обезличивается.- Это несомнѣнный фактъ, а не только façon de parler. Вмѣстѣ съ тѣмъ, это не есть кажущееся обезличеніе, которое для насъ обусловливается притупленіемъ представленій, притупленіемъ, вызваннымъ работой, когда приходится имѣть дѣло съ сотнями раненыхъ, страдающихъ почти по одному и тому же шаблону. Нѣтъ, то-же самое должно быть, несомнѣнно, у каждаго человѣка. И скорѣе наоборотъ: именно этимъ обезличиваніемъ обусловливается тотъ фактъ, что мы отличаемъ нашихъ паціентовъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ лишь по роду ихъ раненія. Какъ будто всѣ отличительныя черты каждаго человѣка, все то, что есть въ немъ своего, оригинальнаго, съ физіономіи переносится на рану.

Объясняется это отчасти тѣмъ, что черезъ наши руки проходятъ раненые совсѣмъ недавно, часто умирающіе, или, по крайней мѣрѣ, съ большими страданіями. А именно въ періодъ сильныхъ страданій происходитъ это, если можно такъ выразиться, перевоплощеніе человѣка.

Но возвращаюсь къ Симонову. Во время перевязки, которую онъ переносилъ съ героическимъ спокойствіемъ, у него озобленно и съ возмущеніемъ вырвалось:

— Сволочи, нѣмцы, подстрѣлили! А мы, вѣдь, въ нихъ не стрѣляли!.....

Что значитъ эта фраза, я не знаю. Но вслѣдъ за этимъ онъ, опуская снова голову на подушку, проговорилъ сквозь зубы:

— Вотъ и четвертый крестъ заслужилъ,—деревянный!.

Мнѣ уже сказали къ тому времени, что онъ былъ раненъ на развѣдкѣ, когда шелъ согнувшись, чѣмъ только и объяснялось странное направленіе пулевого канала, и совокупность всѣхъ данныхъ, а также какое-то непосредственное чувство напомнили мнѣ одинъ разсказъ изъ совсѣмъ недавняго прошлаго...

Къ намъ на перевязку пришелъ солдатъ изъ обоза. Во время перевязки шелъ разговоръ объ ихъ полку вообще, и онъ похвастался однимъ изъ солдатъ полка: доброволецъ, герой, какихъ, по его словамъ,, не было и нѣтъ въ полку; знаетъ «всѣ языки», въ томъ числѣ, очевидно, и нѣмецкій, такъ какъ переодѣвшись въ австрійскую форму, онъ пробрался въ непріятельскіе окопы и тамъ, изъ разговоровъ съ солдатами, разузналъ о расположеніи ихъ войскъ. Далѣе, въ ту-же ночь, онъ перервалъ непріятельскій телефонъ, предварительно переговоривши съ другой станціей, и, слѣдуя по проволокѣ, открылъ мѣстопребываніе австрійскаго шпіона, находившагося въ полосѣ занятыхъ нами владѣній и взялъ его въ плѣнъ. Двумя Георгіями, 4-й и 3-й степени,—онъ уже награжденъ, а къ третьему—2-й степени, былъ недавно представленъ.

Если прибавить къ этому, что ему всего лишь 19—20 лѣтъ, то восхищеніе солдата станетъ вполнѣ понятнымъ.

И почему-то предчувствіе подсказало мнѣ, что этотъ герой, которымъ заочно восхищались всѣ мы два дня назадъ, который всего лишь два дня назадъ былъ въ полномъ блескѣ здоровья и неизсякаемой энергіи, лежитъ теперь здѣсь,

передъ нами, въ нашей юдоли печали и страданій, лежитъ слабый и безпомощный, какъ бы ни крѣпился онъ, какъ бы ни старался ничѣмъ не выдать своихъ страданій.

И я не ошибся. Теперь, когда я пишу эти строки, его уже нѣтъ въ живыхъ. Или, выражаясь здѣшней, военной, терминологіей, которую употребляютъ всѣ, съ кѣмъ мнѣ приходилось разговаривать, отъ командира полка до простого рядового солдата,- „онъ счастливъ". Быть можетъ, это странно звучитъ тамъ, въ Россіи, но здѣсь всѣ произносятъ эти два слова съ самымъ искреннимъ убѣжденіемъ. Возможно, что онъ и счастливъ теперь.... Во всякомъ случаѣ, сейчасъ не время и не мѣсто вдаваться въ безплодныя разсужденія о цѣли бытія, но.....я не могу выразить, не могу найти словъ для опредѣленія того чувства, которое овладѣло мной при видѣ его страданій.

Мы съ сестрой просидѣли около него весь этотъ день.

Было почти, или, вѣрнѣе, достовѣрно извѣстно, что для него спасенія нѣтъ, если не произойдетъ чуда. Пульсъ былъ слабый, едва прощупываемый и скачущій, прерывался каждыя 5-6 секундъ, а ко второй половинѣ дня и совсѣмъ пересталъ прощупываться... Лѣвая половина груди была вздута—отекъ простѣленнаго легкаго. Все время просилъ пить. Солдатъ-санитаръ, котораго я вчера вечеромъ предупредилъ, чтобы онъ давалъ ему пить по возможности поменьше и, во всякомъ случаѣ, небольшими дозами, утромъ сообщилъ, что больной выпилъ цѣлый чай-

никъ воды. Весь день длилась агонія и при этомъ при полномъ сознаніи его почти до самаго конца. Когда, впрыскивая морфій, врачъ что-то сказалъ сестрѣ, больной настоятельно потребовалъ сообщить ему, о чемъ они говорили

И лишь къ концу, приблизительно за часъ до смерти, онъ потерялъ сознаніе: стоя у него въ ногахъ, я случайно встрѣтился съ его глазами..... Это былъ уже не прежній, осмысленный взглядъ, въ которомъ одновременно отразились и непосредственныя ужасныя страданія человѣка, не знающаго, за что его убили, и цѣлый міръ затаенныхъ, глубокихъ, ни для кого изъ насъ, постороннихъ. невидимыхъ и непонятныхъ, но сложныхъ душевныхъ переживаній.... Въ немъ, этомъ взглядѣ, были и безконечныя скорбь и тоска по молодой, начавшей только что расцвѣтать такимъ пышнымъ цвѣткомъ жизни, и ясно, вполнѣ отчетливо видно было, что этотъ человѣкъ поставилъ самъ, собственными руками и надъ самимъ собой послѣдній, четвертый—«деревянный» крестъ.

И до того откровененъ, до того правдивъ былъ этотъ взглядъ, что притворяться взглядомъ же не поднимались глаза, какъ поднялись-бы они въ другомъ случаѣ. Не хватало смѣлости и, я скажу больше, циничности лгать передъ лицомъ смерти, такой естественной, такой правдивой и такой красивой. Потому что можно помогать умирающему убѣгать отъ ужаса смерти, отъ думъ о ней, но только въ томъ случаѣ, если онъ самъ хочетъ убѣжать отъ нихъ; можно питать въ немъ надежду, но только тогда, когда она у

него, хоть и маленькимъ огонькомъ, но теплится. Но ни разумъ, ни непосредственное чувство не позволяютъ отравлять послѣднія минуты человѣка ложью, исходящей отъ самого себя, ложью въ этомъ случаѣ безсмысленной и ненужной, каковы бы ни были ея побужденія. Сказать же голую, неприкрашенную правду тоже не хватаетъ духа. И убѣгаешь взглядомъ, прячешься отъ пытливыхъ, вопрошающихъ и неумолимо требующихъ отвѣта глазъ.....

Да, онъ „счастливъ“ теперь. И счастливъ не съ того момента, какъ умеръ, умеръ въ томъ смыслѣ, какъ это принято понимать житейски, а съ того—какъ потерялъ сознаніе.

И когда я въ другой разъ снова заглянулъ въ его глаза, они не были уже тѣми особенными глазами, что давеча утромъ. Я такъ же, какъ и тогда, отвелъ свои глаза, потому что такъ же, какъ и тогда, мнѣ было страшно. Но теперь уже страшно не за него, знающаго всю правду о себѣ, а за самого себя страшно стало: они, эти глаза, напоминали мнѣ много, много другихъ такихъ же безумныхъ глазъ.... и я не выдержалъ. За него же, по той психологіи, которая царитъ здѣсь повсюду и которую мы, люди свѣжіе, начинаемъ тоже понемногу усваивать,—за него съ той минуты, и именно съ той минуты, приходилось только радоваться. Именно съ той минуты, потому что здѣсь воочію видишь, насколько не совпадаетъ моментъ той, не то что духовной, въ смыслѣ отдѣленія души отъ тѣла, или какъ нибудь иначе понимаемой (это была-бы чушь), но, я сказалъ-бы, истинной смерти, не

предрѣшая и не зная, какъ ее опредѣлить—насколько моментъ этой смерти далекъ отъ смерти физической въ обще-принятомъ смыслѣ этого слова. Для меня лично еще не рѣшенъ вопросъ, есть-ли разница между бытіемъ и небытіемъ, а отсюда, есть-ли вообще грань между ними, какъ не существующими раздѣльно. Но если она и есть, нелѣпо видѣть ее въ томъ послѣднемъ вздохѣ, послѣ котораго все остается безъ движенія.

Кончаю письмо. Сейчасъ уже 4 ч. ночи и за мной съ минуты на минуту придутъ будить на дежурство. А тамъ, на дворѣ, гдѣ я буду дежурить, лежитъ онъ, который такъ занялъ сегодня всѣ наши думы. Лежитъ на спинѣ, на повозкѣ. И если-бы откинуть съ головы шинель, то онъ глядѣлъ-бы какъ разъ въ далекое-далекое, такое чистое и голубое небо съ яркими звѣздами, при свѣтѣ которыхъ онъ когда-то совершалъ свои смѣлыя развѣдки. И если-бы могъ онъ проснуться хоть на одинъ мигъ, то, навѣрное, на душѣ у него было-бы спокойно, спокойно. Правда, никто не давалъ ему отпущенія грѣховъ, никто не принялъ его исповѣди, но онъ днемъ, говорила сестра, молился долго, долго. И вскорѣ послѣ этого впалъ въ забытье.

Ну, пойду. Такъ хотѣлось-бы написать ему на могилу простое, но теплое и хорошее стихотвореніе, такое-же простое и хорошее, какимъ въ жизни былъ, вѣрно, онъ самъ.

И хотѣлось бы, и чувствовалось, вѣдь, настроеніе сказать.... да проклятое неумѣніе писать въ шумѣ и гамѣ, отъ которыхъ у насъ, въ особенности зимой, никуда не скроешься.

А тамъ пропадетъ это настроеніе, затрется въ грязь, испакостится разными мелкими, повседневными заботами и заботишками.

А, впрочемъ, кто знаетъ?.....

Изъ дилеммъ войны

Дер. Псары 13 января 1915 г.

Первые раненые, пренесшіе намъ столько удовлетворенія, заставили насъ увидѣть и оборотную сторону медали: пришлось занимать подъ нихъ крестьянскія избы.

Уже успѣли мы, несмотря на короткое пребываніе здѣсь, услышать рыданіе сердобольныхъ полекъ, увидѣть сосредоточенныя, испуганныя дѣтскія личики, когда вносили въ избу тяжело раненныхъ. Съ ужасными страданіями, съ негромкими, но душу раздирающими стонами, вносили, несмотря на просьбы и мольбы хозяевъ, не пугать ихъ дѣтей. Что же дѣлать? Разъ ѣдешь на войну, долженъ рѣшаться дѣлать не только добро, но и зло, если дѣло этого требуетъ.

А что дѣло, именно дѣло, а не только гуманность, этого требуютъ, въ этомъ сомнѣнія не можетъ быть. Мы вѣдь,—въ этомъ здѣсь приходится убѣдиться—по существу, совершенно такая же часть арміи, какъ какая-нибудь пулеметная рота, артиллерія, какъ солдаты и прочіе, все то, что въ совокупности составляетъ армію. Своей работой мы точно такъ же способствуемъ успѣшному ходу войны, какъ и всѣ перечисленныя выше части арміи.

И съ этой точки зрѣнія мы, т. е. работающіе подъ флагомъ Краснаго Креста, глубоко національны, а, не интернаціональн'...

Таково существо дѣла. Но каждый, само собой разумѣется, вкладываетъ въ это грубое «существо дѣла» свое чисто субъективное пониманіе. И поэтому нашъ «національнизмъ» остается опять таки только въ рамкахъ существа дѣла ничѣмъ не выражаясь внѣшне: мы такъ же кормили плѣнныхъ австрійцевъ, лѣниво бредущихъ въ штабъ подъ конвоемъ одного-двухъ солдатъ и случайно забредшихъ къ намъ, какъ и своихъ; такъ же заботливо перевязываемъ ихъ раныхъ. Даже болѣе: ни съ однимъ «нашимъ» раненымъ не возились такъ, какъ съ австрійцемъ, у котораго была искромсана нога...

Жизнь, правда, не ставила намъ пока никакихъ грозныхъ дилеммъ, вродѣ той, когда, за недостаткомъ времени, приходится выбирать между своими и непріятельскими ранеными. Военные санитары задачу эту разрѣшили уже давно и весьма просто...

Помню, одинъ разказывалъ мнѣ про жаркое дѣло въ Галиціи:

— Своихъ то мы всѣхъ подобрали...

— Ну, а непріятельскихъ?..

— Да что же, которые были поближе, тѣхъ подобрали. Ну, а остальныхъ!... Тутъ онъ замялся и немного помолчалъ, а потомъ докончилъ рѣшительно:

— Если бы времени больше, а то, вѣдь, не бросать же своихъ..

И послѣ этого мнѣ стало понятно восклицаніе, которое слышалъ я въ залѣ 1 го класса въ Брестъ-Литовскѣ за сосѣднимъ столикомъ, по пути сюда. Разговаривали два «штатскихъ» и дама:

— Что Иванъ Петровичъ?
— На Германской границѣ...
— Бородинъ?
— Убитъ?
— А Сережа?
— Тяжело раненъ и остался на полѣ сраженія...
— Ну, значитъ, погибъ... произнесъ одинъ изъ разговаривавшихъ.
И всѣ замолчали...

Характерно и многозначительно это короткое „значитъ". И не дай Богъ, чтобы для насъ оно стало такимъ же простымъ и понятнымъ, какимъ было тамъ, за сосѣднимъ столикомъ...

Надѣюсь, что въ общемъ мы избѣжимъ этого шаблона. Но удастся ли намъ провести эту линію рѣшительно при всякихъ обстоятельствахъ, — на это никто изъ насъ не рѣшится, навѣрное, отвѣтить категорическимъ „да".

Летучка „Б“ 1-го Сибирскаго отряда, незадолго передъ раздачей подарковъ солдатамъ въ окопахъ, въ февралѣ 1915 года; во время раздачи были легко ранены: **С. А. Шлихтеръ** (2-й справа, въ нижнемъ ряду, сидитъ) и братъ милосердія, студентъ Вознесенскій (2-й слѣва, въ верхнемъ ряду) и смертельно ранена сестра милосердія **Ольга Шишмарева** (2-я справа, въ верхнемъ ряду).

Подъ огнемъ.

Варшава, 27-ое февраля 1915 года.

Чувствую, что не писалъ давно, такъ давно, что и не упомнишь. Писать о старомъ не стоитъ, да и нечего. Начну поэтому сразу съ 21-го февраля, съ того событія, извѣстія о которомъ уже появились, навѣрное, въ газетахъ. Этотъ день, 21 февраля, былъ днемъ перемирія между нашими и венгерцами, находящимися противъ насъ.

Офицеръ съ артиллерійскаго наблюдательнаго пункта, находящагося въ полуверстѣ отъ насъ, приходитъ къ намъ и разсказываетъ о томъ, что произошло только что на его глазахъ: изъ австрійскихъ окоповъ вышли трое съ бѣлымъ флагомъ и направились въ нашу сторону. Спустя нѣкоторое время навстрѣчу имъ вышли трое изъ нашихъ окоповъ, тоже съ бѣлымъ флагомъ. Встрѣтились на серединѣ разстоянія между ихъ и нашими окопами, откозыряли другъ другу; австрійцы вручили какой-то пакетъ, и разошлись. На наблюдательномъ пунктѣ есть подзорная труба, такъ что видно, какъ на ладони.

Спустя нѣкоторое время, немного дальше по фронту повторяется та же исторія, съ той лишь разницей, что австрійцы идутъ къ намъ. Они, оказывается, изъявили желаніе вести какіе-то переговоры, и ихъ съ завязанными глазами по-

вели въ нашъ штабъ. Было заключено перемиріе, и солдаты свободно разгуливали на верху окоповъ, на виду у непріятеля. Съ того момента, какъ они вышли съ флагомъ, ни съ ихъ, ни съ нашей стороны не было произведено ни одного выстрѣла и не пущено ни одного снаряда.

Вотъ въ это то время трое изъ нашей летучки—сестра Шишмарева, мой пріятель, студентъ Вознесенскій, и я—собрались идти въ окопы. Мы понесли солдатамъ и офицерамъ газеты и журналы, а также бѣлые халаты для развѣдчиковъ, которые просили насъ принести раньше. Кромѣ того, пошли справиться, нѣтъ ли раненыхъ и, если они есть, переправить ихъ къ намъ, въ нашу летучку, въ 1½ верстахъ оттуда. Наканунѣ въ окопахъ этой самой роты былъ съ нѣкоторыми товарищами писатель Т., гостившій въ нашей летучкѣ, который раскопалъ тамъ интересные типы прапорщиковъ изъ солдатъ.

Мы, конечно, не пошли бы въ окопы днемъ, безъ особенной нужды, да еще съ сестрой, такъ какъ днемъ легко могутъ замѣтить, если бы не перемиріе и не удачное расположеніе окоповъ. Удачное же расположеніе состояло въ томъ, что окопы расположены какъ разъ на опушкѣ лѣса, такъ что, выйдя изъ лѣса, сразу попадаешь въ окопы, не будучи замѣченъ непріятелемъ.

И дѣйствительно, все пошло какъ по писаному. Мы зашли въ землянку ротнаго командира, гдѣ, помимо него, застали еще двухъ прапорщиковъ изъ солдатъ, о которыхъ я говорилъ выше. Насъ благодарили за газеты, угощали чаемъ, показывали панцырь Чемерзина, говорили, что завтра съ утра подъ обстрѣлъ непріятеля

хотятъ выставить чучело, надѣвъ на него для пробы этотъ панцырь. Затѣмъ пошли по окопамъ.

Шли, вѣрнѣе, не по окопамъ, такъ какъ ямъ копать здѣсь нельзя—болотистая почва и на 1/4 аршина въ глубину вода. А окопы замѣняетъ брустверъ,—стѣна, сложенная изъ земли и дерна и укрѣпленная кольями. Въ ней и устроены бойницы. Такой типъ окоповъ, конечно, очень неудобенъ и потому встрѣчается очень рѣдко, только въ случаяхъ крайней необходимости, когда иначе устроиться нельзя. За стѣной стоятъ невысокія землянки, опять таки, не вырытыя въ землѣ, а построенныя на ней съ помощью жердей и дерна.

И вотъ мы стали около одной изъ такихъ землянокъ. Дѣло было въ 4 ч. дня 21 февраля. Потомъ оказалось, что наканунѣ ровно въ это время австрійцы начали обстрѣливать именно это мѣсто и выпустили по нему около 70 снарядовъ. Но тогда никто не предупредилъ насъ объ этомъ, хотя съ нами было 3 офицера, да никто и не ожидалъ отъ австрійцевъ такого коварства, что они станутъ стрѣлять во время перемирія, когда ихъ парламентеры ведутъ переговоры въ нашемъ штабѣ.

И вдругъ далекій выстрѣлъ и характерное жужжаніе приближающагося къ намъ снаряда. Человѣку непосвященному, никогда не испытывавшему ощущенія ожиданія снаряда, летящаго на тебя, жужжаніе это, какъ ни старайся, никакъ не передашь и ни съ чѣмъ его не сравнишь. Но зато, если вы съ нимъ хорошо познакомились, то уже всякій звукъ напоминаетъ вамъ

это жужжаніе. И спустя день по пріѣздѣ въ Варшаву меня заставлялъ еще настораживаться звукъ дребезжащей пролетки.

Но возвращаюсь къ темѣ: мы всѣ услышали жужжаніе летящаго на насъ снаряда. Ощущеніе не новое, но на сей разъ оно до того было неожиданнымъ, что никто не догадался и не успѣлъ крикнуть другимъ, чтобы падали, ни лечь самъ. Не было чувства страха, было чувство удивленія, недоумѣнія, но, главное, безпомощности. Мы ожидали его стоя, какъ прикованные къ мѣсту.

Оглушительный разрывъ, я на мгновеніе какъ будто ничего не вижу передъ собой, но не надолго, и въ это время чувствую, какъ по моему лѣвому виску настойчиво и безумно скоро стучатъ острымъ молоточкомъ. Это продолжается мгновеніе. Затѣмъ все снова приходитъ въ норму. Мой взглядъ случайно падаетъ на правую руку на ней нѣсколько дыръ, хотя боли я никакой не чувствую. Оборачиваюсь дальше, вижу,—лежитъ сестра.

«Она испугалась, и потому упала!» проносится мгновенно въ сознаніи, до того невозможно даже представить себѣ, чтобы произошло что-нибудь серьезное. А происшедшее со мной лично только подтверждаетъ еще комичность и смѣшную сторону инцидента.

Подбѣгаю къ ней,—у нея отнялись ноги. Осматриваю,—ни дыры на платьѣ, ни крови не видно.

«Нервное потрясеніе», думаю я.

И мы съ солдатомъ тащимъ ее въ землянку. Въ это время второе жужжаніе, второй разрывъ, но уже не въ воздухѣ, а на землѣ,—позади насъ,

т. е. уже не шрапнель, а граната,—снарядъ, поставленный на ударъ. Вспоминая потомъ объ этомъ, я догадался, почему австрійцы пускаютъ снаряды именно въ такой послѣдовательности: шрапнель застаетъ врасплохъ и осыпаетъ сверху свинцовымъ дождемъ ничего не ожидающихъ солдатъ, а затѣмъ, когда, они знаютъ, солдаты уже спрятались, поукрывались, и шрапнелью ихъ не пронять,—они начинаютъ щупать ихъ въ самыхъ окопахъ гранатой. И вотъ летитъ второй снарядъ, третій, а у меня такое настроеніе, какъ будто хочется крикнуть имъ:

«Ага! Что? взяли?»

Но сестра начинаетъ стонать, жалуется на общую боль въ спинѣ и груди, на то, что отнялись ноги.. Снова детально осматриваю ее и ничего не нахожу. У меня отлегаетъ отъ сердца, и я вспоминаю:

«А что же сталось съ другими?»

Выхожу изъ землянки,—никого не видно. Спрашиваю. Солдаты изъ другой землянки отвѣчаютъ, что ранило ротнаго въ руку и «вашего одного». И тогда лишь замѣчаю, какъ вдали ковыляетъ бѣдняга Вознесенскій.*

«Ну, рѣшаю, разъ самъ ковыляетъ, значитъ, не такъ ужъ опасная рана въ ногу!»

Въ это время слышу стонъ, исходящій откуда-то изъ-подъ земли. Меня зовутъ:

— Ваше благородіе, а, ваше благородіе!

Оборачиваюсь. Изъ маленькаго, незамѣтнаго окопчика, вырытаго подъ брустверомъ, съ небольшимъ выходомъ, показывается сначала го-

*) Братъ милосердія, студентъ Московскаго университета.

лова и плечи, а затѣмъ выползаетъ и весь солдатъ.

— Раненъ я, ваше благородіе!

Я скидываю съ себя шинель, которая, кстати сказать, только мѣшала мнѣ до сихъ поръ, и мы съ солдатикомъ, сопровождающимъ меня, укладываемъ его на шинель и раздѣваемъ. Рана въ животъ. Достаю индивидуальный пакетъ (въ этотъ разъ, какъ на грѣхъ, нѣтъ съ собой перевязочнаго матеріала) и начинаю перевязывать.

Снова свистъ, какъ разъ надъ головой, и разрывъ въ близости, которую опредѣлять не стану, но, во всякомъ случаѣ, въ довольно непріятной близости. Всѣ мы трое, насколько можно, плотнѣе прижались къ брустверу. Какъ кроты при приближающейся опасности скрылись моментально высунувшіяся изъ дыръ въ землѣ подъ брустверомъ солдатскія физіономіи. Словно вѣтромъ ихъ сдуло...

Летящіе на землю сучья, столбъ земли и дыма—все перемѣшалось въ общую кашу... И снова тишина, снова все оживаетъ, начинаетъ кряхтѣть и охать. Снова появляются въ окнахъ подъ брустверомъ любопытныя солдатскія физіономіи. Я кончаю перевязку. Мой раненый торопитъ меня:

— Поскорѣй бы, ваше благородіе, я тутъ вотъ въ окопчикъ уползу!

— Нельзя тебѣ въ окопъ! Твое спасеніе въ томъ, чтобы какъ можно меньше двигаться! Вотъ подожди, пока принесутъ изъ резерва носилки!..

— Нѣтъ, ужъ вы дозвольте, ваше благородіе я какъ-нибудь, осторожно, ползкомъ! Тутъ недалечко

Послѣдній «аргументъ безъ словъ», пролетающій снова надъ нашими головами, заставляетъ меня согласиться съ его доводами, и я отпускаю его въ «окопчикъ». Онъ быстро направляется къ нему, извиваясь на здоровомъ боку. А оттуда, изъ окопа, уже десятки рукъ тянутся къ нему, чтобы принять «бѣднягу Антона»...

Прошу сходить въ резервные окопы за носилками, а самъ иду въ землянку къ сестрѣ. Тамъ дѣла еще хуже. И теперь она жалуется уже на опредѣленную боль въ лѣвомъ плечѣ. Осматриваю тщательно эту область и на этотъ разъ нахожу, прикрытую до этого косынкой, маленькую дырку въ фуфайкѣ съ небольшимъ ободкомъ крови вокругъ.

Начинаю понимать все...

Перевязка сдѣлана, и мы съ солдатомъ изъ землянки, славнымъ, добродушнымъ парнемъ, готовымъ, кажется, душу положить за сестрицу, идемъ за водой къ «колодцу», такъ какъ она проситъ пить. «Колодецъ» находится совсѣмъ близко и представляетъ собой не что иное, какъ ямку въ $^1/_4$—$^1/_2$ арш. глубины, полную чистѣйшей холодной воды.

Набираемъ воды въ кружку, возвращаемся и видимъ: по тропинкѣ вдоль стѣны бѣжитъ на четвереньках солдатикъ, бѣжитъ со скоростью, которой могъ бы позавидовать любой пассажирскій поѣздъ. Поднимется и побѣжитъ по настоящему, но согнувшись въ три погибели,—гдѣ стѣна повыше,—а въ низкихъ мѣстахъ падаетъ и снова «шпаритъ» дальше по способу четвероногаго хожденія. Картина комичная, но теперь, конечно, не до смѣху.

Добѣжалъ, поднялся и рапортуетъ:

— Ротный велѣлъ нести сестрицу къ нему въ землянку!

Мы и сами знаемъ, что надо нести, но вопросъ въ томъ, какъ и гдѣ нести. Вдоль окоповъ нельзя, такъ какъ есть опасныя, открытыя мѣста, гдѣ переползетъ солдатъ, но не переберутся не замѣченными двое человѣкъ съ тяжелыми носилками. Остается одинъ путь—отъ окоповъ прямо въ лѣсъ, по снѣгу, черезъ кочки и канавы, а также и черезъ вырытыя упавшими только что снарядами ямы. Опасно, но еще опаснѣе оставлять раненыхъ здѣсь, гдѣ каждую минуту снарядъ можетъ угодить въ землянку и разнести ее въ дребезги со всѣмъ содержимымъ. А главное,—опасенъ только первый участокъ пути. Тамъ же, дальше, въ лѣсу, находится какой-то заброшенный ходъ сообщенія. Весь вопросъ теперь въ томъ, насколько далеко находится этотъ ходъ сообщенія и насколько онъ самъ представляетъ собой надежное прикрытіе. Къ счастью, огонь въ это время стихаетъ и представляется возможность произвести «развѣдку».

Добѣгаю до хода, осматриваю его—все въ порядкѣ: до него не такъ далеко, а самъ онъ представляетъ собой глубокую канаву, въ которой будешь чувствовать себя, какъ за каменной стѣной. Есть, правда, вода, но это не важно. Ведетъ эта канава прямо къ землянкѣ ротнаго, и я забѣгаю туда—справиться, какъ положеніе дѣлъ. Вижу, на лавкѣ въ землянкѣ лежитъ мой Вознесенскій, веселый и улыбающійся, почти довольный тѣмъ, что, вотъ, и его ранило.

Его веселое настроеніе я порчу сообщеніемъ о сестрѣ...

Возвращаюсь обратно. Бѣгу отъ хода сообщенія, а австрійскія позиціи передо мной, какъ на ладони.

«Навѣрное, замѣтятъ!» мелькаетъ въ головѣ, и я стараюсь выбирать незамѣтныя мѣста; бѣгу отъ дерева къ дереву: устраиваю перебѣжку. Дѣлаю саженные прыжки, но при этомъ стараюсь слѣдовать примѣру вышеупомянутаго солдатика.

Вскорѣ приносятъ одну пару носилокъ, мы укладываемъ сестру, и носилки съ двумя санитарами, въ сопровожденіи еще двухъ солдатъ, трогаются. Идемъ разсыпнымъ строемъ, чтобы было незамѣтнѣе. Слава Богу, вотъ и ходъ сообщенія.

Вслѣдъ за нами выносятъ раненаго солдата. Для Вознесенскаго носилокъ не хватило, и мы уже по пути встрѣчаемъ идущихъ за нимъ санитаровъ.

1½ версты тянутся долго, безконечно долго. Сестрѣ холодно, какъ ни стараемся мы укутать ее тѣмъ немногимъ, что имѣется въ нашемъ распоряженіи: шинель, да ея брезентовый плащъ, да полотно отъ палатки, которое далъ мнѣ солдатикъ—единственное, что онъ могъ дать.

Переполохъ, который производитъ въ летучкѣ появленіе носилокъ... Перевязка. Верховой летитъ въ лазаретъ съ извѣщеніемъ о случившемся. Ночью на автомобилѣ пріѣзжаютъ Н. В. Некрасовъ и старшій врачъ. Накладываютъ гипсовый корсетъ и немедленно эвакуируютъ сестру въ лазаретъ, а оттуда утромъ, въ автомобилѣ,

за 110 в., въ Варшаву. Меня вмѣстѣ съ другой сестрой посылаютъ сопровождать ее и устроить въ лазаретѣ. На другой день сестра уѣзжаетъ, и я остаюсь одинъ. Выясняется безнадежность ея положенія... Трудно поддерживать надежду въ обреченномъ на смерть человѣкѣ, развлекать его, строить планы будущей, совмѣстной работы. Трудно, когда совершенно одинъ и возлѣ нѣтъ поддержки. И въ особенности трудно, когда мучатъ угрызенія совѣсти за то, что уступилъ просьбамъ и доводамъ ея и другихъ и взялъ ее съ собой въ окопы; за то, что сталъ такъ, а не иначе, благодаря чему пуля избрала именно такое несчастное направленіе (у нея перебитъ позвоночникъ, и совершенно отнялась вся нижняя часть тѣла) въ то время, какъ могла попасть и иначе. Знаешь, что все это находилось внѣ твоей воли и власти, а все-таки ... За то, наконецъ, мучитъ совѣсть, что ты такъ счастливо стдѣлался, а она попала такъ несчастливо ..

Вчера пріѣхала ея двоюродная сестра. Теперь, вдвоемъ, легче будетъ скрашивать послѣднія минуты жизни... А то раньше бывали минуты, когда чувствовалъ, что слабѣетъ духъ и опускаются руки. Исторія эта можетъ продолжаться очень долго. Теперь, глядя на нее, ни за что не хочется вѣрить, что она умретъ: такой у нея сравнительно хорошій видъ и розовыя щеки,—почти такія же, какія были и раньше. Но надежды на жизнь, говорятъ врачи, очень мало, а надѣяться на возстановленіе движенія и всего прочаго и совсѣмъ невозможно. А въ послѣднемъ случаѣ лучше, пожалуй, смерть.

Пишу вамъ обо всемъ этомъ, скрѣпя сердце. Поэтому и откладывалъ такъ долго письмо, что больно думать въ этомъ направленіи.

Вы прислали мнѣ ужасную телеграмму и спрашиваете, нуженъ ли мнѣ уходъ. Совершенно излишенъ, такъ какъ моя контузія совершенно иного рода, не воздушная. Моя контузія—три царапины: одна на лѣвомъ вискѣ отъ скользнувшей по нему пули, съ опухолью; другая даже не царапина, а просто опухоль, на предплечьи правой руки и, наконецъ, третья царацина, самая основательная, но все же только поверхностная—кожи съ кровоподтеками надъ бицепсомъ правой руки. До чего все это несерьезно, можете судить по тому, что я послѣ всей этой исторіи, когда принесли раненыхъ, работалъ въ летучкѣ въ перевязочной и уже послѣ всѣхъ перевязокъ и мнѣ смазали іодомъ. Теперь я живу въ квартирѣ склада Петроградскаго отряда—нашего собрата; валяется здѣсь много бинтовъ, и я самъ бинтую себѣ руку въ верхней части. Давно образовалась корка, да и она слѣзаетъ уже. Доказательствомъ того, насколько все это ерунда, можетъ служить то, что я пишу вамъ правой рукой, въ твердомъ умѣ и здравой памяти, слѣдовательно, и рука и голова цѣлы. Во всѣхъ моихъ ранахъ есть такая странная послѣдовательность: въ рукавѣ шинели почему-то три дыры, въ верхней рубашкѣ на томъ же мѣстѣ—двѣ, въ нижней—одна, и, наконецъ, въ головѣ—ни одной дыры. Забавно, не правда ли?..

Варшава, съ ея кафе и ресторанами, блескомъ и шумомъ, блестящими офицерами, мнѣ непріят-

на. Хочется скорѣе обратно. Возможно, что на мое мѣсто пришлютъ вскорѣ сестру, такъ какъ сестеръ много, а въ насъ будетъ необходимость. Предвидится наступленіе.

Вокругъ и около позиціонной войны

Опоченскій уѣздъ, Радомской губ., 30 марта 1915 года.

Наконецъ-то, я снова у себя, дома, въ летучкѣ. Все время, какъ пробирался сюда разными окольными путями, мучила и тревожная и радостная мысль: не случилось ли чего съ ними? Потому что всегда, когда уѣзжаешь даже съ насиженнаго и спокойнаго мѣста, кажется, что именно въ твое отсутствіе и должно было произойти это самое важное, самое желаемое. А мѣсто наше вполнѣ, даже черезчуръ спокойное и насиженное, такъ что мы имѣемъ счастье на собственной шеѣ испытывать всѣ прелести томительной позиціонной войны. Ожиданія мои, какъ и слѣдовало предполагать, не знаю, къ счастью или къ несчастью, не оправдались. Улица была все такая же тихая и пустынная. Только въ концѣ ея, у заворота къ нашимъ двумъ каменнымъ хороминамъ,—бывшимъ школѣ и гминному управленію—стоятъ и разговариваютъ два «пана» («паномъ» мы зовемъ вообще всякаго поляка—крестьянина). Однако, подъѣзжая ближе, вижу, что ошибся, такъ какъ одинъ изъ этихъ двухъ «пановъ», при нашемъ приближеніи, шагаетъ къ нашей фурманкѣ прямо по грязи. Оказывается, это не «панъ», а милѣйшій нашъ Алексѣй Ивановичъ, порерядившійся въ

смазные сапоги, куртку какого-то дикаго, сѣро-буро-малиноваго цвѣта, безъ погонъ, и въ шапкѣ съ ушами, въ густыхъ волосахъ которой безъ слѣда утонула его кокарда. Алексѣй Ивановичъ—молодой офицеръ-артиллеристъ, хотя, несмотря на свою молодость, уже штабсъ-капитанъ. Онъ, какъ и многіе другіе офицеры Н-ской полевой батареи, бываетъ у насъ чуть ли не каждый день, какъ только выберется свободная минутка. Недавно принималъ самое дѣятельное участіе въ устройствѣ на «самыхъ передовыхъ позиціяхъ», т. е. въ палатѣ, гдѣ лежатъ раненые и больные солдаты, концерта-кабарэ летучки В. Концертъ прошелъ съ большимъ успѣхомъ, и теперь онъ организуетъ новый спектакль—для солдатъ, съ постановкой Чехова и съ участіемъ артистовъ изъ нашей публики. Долженъ оговориться, что въ составѣ летучки В. есть и настоящіе, заправскіе артисты. Тамъ же будутъ показываться еще многія другія занимательныя исторіи, вродѣ, напр., вползанія живого человѣка въ пивную бутылку, или катанія яйца по одному мановенію волшебной палочки, «безъ всякаго обмана»...

Н-ская полевая батарея—самая близкая изъ стоящихъ вокругъ насъ батарей. Ея наблюдательный пунктъ находится въ 1/4 версты впереди насъ, а сама батарея стоитъ въ одной верстѣ за нами, или, какъ подшучиваемъ мы иногда надъ г. г. артиллеристами, собравшись за вечернимъ чаемъ въ тѣсномъ кружкѣ,—батарея прячется подъ флагомъ Краснаго Креста. Они отшучиваются, утверждая, что, въ 1-хъ, нашъ флагъ повѣшенъ такъ низко, что его съ непрія-

тельской стороны даже и не видно, и, во 2-хъ, что непріятель съ нами особенно церемониться не будетъ, въ особенности, если рядомъ окажется для него хорошая «цѣль». А за этимъ слѣдуетъ уже серьезный, неоднократно повторяющійся совѣтъ: выкопать землянку и устроить блиндажъ, на случай обстрѣла. Приходится сознаться, что «цѣль» есть, такъ какъ совсѣмъ рядомъ съ нами—баня сибирскаго отряда, находящаяся подъ нашимъ попеченіемъ, баня, въ которой моется иногда въ сутки до 4-хъ ротъ. Стеченіе народа, конечно, порядочное... Кстати, есть и примѣръ: нашъ товарищъ ѣздилъ однажды съ бѣльемъ, мыломъ, чаемъ и сахаромъ въ одну вотъ такую же баню, но только выстроенную въ деревнѣ, расположенной на горкѣ, и потому видную непріятелю. Какъ только соберутся солдаты кучкой, непріятельская батарея сейчасъ же запускаетъ въ нихъ «очередь», т. е. стрѣляетъ подрядъ изъ всѣхъ своихъ 6—8 пушекъ. По нимъ гвоздили часа 4. Артиллеристы торжествуютъ, но и мы не сдаемся: результаты всей этой четырехчасовой бомбардировки—оторванное ухо у собаки, и только.

Къ тому же, что касается нашей деревни, то нѣкоторые склонны видѣть причину обстрѣловъ ея, иногда довольно сердитыхъ, не въ скопленіи народа, такъ какъ, говорятъ, деревня даже и не видна непріятелю, а въ шпіонажѣ... Кое кто замѣчалъ даже, какъ ночью въ сосѣднемъ лѣсу мигали фонари... При чемъ, если фонарь послѣдовательно мигалъ три раза, то на завтра, ровно въ 4 часа дня, начинался обстрѣлъ нашей деревни, Ш-це. Нѣкоторые опять таки утвер-

ждали, будто бы виноватъ въ обстрѣлахъ русскій контръ-развѣдчикъ, жившій въ деревнѣ Ш-це же, для котораго непріятель и предназначалъ всѣ эти снаряды; узнавъ какимъ либо образомъ о его мѣстопребываніи.

Теперь контръ-развѣдчикъ переѣхалъ въ другую деревню, въ сосѣднемъ лѣсу недавно изловили 4-хъ шпіоновъ, и обстрѣлы, правда, стали болье рѣдкимъ явленіемъ. Но по этимъ ли причинамъ, сказать трудно.

Вѣрнѣй всего, что непріятель руководствуется туманными указаніями своихъ воздушныхъ наблюдателей, аэропланы которыхъ почти каждый день, какъ только позволяетъ погода, вьются надъ нашими мѣстами Но низко опуститься они боятся, опасаясь обстрѣла, а потому и указанія ихъ должны быть черезчуръ неопредѣленны и общи. Непріятель, видимо, что-то знаетъ, чего то ищетъ, но отгадать, что онъ знаетъ и чего онъ ищетъ, по направленію снарядовъ, довольно мудрено. Очевидно, просто снарядовъ у него много, такъ какъ иначе ничѣмъ нельзя объяснить нелѣпаго и безтолковаго разбрасыванія ихъ по чистому полю, съ очень малымъ вѣроятіемъ нанести вредъ. Несчастные случаи, явившіеся результатомъ всей этой буффонады, за все время, какъ мы здѣсь находимся, можно буквально перечесть по пальцамъ, включая сюда и эпизодъ съ собачьимъ ухомъ.

Да, дер. Ш-це, а съ нею и летучка, все тѣ же, остались на томъ же мѣстѣ. Ничто не измѣнилось. И такъ же упорно не желаютъ покидать деревню нѣсколько смѣлыхъ крестьянскихъ семей. Заперлись они въ свои халупки и лишь

поглядываютъ съ любопытствомъ въ окошко на случайныхъ прохожихъ и проѣзжихъ. Ребятишки, и тѣ какъ будто чувствуютъ гнетъ вѣчно висящей надъ всѣми ими опасности, и рѣдко встрѣтишь кого нибудь изъ нихъ на улицѣ.

Тяжела жизнь крестьянина на передовыхъ позиціяхъ, въ данномъ случаѣ—жизнь польскаго крестьянина. Трудно даже сказать, что въ настоящемъ удерживаетъ его дома. Самое большее—куча картошки, сваленная у дома и прикрытая соломой отъ мороза. Картошка —вотъ главная, вѣрнѣе, единственная пища крестьянской семьи.

Другіе жизненные рессурсы давно и окончательно изсякли. И если раньше у крестьянина средней руки вы нашли бы 7—8 коровъ и 5—6 лошадей, то теперь вы съ трудомъ разыщете въ любой семьѣ одну корову и одну лошадь; да и тѣ тощія, еле передвигаютъ ноги, за неимѣніемъ овса и сѣна. Оно иначе и быть не можетъ, если принять во вниманіе, что по этимъ самымъ мѣстамъ нѣсколько разъ, въ ту и другую сторону, огромной лавиной катилось войско. «Вшистко австріяки забрали» или «вшистко германъ забралъ», разсказываютъ жители.

Я затруднился бы отвѣтить на вопросъ: нужно или не нужно крестьянину съ передовыхъ позицій перебираться въ тылъ. Существованіе на мѣстѣ, правда, не сладко,—жизнь и его и семьи часто подвергается большой опасности. Но что для крестьянина, по крайней мѣрѣ, для части ихъ, жизнь, когда прахомъ идетъ все, добытое тяжелымъ трудомъ хозяйство?!.... А, съ другой стороны, какія перспективы открываютъ-

ся имъ въ случаѣ бѣгства? Жизнь изъ милости у другихъ, по 20—25 человѣкъ въ халупѣ, т. е. 3—4 семьи. Тамъ у нихъ не будетъ даже картошки, которая теперь, худо ли, хорошо ли, но поддерживаетъ ихъ существованіе.

Да, *настоящее* польскаго крестьянина не сулитъ ему никакихъ розовыхъ перспективъ. И если что дѣлаетъ его существованіе хоть немного болѣе сноснымъ, его горести хоть немного легче переносимыми, такъ это надежда на будущее Съ этой надеждой въ душѣ живутъ польскіе крестьяне, и эта же надежда заставляетъ наиболѣе смѣлыхъ и наиболѣе послѣдовательныхъ изъ нихъ оставаться на насиженныхъ мѣстахъ. Цѣль вполнѣ понятна: спасти хотя бы голыя стѣны своихъ домовъ отъ окончательнаго разрушенія и расхищенія, чтобы впослѣдствіи, когда пройдутъ лихіе годы, осталась хоть основа, на которой снова цѣной большихъ условій и тяжелаго труда можно было выткать сѣть относительнаго крестьянскаго благополучія. Нѣкоторый, и даже большой raison d'être въ этомъ, несомнѣнно, есть. Примѣры на лицо, и я позволю себѣ разсказать одинъ изъ нихъ. Уже давно, около мѣсяца тому назадъ, изъ сосѣдней нѣмецкой деревни С-ки въ 24 часа по распоряженію военныхъ властей были выселены, остававшіяся тамъ до того времени, жены нѣмцевъ—колонистовъ (мужчинъ выселили еще въ началѣ войны.) Спѣшная распродажа имущества, насколько это можно было сдѣлать въ такой короткій срокъ, и внезапное, молніеносное опустѣніе деревни. На слѣдующій день я проходилъ по ней; часовня съ вынутыми уже

рамами; въ ней разбросаны въ безпорядкѣ скамейки, одинокій столъ, покрытый дорогимъ покровомъ—приношеніемъ какого нибудь усерднаго прихожанина; стоящее на столѣ распятіе, по стѣнамъ дорогія литографіи; а все это, будто какое то кладбище, заброшенное и покинутое. Въ домахъ—поставленныя поперекъ дверей кровати, валяющаяся на полу солома, обрывки какой то одежды, чьи то дырявые сапоги...

Вскорѣ послѣ этого я уѣхалъ и вернулся недѣли черезъ двѣ. Какъ то во время дежурства нужно было для растопки печей сухихъ дровъ. Предлагаю товарищу поѣхать за ними въ колонію.

— Ты не найдешь тамъ ни щепочки.

Я, конечно, не повѣрилъ и пошелъ въ деревню,—благо, она въ двухъ шагахъ отъ насъ. Детально обслѣдовавъ всѣ мѣста, на которыхъ раньше стояли халупы, я долженъ былъ убѣдиться, что онъ правъ. Трудно представить себѣ что нибудь болѣе вылизанное, чѣмъ эта несчастная С-ка: ни кусочка дерева, не говоря уже о вещахъ съѣдобныхъ и предметахъ домашняго обихода, которые исчезли въ первые же дни по опустошеніи деревни. Однѣ трубы безпомощно и жалобно вытянулись въ высь.

Я разсказалъ исторію дер. С-ка, какъ примѣръ, какъ возможное доказательство того, что населенію слѣдуетъ оставаться на мѣстахъ. Но только, какъ возможное доказательство; потому что, стоитъ пройти еще немного дальше, и вы найдете другое, такое же возможное и такое же вѣское докозательство, но уже совсѣмъ другого порядка. Это—другая, сосѣдняя деревня А-

Внѣшняя его картина—точная копія С-ки въ настоящемъ ея видѣ. Вся разница лишь въ томъ, что первая разобрана на дрова, а второй сожженъ непріятельскими снарядами. Но если вы человѣкъ непосвященный и не знаете исторіи этихъ деревень, вы ни за что не отгадаете, какая изъ нихъ сожжена и какая расхищена.

Торчашія кверху трубы этихъ двухъ деревушекъ, какъ мнѣ представляется, воплощаютъ въ себѣ всю судьбу польскаго крестьянина мѣстностей, объятыхъ войной, и даютъ, каждая по своему, краткій, но выразительный отвѣтъ на поставленную передъ нимъ дилемму: уйти ему или остаться. «Либо ты самъ уберешься по добру, по здорову, безмолвно говорятъ они, либо тебя выкинутъ съ трескомъ и грохотомъ.» А что бываетъ тогда, когда населенію приходится «выкидываться», я имѣлъ возможность убѣдиться.

Позавчера, во время очередного раскидыванія непріятелемъ своихъ снарядовъ по необозримому пространству польскихъ полей, одинъ изъ снарядовъ попалъ въ сарай сосѣдней д. О-но и поджегъ его. Непріятель, замѣтивъ, очевидно, дымъ, сталъ усиленно обстрѣливать это мѣсто. Въ результатѣ—запылала половина деревни. Пожаръ безцѣльный и безсмысленный, такъ какъ въ д. О-но не стоятъ даже резервы.

Изъ нашей летучки, какъ только замѣтили дымъ, была сейчасъ же выслана туда фурманка съ братомъ милосердія и санитаромъ для подачи первой помощи и перевозки къ намъ пострадавшихъ, если таковые окажутся.

Подъѣзжая, мы еще издали услышали трескъ взрывающихся патроновъ, оставленныхъ какъ

оказалось впослѣдствіи, случайно ночевавшими въ халупахъ солдатами. Это заставило насъ еще болѣе торопиться. Однако, по счастливой случайности, раненыхъ, ни изъ солдатъ ни изъ мирныхъ жителей, не оказалось. Но суматоху и переполохъ застали мы ужасные, даже большіе, чѣмъ можно было бы при всякихъ обстоятельствахъ ожидать отъ многострадальнаго и многотерпѣливаго польскаго крестьянина. Ибо онъ не трогается съ мѣста и не мѣняетъ норы даже тогда, когда кулакъ, занесенный надъ нимъ, полуопущенъ....

Если и онъ на этотъ разъ всполошился, значитъ его таки стукнуло, и стукнуло здорово...

Въѣзжаемъ въ деревню. Знакомая картина: направо прудикъ; живописно обступившія его со всѣхъ сторонъ халупки, а дальше, въ глубинѣ улицы, дворъ богатаго крестьянина, у котораго мы когда то, въ минуту жизни трудную, сторговали корову. Теперь на мѣстѣ длинной линіи его стодоловъ (сараевъ) море огня и дыма, изъ котораго то тутъ, то тамъ выступаютъ перекладины и поперечины. Соломенныя крыши давно уже сгорѣли, и все это напоминаетъ собой огромную кучу, сложенную въ длиннѣйшіе, правильные штабели, охваченные пламенемъ. Тутъже, рядкомъ дымятся огромныя кучи навоза. Хозяинъ сидитъ на обрубкѣ дерева и безучастно смотритъ на всю эту картину. А возлѣ халупы, за стѣной, какъ прикрытіемъ отъ снарядовъ, поставлена вынесенная изъ дыма колыбель съ ребенкомъ. Мать прижалась къ колыбели, прикрываетъ ее своимъ тѣломъ и

совершенно безумными глазами сморитъ на пожарище.

«О, муй Бозе, муй Бозе», шепчутъ ея уста, когда надъ нашими головами, шипя и свистя, проносится «шестидюймовка».

А рядомъ другая картина: крестьянинъ побѣднѣе, которому терять приходится не такъ много, спѣшно выноситъ и укладываетъ на фурманку жалкій домашній скарбъ. Въ первую голову выносятся литографированныя изображенія событій изъ Св. Исторіи, которыми увѣшаны всѣ стѣны комнатъ въ самой захудалой крестьянской семьѣ.

А еще дальше—супруги съ громкими причитаніями вытаскиваютъ и ставятъ въ воду на мелкое мѣсто около берега всякую деревянную и кухонную рухлядь, въ предохраненіе отъ пожара.

А вотъ рветъ на себѣ волосы, бѣгая вокругъ пылающей избы, какая то одинокая «кобита» (женщина). Она, какъ только начался обстрѣлъ, ушла къ дочери въ сосѣднюю деревню... Изба загорѣлась въ ея отсутствіе, и ей не удалось даже вытащить свои вещи.

Дѣлать намъ больше нечего, такъ какъ раненыхъ нѣтъ, а смотрѣть на все это, не помогая и не имѣя возможности помочь, довольно тяжело... Можно было бы, конечно, заняться тушеніемъ пожара наряду съ жителями, которые, оправившись отъ перваго оцѣпенѣнія, начинаютъ понемного таскать воду; не останавливаетъ видимая безцѣльность этой работы: цѣною большихъ усилій зальешь какой-нибудь квадратный аршинъ горящаго пространства,

а слѣдующій снарядъ все равно, рано или поздно, но докончитъ начатое дѣло разрушенія.

Собираясь уѣзжать, вспоминаю, что нашей публикѣ давно уже опротивѣла солонина... А крестьяне, навѣрное, съ радостью продадутъ корову, пока ее не прикончило какимъ нибудь осколкомъ...

Обращаюсь къ одному изъ остающихся въ деревнѣ крестьянъ:

— Быдло есть?.

Долженъ оговориться, во избѣженіе всяческихъ недоразумѣній, что всѣ мы, люди пришлые, объясняемся съ мѣстнымъ населеніемъ на особомъ, русско-польскомъ діалектѣ, выработавшемся, очевидно, уже въ эту войну, на діалектѣ, одинаково не напоминающемъ ни русскій, ни польскій языкъ, но пріобрѣтшемъ уже всѣ права гражданства и удовлетворяющемъ и ту и другую сторону.

— Быдло есть? спрашиваю.

— Но, то мамъ едну, пане.

— Чи пшедашь?.

— О, муй пане, не можно. Цо бендзе кушати, якъ бендзе живый?.

Предположеніе, что онъ можетъ остаться въ живыхъ, очевидно, не приходило мнѣ раньше въ голову. Протестовать противъ этого во всякомъ случаѣ, не приходится... Остается только согласиться съ «паномъ», и мы уѣзжаемъ...

Надъ деревней С-кой, о которой я уже раньше говорилъ, постарались и мы, и крестьяне, и солдаты изъ окоповъ. Каждый при этомъ разсуждалъ такъ: не я,—все равно другіе. И, раз-

суждая такъ, мы растаскивали деревню по бревнышку. А одинъ отрядъ, узнавъ о существованіи такой безхозяйной деревни, прислалъ сюда ночью за 10 верстъ цѣлую партію своихъ фурманокъ. Поднялась такая возня, что ее услышалъ непріятель и открылъ по этому мѣсту огонь...

А для солдата халупа есть цѣлый кладъ: оконныя рамы пойдутъ на окна, печи они разломаютъ и перенесутъ кирпичъ въ окопы, сложатъ тамъ свою печурочку, а стѣны халупы—высохшая ель—живо и весело затрещатъ въ печуркахъ, наполнивъ тепломъ и уютомъ маленькія каморки, которыя, какъ номера въ гостиницѣ, расположились одна за другой по одной сторонѣ длиннаго, безконечно длиннаго коридора, тянущагося въ эту безпримѣрную въ исторіи войну отъ Карпатъ до самаго Балтійскаго моря. Ибо окопы ничто иное, какъ коридоръ, по одну сторону котораго стѣна, темная и безотвѣтная... Вдоль же другой стѣны на много, много верстъ, то утолщаясь, то утоньшаясь, тянется живая цѣпочка,—цѣпочка, на которой держится все будущее Россіи, всѣ ея надежды, съ которой связано столько мыслей, столько печалей и радостей.

Люди крѣпко схватились другъ за друга въ этой цѣпи, и горе тому, чьи руки слабы и пальцы не цѣпки, горе тому, кто споткнется и, споткнувшись, разорветъ цѣпь...

И вся эта масса людей размѣстилась въ номерахъ своей своеобразной гостиницы, въ номерахъ на разныя цѣны, смотря по усердію и умѣнію обитателей устраиваться. Есть окна на улицу, т. е. въ сторону противоположную не-

Летучка „Б“ 1-го Сибирскаго отряда на позиціяхъ возлѣ г. Опочно Радомской губ. въ 1914 году (**С. А. Шлихтеръ** въ верхнемъ ряду, 2-й слѣва).

пріятелю, и окна на дворъ, т. е. въ коридоръ; есть печи по бѣлому и печи по черному; есть стѣны, искусно обитыя тесемъ и оплетенныя соломой, или просто земляныя; точно также и полы: есть крытые соломой—верхъ роскоши, и опять таки просто земляные, безъ всякой подстилки. Лучше всѣхъ, конечно, землянка ротнаго командира, но и солдатскія иногда бываютъ очень хороши. Съ виду такая неприглядная, войти въ нее прямо невозможно, нужно вползать, а войдешь,—обратно и не хочется... Такъ хорошо прикурнуть на соломѣ, когда напротивъ въ стѣнѣ выкопано этакое окошко съ оваломъ вверху, какой бываетъ въ венеціанскихъ окнахъ. Въ глубинѣ импровизированнаго камина пылаетъ весело огонекъ, потрескиваютъ дрова, грѣется и бурлитъ насквозь прокоптившійся солдатскій котелокъ. А наружное отверстіе для красоты и въ предохраненіе отъ выпадающихъ угольковъ, отгорожено рѣшеткой, состоящей изъ поставленныхъ рядомъ сосновыхъ колышковъ.

Несмотря на крохотные размѣры комнатешки, она не вся освѣщена. Ырывающееся порой изъ печурки пламя рисуетъ на стѣнахъ причудливые узоры, а переходы отъ свѣта къ тьмѣ создаютъ уже полную иллюзію камина или, вѣрнѣе, костра... И вспоминаются иныя, далекія времена, когда вдвоемъ съ заправскимъ охотникомъ-таежникомъ сидѣли мы послѣ утомительнаго дня охоты у костра и предавались воспоминаніямъ. То же освѣщенное пространство возлѣ насъ и та же темнота, обступающая со всѣхъ сторонъ и стягивающая точно желѣзнымъ кольцомъ. Та же непогода и завываніе сердита-

го вѣтра. Тѣ же лѣнь и пріятная истома во всемъ тѣлѣ. И тотъ же славный, добродушный мужичекъ, знающій такъ много забавныхъ исторій, мужичокъ, который и теперь проглядываетъ въ интимной обстановкѣ tête à tete'a изъ-за сѣрой обезличивающей солдатской шинели.

Одна только маленькая разница: тогда мы охотились на птицъ и звѣрей, а теперь на людей... Сообразно съ этимъ измѣнились и разсказы. Измѣнились, конечно, не совсѣмъ: манера говорить и отношеніе къ излагаемому событію все тѣ же. Вотъ только содержаніе разсказа иное.

Оно характерно, это выявленіе человѣка въ солдатѣ, характерно для нашихъ дней, когда вся Россія есть армія и вся армія есть Россія. Достаточно, чтобы въ тебѣ увидѣли своего человѣка, дѣйствительно интересующагося солдатскими нуждами и желающаго помочь, а не посторонняго наблюдателя, явившагося посмотрѣть окопныхъ обитателей, какъ диковинныхъ звѣрей,—достаточно этого, чтобы имѣть возможность въ солдатѣ увидѣть и узнать человѣка. Въ армію, что на мой взглядъ очень отрадно, внесенъ особый специфически штатскій духъ, явившійся результатомъ сліянія ея съ народомъ. Да и по внѣшности у насъ теперь—да простится мнѣ этотъ парадоксъ—нѣтъ регулярной арміи, регулярной во всѣхъ тѣхъ смыслахъ, какъ ее понимали въ мирное время. Какой, представляю, гнѣвъ начальства вызвали бы раньше оторванныя пуговицы, которыхъ теперь такъ много, черныя шапки съ ушами, которыя мы раздали зимой желающимъ, шапки, отнюдь не

напоминающія форменныя папахи; брюки изъ чернаго бобрика, выдававшіяся по 18 штукъ на батарею, такъ какъ артиллеристы, благодаря верховой ѣздѣ, скорѣй другихъ пронашиваютъ ихъ . . .

А вслѣдъ за опрощеніемъ въ одеждѣ пошло опрощеніе и въ отношеніяхъ, покрайней мѣрѣ, на самыхъ передовыхъ позиціяхъ. Остались оффиціальныя: «ты» и «ваше благородіе», но общее дѣло и общая опасность растопили былой ледъ отношеній и спаяли солдата и офицера въ одно цѣлое.

Какъ сейчасъ стоитъ у меня передъ глазами картина: низкая, тѣсная землянка; на лавкѣ сидитъ «ротный», а вокругъ него на лавкахъ-же расположились солдаты. Офицеръ этотъ былъ легко раненъ въ руку тогда же, когда у насъ была ранена сестра. Я зашелъ за нимъ, чтобы проводить его на пунктъ, и меня сразу поразила атмосфера интимной близости, царившей въ этой землянкѣ. Разговоръ оборвался, когда я зашелъ, какъ-будто они говорили о чемъ-то такомъ, что понятно и важно только имъ, своимъ людямъ, и что неинтересно всякому другому. Раненый, ему было 21 годъ, закапризничалъ, желая остаться въ строю. И тогда солдаты вмѣстѣ со мной, дружески-фамильярно, какъ малаго ребенка, стали уговаривать его пойти на перевязку. Собирали его вещи, напутствовали добрыми пожеланіями...

По замѣчательно мѣткому выраженію одного изъ нашихъ современныхъ писателей-беллетристовъ, въ Польшѣ въ теченіе всего года борются между собой весна, лѣто, осень и зима.

Я прибавилъ бы къ этому, что, сообразно времени, наблюдается только большій или меньшій уклонъ въ ту или другую сторону. Справедливость этого удобнѣе всего наблюдать теперь, въ то самое время, когда у насъ, въ Россіи, а особенно въ Сибири, наступаетъ весна, весна не календарная, а доподлинная, настоящая, сѣверная весна. Потенція, скрытая въ природѣ, выявляется во всей красѣ настолько же быстро и мощно, насколько долго она раньше оставалась неподвижной. И потому въ очень короткомъ промежуткѣ времени можно вполнѣ точно и опредѣленно отмѣтить два этапа: 1) конецъ зимы и 2) начало весны. И между этими то двумя этапами лежитъ грань, отдѣляющая зиму отъ весны.

Но такъ какъ въ Польшѣ ни зима ни весна не имѣютъ своего собственнаго бытія, то и грани. въ сущности, никакой нѣтъ. И я, право, затруднился бы сказать: зима теперь въ Польшѣ, весна или осень. Да и самыя эти разсужденія pro и contra весны весьма характерны для здѣшнихъ мѣстъ. Какъ будто человѣкъ опредѣляетъ и дѣлаетъ весну, тогда какъ тамъ, въ Сибири, весна такъ перерождаетъ и обновляетъ человѣка, что не оставляетъ въ немъ никакихъ сомнѣній на счетъ своего прихода.

Однако, несмотря ни на что, и въ Польшѣ весна даетъ себя знать. И я имѣлъ возможность наблюдать ея проявленія въ нѣсколько болѣе широкомъ масштабѣ, чѣмъ обыкновенно: въ подзорную трубу наблюдательнаго пункта вышеупомянутой Н-ой батареи.

Вдвоемъ съ товарищемъ отправились мы туда. Подходимъ—вывѣска: здѣсь кладбище,—ходить воспрещено. Ничтоже сумняшеся, какъ свои люди, пробираемся по ходу сообщенія. У трубы насъ встрѣчаетъ наблюдатель, старшій унтеръ-офицеръ, кавалеръ двухъ висящихъ на груди Георгіевъ и третьяго ожидаемаго, весельчакъ и забавникъ Петровъ

— А, ваши благородія! Въ трубу пришли посмотрѣть? Пожалуйте, пожалуйте!... И сейчасъ же, напередъ зная наше желаніе, наводитъ трубу на «самые австріяцкіе окопы».

Смотримъ и видимъ: близко-близко, совсѣмъ у нашихъ ногъ,—черная лента нашихъ окоповъ. Гуськомъ вдоль бруствера пробираются три солдатика. Изъ ямы по сосѣдству вылетаютъ три лопаты, одна за другой... Улучшаютъ и расширяютъ окопъ. Кое-гдѣ задымилось уже.

А дальше, совсѣмъ не далеко отъ нашихъ, блеститъ и играетъ на солнцѣ желтый песокъ австрійскихъ окоповъ. Передъ ними—легкая, кружевная паутина проволочныхъ загражденій. Тамъ тоже дымки. Вечерняя жизнь началась.

Все на первый взглядъ пустынно. Но только на первый взглядъ: стоитъ всмотрѣться, какъ передъ глазами промелькнетъ и спрячется тотчасъ какой-то темный предметъ. Потомъ другой, третій... То надъ окопами показываются головы непріятельскихъ солдатъ. А изрѣдка и весь австріецъ перебѣжитъ по открытому мѣсту.

Поворачиваемъ трубу немного направо: сразу за окопами видно въ лѣсу нѣсколько халупъ; изъ трубъ идетъ дымъ; около нихъ копошатся,

что-то дѣлаютъ, что-то несутъ смѣшные, крохотные человѣчки.

Петровъ, зная по направленію трубы, куда мы смотримъ, вздыхаетъ около:

— Эхъ. Вотъ бы сюда пулеметъ!

— А что?

— А мы бы ихъ такъ здорово расщелкали! нашимъ изъ окоповъ не видно, а отсюда видно великолѣпно, да и недалеко: пулеметъ вполнѣ достанетъ. Да нѣтъ, добавляетъ онъ, командиръ не велитъ, говоритъ—откроютъ насъ тогда...

— Петровъ, голубчикъ, поймай вонъ того зайца! Видишь, бѣжитъ? Да скорѣй, скорѣй... торопитъ его товарищъ.

Петровъ, конечно, не растерялся, мигомъ повернулъ трубу и зайца «поймалъ». Глядимъ, тотъ уже присѣлъ на заднія лапки, спрятался въ траву... Только мордашка торчитъ...Уши насторожены, а самъ что то жуетъ.

— Они здѣсь цѣлый день бѣгаютъ. Потому—весна, поясняетъ Петровъ и иллюстрируетъ весеннее настроеніе извѣстной поговоркой...

— А вотъ я вамъ, ваше благородіе, уточекъ покажу!

И дѣйствительно, передъ нашими изумленными глазами, по мановенію волшебныхъ рукъ кудесника Петрова, появляется откуда то изъ нѣдръ природы небольшое, заросшее водорослями, озерко. Вдоль берега плаваютъ, какъ на ладони, маленькія, маленькія уточки. Кажется, руру протяни и достанешь ихъ. Уточки ныряютъ, что-то достаютъ, что-то ѣдятъ. Война-войной, а жизнь природы идетъ своимъ чередомъ. Но дальше оказывается, что не только—природы, но и

человѣка, такъ какъ все тотъ же Петровъ обѣщается показать крестьянина, пашущаго между окопами.

Мы, понятно, не вѣримъ, но тутъ ужъ задѣто самолюбіе Петрова, и онъ во что бы то ни стало желаетъ доказать намъ свою правоту.

И вотъ труба наведена, и снова къ нашимъ услугамъ. Сначала ничего не видно...

— Онъ далеко уѣхалъ, но сейчасъ завернется и поѣдетъ обратно, защищается Петровъ.

И дѣйствительно, пара лошадокъ съ идущимъ позади крестьяниномъ явственно показываются на полѣ. Правда, не между нашими и австрійскими окопами, но между первой и второй линіей австрійскихъ окоповъ, сразу за первой линіей.

Смотримъ, и глазамъ не вѣрится. Многое мы видали, но такой приспособляемости ко всѣмъ рѣшительно возможнымъ обстоятельствамъ жизни, чтобы подъ пулями дѣлать свое повседневное крестьянское дѣдо, еще не приходилось наблюдать. И, добро бы еще, съ надеждой на успѣхъ, а то, вѣдь, почти навѣрняка во время отступленія или наступленія весь этотъ трудъ пропадетъ даромъ. Одно только можно сказать: живучъ человѣкъ!

Мы совсѣмъ было собрались уже уходить, но Петровъ обѣщался показать и показалъ намъ еще одинъ «номеръ» своей разнообразной программы: на австрійскихъ окопахъ въ первый день Пасхи была выставлена вѣтряная мельница, и стоитъ до сихъ поръ. Дуетъ вѣтерокъ, и она весело и быстро вертится.

А въ томъ же полѣ зрѣнія и еще одна занимательная вещь: около австрійскихъ окоповъ лежатъ двѣ дикихъ козочки. Невѣдомо какъ попавъ въ пространство между окопами, онѣ метались тамъ до тѣхъ поръ, пока пули не уложили ихъ рядкомъ. Славный ужинъ будетъ, навѣрное, у австрійцевъ, когда вернутся ихъ развѣдчики и принесутъ добычу. Вотъ только не завязалась бы ночью исторія; если русскія солдаты теже предъявятъ свои права на добычу, то наши развѣдчики столкнутся съ ихъ развѣдчиками. Можетъ произойти перепалка съ весьма печальнымъ исходомъ. Но непріятная перспектива получить пулю въ лобъ изъ-за куска мяса не остановитъ, конечно, ни ту ни другую сторону, ибо на войнѣ произошла страшная переоцѣнка цѣнностей: такая большая штука, какъ жизнь, цѣнится, что говорится, «въ полушку», а какой нибудь кирпичикъ или клочекъ соломы сразу пріобрѣтаютъ огромную цѣнность.

Правда, только въ этомъ и заключается несоотвѣтствіе жизни воина съ жизнью мирнаго гражданина: послѣ этого сдвига, въ новой обстановкѣ, въ рамкахъ новыхъ ваимоотношеній между людьми и вещами, жизнь, какъ мы уже видѣли, течетъ по старому руслу.

И крестьянинъ и солдатъ на собственной шеѣ переносящіе всѣ тяготы войны, точно такъ-же, какъ и заяцъ и утка, которымъ и на войну и на всѣ вообще людскія дрязги, что называется, съ высокаго дерева наплевать, одинаково, въ какой бы это ни было обстановкѣ, чувствуютъ радость возрождающейся жизни и, каждый по своему, находятъ откликъ на нее въ своей ду-

шѣ, т. е. бѣгаютъ, прыгаютъ, достаютъ вкусныя водоросли, пашутъ, забавляются дѣтскими игрушками.

Ибо всѣ они,—и солдатъ, и заяцъ, и крестьянинъ и утка, по выраженію все того же Петрова—«натурны».

Пасха въ окопахъ.

1. Заутреня.

Странно встрѣчать Пасху на передовыхъ позиціяхъ во время затишья. Съ одной стороны, сама обстановка не такова, чтобы забыть счетъ днямъ и недѣлямъ, такъ какъ послѣднее время живемъ мы здѣсь, какъ бы на дачѣ. Эта мирная обстановка, порождая какое-то нелѣпое, глупое настроеніе раздвоенности, когда, какъ салтыковскій баранъ, начинаешь мечтать о чемъ-то далекомъ и неясномъ, о чемъ мечтать вообще не должно, такъ какъ оно не сбыточно. Въ тиши весеннихъ вечеровъ рождается много воспоминаній и аналогій изъ прошлаго, такого далекаго и такого близкаго...

Съ другой стороны, когда черезчуръ размечтаешься, приходится самому себя одергивать, что все же это война, что громъ, такъ часто гремящій вокругъ, не есть ординарный лѣтній громъ... Что облачки, неожиданно всплывающія на небѣ, какъ бы ни были они красивы, какъ бы ни гармонировали они съ общимъ фономъ неба, что эти прелестныя, маленькія кофейно-розовыя облачки все же являются произведеніемъ рукъ человѣческихъ, а не однимъ изъ закономѣрныхъ явленій природы...

И тогда все начинаетъ двоиться въ глазахъ, каждый отдѣльный фактъ жизни пріобрѣтаетъ

двойную окраску, а сообразно съ этимъ, двоятся и настроенія...

И особенно тяжело такое раздвоеніе настроеній пришлось пережить въ Страстную Субботу, когда нужно было рѣшить, какъ, въ какой обстановкѣ, встрѣтить Пасху, т. е. создать ли иллюзію того, что происходитъ «дома», или же, слѣдуя старому правилу: «à la guerre comme à la guerre», попытаться и этотъ день встрѣтить по новому, по необычному,—по военному.

Каждый разрѣшилъ эту задачу по своему, и поэтому наша публика разсталась до часу ночи, когда мы условились собраться для совмѣстной встрѣчи Св. Воскресенія.

Пока же часть отправилась на заутреню въ походную полковую церковь съ пѣвчими. Другая же часть пошла въ окопы, такъ какъ намъ сообщили, что тамъ предполагается обще пѣніе: «Христосъ воскресе.»

Кстаки, у насъ накопились подарки, и мы воспользовались удобнымъ моментомъ для раздачи ихъ.

Выѣхали часовъ въ 11 вечера. Обычная обстановка ночныхъ поѣздокъ, за ранеными или съ подарками: неудобная, набитая соломой, фурманка, изъ которой во всѣ четыре стороны торчатъ ноги, ноги и ноги...

Сдержанные разговоры... Одиночные выстрѣлы съ фронта, вдоль котораго мы ѣдемъ... Сухой трескъ лопающихся, какъ каленые орѣхи, разрывныхъ пуль...

Щупальце прожектора, цѣпляющееся за горизонтъ то въ одномъ, то въ другомъ его концѣ... Ракеты, взлетающія къ небу огромными ог-

ненными шарами и, при своемъ возвращеніи на землю, освѣщающія каждый кустикъ, какъ днемъ...

Наконецъ, патрули, частенько останавливающіе насъ съ требованіями пропуска, но удовлетворяющіеся заявленіемъ, что ѣдетъ «Красный Крестъ»...

А тамъ, въ деревнѣ Людвиновѣ, съ дальняго конца которой начинаются наши окопы, халупа баталіоннаго командира. У него мы беремъ разрѣшеніе самимъ отнести подарки въ окопы.

Здѣсь тоже встрѣчаютъ Пасху, вдвоемъ,—подполковникъ и его адъютантъ, встрѣчаютъ по своему,—по походному, но съ нѣкоторой претензіей на роскошь. И грязныя, мазаныя стѣны халупы отлично гармонируютъ съ жалкимъ подобіемъ пасхальнаго стола, на которомъ стоитъ крошка-пасха, двѣ коробки консервовъ да черствый куличъ, на черной, въ общемъ, головѣ котораго кое-гдѣ только пробивается сѣдина глазури....

Здѣсь намъ указываютъ нуждающуюся въ нашихъ подаркахъ роту, даютъ солдатъ для переноски мѣшковъ и связь, которая проводитъ насъ въ окопы роты.

Ротнаго командира въ замлянкѣ не оказывается онъ ушелъ встрѣчать со своими солдатами Свѣтлое Воскресеніе.

Вдали уже слышны звуки хорового пѣнія. Спѣшимъ туда по ходу сообщенія и застаемъ картину, которая навсегда останется въ памяти, какъ живая: темные силуэты, такіе черные и рѣзкіе на фонѣ черной же земли и неба; высокая, ломаная линія бруствера, надъ которой возвышаются фигуры солдатъ; обнаженныя головы и не-

затѣйливое, порою сбивающееся, такое простое, но въ своей простотѣ такое трогательное пѣніе:

«Христосъ воскресе изъ мертвыхъ»...

Чувствуется, что важенъ не напѣвъ, а слова, которыя стараются выпѣвать медленно и четко и въ которыя каждый поющій влагаетъ свое, особливое содержаніе...

Точно по обоюдному молчаливому соглашенію съ непріятелемъ, ни одного выстрѣла, могущаго нарушить торжественность минуты. И звуки молитвы такъ кристально, такъ незапятнанно чисто несутся въ морозномъ ночномъ воздухѣ.

—Поздравляю васъ, братцы, съ Свѣтлымъ Праздникомъ, коротко, но тепло говоритъ офицеръ.

Чувствуется, что многимъ еще хотѣлось бы ему подѣлиться со своими солдатами, по душамъ поговорить съ ними о томъ, чѣмъ полны сейчасъ ихъ сердца, да мѣшаемъ ему, стѣсняемъ его мы, люди посторонніе, не во время явившіеся въ такой интимный моментъ...

Но солдатики и безъ словъ понимаютъ его, и ихъ отвѣтная благодарность звучитъ на сей разъ особенно сердечно и радостно...

А оттуда, изъ мрака ночи, отрывками доносятся звуки пѣнія, такого же спокойнаго и торжественнаго, какъ и здѣсь. Говорятъ, тамъ до нашего прихода, пѣлъ «соло» какой-то красивый теноръ.

По окончаніи пѣнія и привѣтствій, взбираемся на высокій-высокій валъ и тамъ уже находимъ «ротнаго». Представляемся, сообщаемъ о томъ, что принесли подарки, и тутъ же раздаемъ ихъ сгрудившимся солдатамъ.

А затѣмъ онъ ведетъ насъ по своимъ владѣніямъ. Всѣ уже разбрелись по землянкамъ, и часть окопныхъ обитателей встѣчаетъ первый день праздника воспоминаніямм, то веселыми, то грустными

Веселыя воспоминанія—грустныя сегодня, такъ какъ все это—«въ прошломъ такомъ далекомъ и невозвратномъ»...

А другіе все еще полны впечатлѣніями и звуками заутрени и неумѣло, но добросовѣстно стараются воскресить эти звуки .. Все дышитъ миромъ и спокойствіемъ...

Только одно мѣсто дисгармонируетъ съ этой общей безмятежностью.

Это участокъ фронта между двумя ротами, гдѣ стоятъ только караулы, и то ночью. Здѣсь особенно густы проволочныя загражденія, передъ лѣсомъ, который чернѣетъ невдалекѣ. Здѣсь фигура часового вся—напряженность, вся—вниманіе: мѣсто опасное, и онъ великолѣпно сознаетъ, что каждый малѣйшій недосмотръ съ его стороны ставитъ на карту не только его жизнь, но и существованіе всей роты.

Но на этотъ разъ все спокойно, и ни одинъ выстрѣлъ не обнаруживаетъ присутствія непріятельскихъ развѣдчиковъ...

II. Встрѣча съ австрійцами.

На второй день Пасхи за нами тремя пришелъ изъ той же 15-ой роты одинъ изъ развѣдчиковъ, съ приглашеніемъ отъ ротнаго пожаловать къ нему. Къ нашему приходу тамъ уже собрался тѣсный офицерскій кружокъ. Око-

пы этой роты находятся въ лѣсу и не видны непріятелю. Поэтому, хотя это и передовая линія, и до непріятеля совсѣмъ не такъ далеко, солдаты говорятъ:

«Мы тутъ въ резервѣ. стоимъ», и отказываются итти въ резервъ, когда имъ предлагаетъ это начальство, предпочитая свои теплыя и удобныя землянки холоднымъ стодоламъ какой нибудь деревни...

И благодаря этому же, скрытому отъ взоровъ непріятеля, расположенію роты, столъ изъ офицерской землянки вынесли на волю. Мы разсѣлись на бревнахъ, на треногихъ скамейкахъ, а кто-то догадался даже поставить, вмѣсто стула, огромный стаканъ отъ бомбы, разорвавшейся въ позапрошлую ночь.

Никифоры и Иваны мигомъ расцвѣтили столъ разными пасхальными яствами, и мы во второй разъ встрѣтили эту Пасху, на свѣжемъ, напоенномъ запахомъ хвои, воздухѣ, среди высокаго, могучаго лѣса.

«Землячки» бродили вокругъ, щелкая орѣхи изъ мѣшочковъ съ подарками, присланными имъ союзомъ городовъ. Затѣмъ передъ нами выстраивалась рота, представитель отъ которой благодарилъ за подарки и, особенно, за гармошку...

А еще часъ-два спустя, перемигнувшись съ младшимъ офицеромъ роты, 18-лѣтнимъ мальчикомъ, мы ушли отъ строгаго ротнаго смотрѣть австрійцевъ, которые довольно беззастѣнчиво показывались въ этотъ день надъ окопами...

Но, какъ на грѣхъ, ни одна голова не появлялась надъ окопнымъ валомъ, а любопытство было уже въ достаточной мѣрѣ разожжено. По-

этому мы руками и ногами ухватились за несмѣлое, сначала, предложеніе нашего спутника, кстати сказать, завѣдывавшаго развѣдкой роты, посѣтить лѣсъ передъ окопами. Позвали съ собой четырехъ развѣдчиковъ, и тѣ съ винтовками, а мы съ фотографическими аппаратами въ рукахъ двинулись въ путь за окопы. Перелѣзли черезъ наши проволочныя загражденія, а оттуда углубились въ лѣсъ...

Окопы непріятельскіе видны отсюда, какъ на ладони. Они живописно расположились въ три яруса на скатѣ холма, напротивъ насъ, а къ подножью холма подходитъ лѣсъ, тянущійся на нашемъ правомъ флангѣ отъ непріятельскихъ до нашихъ позицій. Въ этотъ то лѣсъ мы и вступили.

Въ общемъ, это былъ самый обыкновенный лѣсъ, такой, какихъ видалъ я на своемъ вѣку сотни: не особенно густой, часто перемѣшивающійся съ кустарникомъ. И если бы не замѣчали мы одного за другимъ нашихъ передовыхъ дозорныхъ, прилипшихъ къ деревьямъ, разставленныхъ цѣпью параллельно фронту, съ интервалами въ 100-150 шаговъ, да если бы не екало сердце отъ сознанія, что каждую минуту не только можетъ, должно произойти что-то такое экстраординарное, изъ ряда вонъ выходящее, да если бы не попадались на каждомъ шагу пробитые пулей солдатскіе котелки, разбросанные патроны,—и стрѣлянные и цѣлые, рваные патронташи,—и наши и непріятельскіе, окопы и окопчики-одиночки—если бы не все это, то получилась бы полная иллюзія самой обыкновенной весенней прогулки, когда все такъ свѣжо, почва еще сохранила

„На пасху 1915 г. не стрѣляла ни одна сторона. 23-го марта я, Мартьяновъ и еще одинъ товарищъ, съ разрѣшенія начальства, вышли на середину разстоянія между окопами и, махая платками, стали вызывать австрійцевъ на свиданіе. Они долго не выходили, пришлось ругать ихъ трусами, бабами (по нѣмецки), подойти близко къ ихъ проволочнымъ загражденіямъ, пока трое изъ нихъ не осмѣлились выйти и, крича: „ohne Waffen"! и поднимая руки, что сдѣлали и мы, подошли къ намъ. Мы похристосовались, поцѣловались и помѣнялись сувенирами. Я взялъ у нихъ автографъ ихъ"... (Изъ надписи на фотографической карточкѣ, присланной **С. А. Шлихтеромъ** родителямъ; авторъ стоитъ вторымъ направо).

влажность отъ стаявшаго снѣга, а почки деревьевъ набухаютъ и стремятся развернуться во всю ширину своихъ пышныхъ листьевъ.

Вотъ, напримѣръ, уходящая въ лѣсную даль и гущу кустарника, прямая, какъ стрѣла, аллейка! Что, кажется, въ ней необыкновеннаго? А между тѣмъ, черезъ нее нужно перебѣгать возможно скорѣе, согнувшись въ три погибели, такъ какъ на другомъ концѣ ея находится окопъ непріятельскаго секрета

Кто то даже утверждаетъ, что, переходя аллею, онъ въ глубинѣ ея видѣлъ двухъ человѣкъ. Что это? Дѣйствительность или разыгравшееся воображеніе? Если дѣйствительность, то надо признать, что непріятель настроенъ на сей разъ чрезвычайно миролюбиво, такъ какъ не пользуется полной возможностью, безнаказанно для себя, стрѣлять въ насъ.

Крадучись, перебѣгая отъ дерева къ дереву, дѣлаемъ мы еще нѣсколько десятковъ шаговъ, увлекая съ собой и сопровождающаго насъ прапорщика, которому, съ одной стороны, и самому хочется махнуть рукой на всякую предосторожность, съ другой — удерживаетъ оффиціальное положеніе, какъ начальника «развѣдки» Наконецъ, послѣднее все таки одерживаетъ верхъ, и онъ рѣшительно останавливается передъ окопомъ, въ которомъ ночью сидитъ, обыкновенно, непріятельскій караулъ.

— Я запрещаю вамъ итти дальше, такъ какъ мы и такъ черезчуръ далеко уже забрались на непріятельскую территорію. Удержать васъ силой, я, конечно, не могу, но знайте, что моихъ развѣдчиковъ я съ вами не отпущу, и, чтобы

съ вами ни случилось, въ какую бы вы ни попали кашу, я помощи вамъ не окажу, такъ какъ не желаю напрасно жертвовать своими людьми!..

Съ такимъ напутствіемъ онъ отпускаетъ насъ. Пройдя нѣсколько шаговъ, слышимъ за собой шорохъ и тихій, еле слышный шопотъ. Это, оказывается, одинъ изъ лихихъ развѣдчиковъ не выдержалъ, таки, и, вырвавшись стъ прапорщика подъ благовиднымъ предлогомъ, пришелъ къ намъ. Онъ разъясняетъ намъ наше положеніе относительно непріятеля: мы недалеко отъ полянки въ лѣсу, за которой сразу начинаются проволочныя заграженія, а за ними и окопы противника.

Въ душѣ борются два чувства: съ одной стороны, хотя на пути нашего слѣдованія и поставлены дозорные, теперь мы зашли такъ далеко, что предостереженіе ихъ все-равно окажется запоздалымъ,—насъ успѣютъ обойти...; съ другой,—отступать, не испивъ чашу острыхъ ощущеній до дна, отступать тогда, когда «счастье было такъ возможно, такъ близко», совершенно нельзя...

И мы снова крадемся, крадемся впередъ, на ципочкахъ, затаивъ дыханіе, отъ дерева къ дереву, съ минутными, но кажущимися такими долгими, остановками у каждаго деревца, когда не только самъ слышишь стукъ собственнаго сердца, но кажется, что и всѣ кругомъ, на далекое разстояніе, слышатъ его...

И у каждаго новаго дерева все тотъ же мучительно-острый, до наслажденія острый вопросъ: а не пробраться ли еще дальше, но только вонъ до того, слѣдующаго кустика?

Задавая себѣ этотъ вопросъ, мы добрались, въ концѣ концовъ, до этой самой магической полянки, на другой сторонѣ которой, дѣйствительно, увидѣли цѣпочку проволочныхъ загражденій...

Опустились на колѣни и разомъ щелкнули затворами аппаратовъ.

А, затѣмъ, повернули обратно и пошли уже гораздо болѣе поспѣшно, чѣмъ впередъ... Забрали съ собой всѣхъ оставшихся позади и вскорѣ благополучно прибыли въ окопы.

* * *

Этой прогулкой, однако, еще не суждено было закончиться богатому приключеніями дню: сквозь бойницу намъ показали находящуюся передъ окопами могилку австрійца, закопаннаго минутъ за 15—20 до нашего прихода сюда.

Оказывается, утромъ было заключено кратковременное перемиріе для уборки двухъ труповъ, лежавшихъ между окопами: нашего развѣдчика, который лежалъ около окоповъ противника, и непріятельскаго, лежавшаго у нашихъ окоповъ. Каждая сторона закопала трупъ врага, какъ лежащій ближе,—для удобства.

Были оказаны взаимныя почести, и намогилы возложено врагами по вѣнку изъ свѣжей хвои...

Мы рѣшили сходить къ могилкамъ.

Въ этомъ мѣстѣ разстояніе между окопами шаговъ 500-700. Направо лѣсъ, о которомъ я уже говорилъ; посрединѣ ровное, чистое поле. На этомъ то полѣ и расположились шаговъ на 300—400 одна отъ другой двѣ одинокія могилки людей, когда-то мечтавшихъ истребить другъ друга, а теперь почившихъ почти бокъ-о-бокъ спокойнымъ вѣчнымъ сномъ...

Вдоль опушки лѣса, отъ насъ къ австрійцамъ, тянется дорога, по которой мы идемъ Рядомъ съ дорогой все время попадаются одиночные окопы, валяются ржавыя, закопавшіяся въ землю обыкновенныя пули и остатки отъ оболочки разрывныхъ пуль... Тутъ же мы находимъ пробитый пулей австрійскій котелокъ, ящикъ русскихъ патроновъ, такъ называемый «цинкъ», почему то закопанный въ кучу песку и, наконецъ, смѣсь чего-то чернаго съ краснымъ и сѣрымъ...

Подойдя ближе, видимъ, что эта смѣсь не что иное, какъ окрашенные кровью мозги, вытекшіе на землю. Отъ крови же и земля кругомъ стала черной...

Это, очевидно, остатки того австрійца, который былъ похороненъ недавно...

Мы на серединѣ разстоянія между окопами. Ясно видны у нихъ не только проволочныя загражденія, но и окопы, даже бойницы, изъ которыхъ сверкаетъ на солнцѣ металлическими частями оружіе. Могила австрійца осталась позади, могила нашего развѣдчика впереди насъ, совсѣмъ недалеко.

Но мы не подходимъ къ ней вплотную, боясь какой-нибудь каверзы непріятеля, вродѣ обхода со стороны лѣса, напримѣръ. Въ смыслѣ стрѣльбы, конечно, безразлично, гдѣ стоять, ближе или дальше на нѣсколько десятковъ шаговъ, такъ какъ они и здѣсь, при желаніи, могутъ разстрѣлять насъ въ упоръ, какъ куропатокъ...

Но желанія этого у нихъ какъ-будто нѣтъ; наоборотъ, одинъ изъ насъ замѣтилъ даже мелькнувшій надъ окопомъ бѣлый платокъ...

Всматриваемся, спустя нѣсколько секундъ снова мелькаетъ бѣлое...

Сомнѣній нѣтъ, они желаютъ говорить.

Тутъ мы тоже машемъ имъ валявшейся около насъ, невѣдомо какъ сюда попавшей, бѣлой онучей, и вскорѣ надъ окопомъ показывается фигура въ свѣтло-сѣромъ, жестами усиленно приглашающая насъ къ себѣ. Мы дѣлаемъ то же самое, но долгое время безуспѣшно ..

Наконецъ, фигура скрывается; тамъ происходитъ нѣкоторое замѣшательство, и изъ окоповъ къ проволочнымъ загражденіямъ выходятъ три австрійца. Снова усиленная жестикуляція, и до насъ доносятся слова:

«Но, ходь, ходь»... и «Cafe trinken!»....

Снова эти заманиванія не дѣйствуютъ на насъ, и имъ приходится таки вылѣзть за проволоку, хотя предварительно они долго мнутся и о чемъ-то совѣщаются другъ съ другомъ.

Но и тутъ, предполагая, очевидно, съ нашей стороны какой-нибудь коварный замыселъ, они все время жмутся къ лѣсу.

«OhneWaffen!» кричимъ мы и въ доказательство этого поднимаемъ руки. Это не дѣйствуетъ, какъ не дѣйствуютъ и обидныя прозвища, которыми надѣляемъ ихъ за трусость.

Но вотъ кто-то изъ насъ, несмотря на наше твердое рѣшеніе быть осторожными и не итти дальше, дѣлаетъ шагъ впередъ.

Это дѣйствуетъ, къ нашему изумленію, моментально, и они, какъ манекены, дернутые за веревочку, приближаются вразъ, но тоже на одинъ только шагъ.

Такъ мы сходимся, строго слѣдя другъ за другомъ, чтобы противная сторона не «ужулила» ни одного шага и, наконецъ, встрѣчаемся шагахъ въ 100 отъ ихъ окоповъ.

Тамъ видны цѣлыя толпы людей, высыпавшихъ наверхъ. Мы знаемъ, что и изъ нашихъ окоповъ смотрятъ на насъ въ бинокль, но наши окопы видны неясно, да и некогда смотрѣть на задъ.

Итакъ, встрѣчаемся, подаемъ другъ другу руку, даже христосуемся Они—краснощекіе, жизнерадостные ребята—румыны. Изъ нихъ одинъ по чину соотвѣтствуетъ нашему старшему унтеръ-офицеру. Говорятъ они по-нѣмецки неважно, во всякомъ случаѣ, хуже насъ. Но кое-какъ, съ помощью знаковъ, объясняемся...

Сообщаемъ о паденіи Перемышля, спрашиваемъ о состояніи ихъ войскъ, о томъ, скоро ли они думаютъ кончить войну. Прельщаемъ прелестями жизни у насъ, въ Россіи, и особенно въ Сибири и предлагаемъ имъ уйти съ нами.

— Тамъ смотритъ офицеръ, показываютъ они назадъ.

— Ну, такъ пойдемте къ этому лѣску, какъ-будто ничего не замышляемъ, а тамъ скроемся ..

— Нѣтъ, будутъ стрѣлять,—«Schüssen!» увѣряютъ они, всѣмъ своимъ видомъ показывая, что и рады бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ.

Вообще, глаголъ «Schüssen» они повторяютъ нѣсколько разъ, съ трепетомъ и ужасомъ почти мистическимъ, боясь, очевидно, какъ бы его не примѣнили наглядно по отношенію къ нимъ и свои и русскіе.

На время свиданія мѣняемся головными уборами (мы-то, собственно, ничего не имѣли бы и совсѣмъ помѣняться, но ужъ очень энергично они протестуютъ, поминая, по обыкновенію, своего «Officier»)... Такъ странно выглядятъ физіономіи моихъ товарищей въ австрійскихъ кепи...

Они даютъ намъ на память табачныя книжки, мелкую серебряную монету, мы отдариваемъ ихъ...

Но свиданіе уже близится къ концу. Едва успѣваютъ они расписаться въ моей записной книжкѣ, едва успѣваетъ снять насъ своимъ кодакомъ мой товарищъ, какъ раздается свистъ изъ ихъ окоповъ и шиканье изъ нашихъ—условный знакъ, что пора расходиться.

Жмемъ другъ другу руки на прощанье, мѣняемся обратно фуражками и кепи и, ставъ снова врагами, расходимся въ разныя стороны, не успѣвъ поговорить ни о чемъ важномъ и существенномъ, но успѣвъ пережить такъ много за эти немногія минуты...

На развѣдкѣ.

Я хочу разсказать вамъ о ротѣ, которая навсегда оставила во мнѣ самое свѣтлое, самое отрадное воспоминаніе. Много видишь ординарныхъ солдатъ, которые могутъ умереть на посту, добросовѣстно дѣлая свое дѣло, но... и только. Послѣ столькихъ мѣсяцевъ войны трудно встрѣтить человѣка, который идетъ на опасность съ такимъ же пыломъ, какъ и въ первый бой. Здѣсь же каждый стоитъ за всѣхъ и всѣ за одного. Офицеръ и солдатъ—одно цѣлое. А развѣдчики!.... Я увѣренъ, что, гдѣ бы вы ни встрѣтили одного изъ нихъ, вы сразу, по одному внѣшнему виду, опредѣлили бы его спеціальность, какъ опредѣлялъ ее я: бодрое, огневое лицо, свѣтящееся изнутри умомъ и отвагой, доходящей порой до безшабашности...

Никогда не забыть мнѣ этихъ собраній заговорщиковъ во время развѣдки, когда, пріостановившись и подождавъ отставшихъ, развѣдчики устраивали подъ гостепріимнымъ покровомъ какой-нибудь сосны военный совѣтъ, гдѣ сглаживались всѣ различія въ рангахъ, гдѣ старшимъ становился наиболѣе смѣлый и находчивый.

Я съ двумя товарищами близко познакомился тогда съ этой милой семьей, №-ой ротой, тѣсно вошелъ въ ея жизнь, которая во всѣхъ своихъ стадіяхъ проходила при насъ: и очередные

доклады фельдфебеля, и сообщенія о смѣнѣ карауловъ и секретовъ, и срочныя донесенія развѣдчиковъ. иногда съ просьбой о высылкѣ немедленно подкрѣпленія, если ихъ начиналъ окружать болѣе многочисленный и сильный противникъ. Мы многимъ интересовались, разспрашивали а поэтому и неудивительно, что въ одинъ прекрасный день намъ предложили сопровождать развѣдку, чтобы имѣть возможность судить о ней не по однимъ только отрывочнымъ и лаконичнымъ сообщеніямъ развѣдчиковъ.

По окончаніи лекціи о теоретической развѣдкѣ отправились въ путь въ числѣ 12 чел.. Оговорюсь: я только сопровождалъ развѣдку, но для удобства буду вести разсказъ отъ ея имени.

И сразу же теорія разошлась съ практикой: пришлось подвигаться впередъ сравнительно тѣсной цѣпью чтобы окончательно не потерять связи другъ съ другомъ. Едва удалишься отъ сосѣда болѣе, чѣмъ на три шага, какъ уже потеряешь его, а найти вновь очень трудно, такъ какъ нельзя не только позвать, даже привлечь вниманіе какимъ нибудь шорохомъ, чтобы не открыть себя противнику, который можетъ бродить тутъ же.

Ползти пришлось почти съ самаго начала, за проволочными загражденіями, такъ какъ насъ предупредили, что въ нашъ секретъ, неизвѣстно кто и откуда, только что бросалъ камешки. И мы, предполагая, что это продѣлки непріятельскихъ развѣдчиковъ, которые надѣются, что сидящіе въ секретѣ непроизвольнымъ движеніемъ откроютъ свое точное мѣстопребываніе, мы раз-

считывали перехитрить проказниковъ и захва тить въ плѣнъ ихъ самихъ

Вдали замаячили двѣ темные фигуры. Мы припали къ землѣ, взяли ружье на изготовку.

—Стой, кто идетъ?

—Свои!

Удостовѣрившись въ этомъ, поземъ дальше. А еще черезъ нѣсколько шаговъ насъ самихъ останавливаетъ ползущій по землѣ тихій шопотъ:

—Стой, что пропускъ?

—Мина!

Подползаемъ къ окопу, влѣзаемъ въ него. Солдатики сообщаютъ намъ, что съ полчаса тому назадъ около нихъ, дѣйствительно, упалъ камень. Откуда, они не знаютъ, но съ того времени все спокойно. Мы дожидаемся здѣсь офицера, который ушелъ провѣрять караулы. Онъ вскорѣ подходитъ, и мы раздѣляемся: 5 развѣдчиковъ и насъ двое—идемъ впередъ, а 4 человѣка съ прапорщикомъ остаются въ резервѣ.

«Задача», какъ выражаются развѣдчики, слѣдующая: обслѣдовать ближнюю опушку непріятельской рощицы, на которую «они» часто высылаютъ свои караулы и засады, численностью человѣкъ до 25-30. Если мы обнаружимъ присутствіе такого караула, нужно зайти имъ въ тылъ, бросить бомбу и погнать передъ собой оставшихся въ живыхъ, чтобы добыть «языка».

Мы поземъ вдоль опушки лѣса, который идетъ перпендикулярно къ названной рощицѣ. Поземъ все время на животѣ, шаговъ 400, около 3-хъ часовъ, останавливаясь черезъ каждые нѣсколько шаговъ, затаивая дыханіе, приподнимаясь на рукахъ, чтобы осмотрѣть окрестность,

и моментально сравниваясь съ землей при взлетѣ ракеты, стараясь спрятать голову въ борозды вспаханнаго въ прошломъ году поля.

Мысль работаетъ необыкновенно ясно и отчетливо. За эти сравнительно немногія минуты переживешь и передумаешь столько, сколько, кажется, не переживешь и не передумаешь за цѣлый годъ жизни. Волненіе, конечно, есть, но не большее, чѣмъ я лично, напримѣръ, испытывалъ въ былые годы за кулисами, передъ выступленіемъ на гимназическомъ спектаклѣ. И трепещешь, и боишься, и ждешь, и знаешь въ то же время, что все это только за кулисами, что стоитъ выйти на сцену, стоитъ взвиться занавѣсу, какъ сами собой, непроизвольно появятся и нужныя слова и дѣйствія, все то, что, казалось, за минуту до этого позабылъ навсегда и безнадежно.

Помню, что все время, какъ мы ползли, меня преслѣдовалъ все одинъ и тотъ же неугомонный, бравурный мотивчикъ: тра-та-та, тра-та-та...

Ползешь и непроизвольно все время напѣваешь его про себя. Потомъ вдругъ поймаешь себя на такомъ непристойномъ для серьезности момента занятіи и огромнымъ усиліемъ воли угонишь мотивчикъ изъ памяти. А онъ, надоѣдливый, пролѣзетъ въ какую-нибудь другую щелку и, глядишь, черезъ нѣсколько секундъ снова уже вертится на губахъ...

Карауловъ и засадъ не оказалось ни на опушкѣ лѣса ни въ лѣсу, но многочисленные свѣже вырытые окопы свидѣтельствовали о томъ, что отсутствіе ихъ случайно. Тутъ мы позво-

лили себѣ стать на ноги и выпрямить спину, обошли всю опушку..

А затѣмъ мы, вдвоемъ съ развѣдчикомъ Копеченковымъ, отползли за лѣсъ, шаговъ на 200—300 въ сторону, къ одиноко стоявшей въ полѣ соснѣ. Я сталъ за сосной, чтобы имѣть возможность болѣе подробно обозрѣть мѣстность, а Копеченковъ вскорѣ ушелъ къ старшему узнать дальнѣйшій планъ дѣйствій, такъ какъ и здѣсь все было спокойно.

Спустя нѣсколько минутъ послѣ его ухода, вдали вдоугъ грохнула бомба, и вслѣдъ затѣмъ раздалось нѣсколько выстрѣловъ. А потомъ пошла катавасія: прокатился съ фланга до фланга горохъ ружейныхъ и пулеметныхъ выстрѣловъ, вспыхнули надъ линіей фронта зарницами сотни шрапнелей, посыпались дождемъ ракеты... Охъ, ужъ эти мнѣ проклятыя ракеты: прилипаешь къ землѣ какъ можно основательнѣе, даже кулаки боишься сжать въ безсильный злобѣ и въ то же время великолѣпно знаешь, что, если сюда внимательно смотрятъ, то тебя неминуемо замѣтятъ. Положимъ, и самъ стараешься въ то же время высмотрѣть что-нибудь однимъ глазкомъ, но кто же будетъ освѣшать мѣстность тогда, когда его самого могутъ замѣтить.

Долго еще продолжался шумъ и грохотъ, но уже спустя короткое время я смогъ предугадать скорый конецъ перепалки. Вся внѣшняя картина какъ будто та же: и ракеты взлетаютъ, и шрапнели рвутся, но въ выстрѣлахъ уже не чувствуется того боевого огня, той боевой искорки, которые очень трудно уловимы, но по которымъ привычное ухо всегда сможетъ отличить серьез-

ное дѣло изъ пустяковъ, возникшихъ изъ недоразумѣнія.

А тамъ прокатилась волна, и снова все спокойно. Только взлетаютъ къ небу огромными огненными точками все тѣ же неугомонныя ракеты и на мгновеніе застываютъ въ вышинѣ, какъ будто въ раздумьѣ, подняться ли имъ еще выше или спуститься внизъ. Но затѣмъ, не обнаруживъ ничего подозрительнаго, падаютъ и гаснутъ въ безсильной злобѣ... Да раздатся изрѣдка одиночный выстрѣлъ. Слышно, какъ пуля бороздитъ, уносясь въ невѣдомое пространство. А эхо выстрѣла гулко раскатывается до фланговъ, откуда навстрѣчу ему несутся такіе же одинокіе отвѣты. Это—часовые обмѣниваются между собой привѣтствіями. Это—классическое «слуша-а-ай» мирнаго времени, но только въ переводѣ на языкъ современной войны...

Пришелъ мнѣ въ голову, когда я лежалъ тамъ на землѣ и ждалъ, что вотъ—вотъ накроютъ, одинъ анекдотъ, пользующійся у насъ, какъ чрезычайно характерный и жизненный, большимъ успѣхомъ.

Надъ окопомъ летитъ снарядъ, солдатъ упалъ на землю, забился въ самый дальній уголокъ землянки или окопа, крестится истово и шепчетъ:

— Господи, Іисусе Христе, Царица Небесная, Святители Угодники, спасите и помилуйте....

Снарядъ пролетѣлъ и разорвался, не причинивъ никому вреда. Тотъ же солдатъ вскакиваетъ на ноги и ожесточенно машетъ кулакомъ по направленію взрыва:

— У, сволочь, пролетѣла!..

Ожиданіе начинаетъ становиться довольно таки скучнымъ. Къ счастью, подползаетъ, наконецъ, Копеченковъ и передаетъ приказаніе старшаго возвращаться обратно, такъ какъ наша главная задача, собственно, выполнена,—лѣсъ мы обслѣдовали, а «зарываться» дальше, при нашей малочисленности и оторванности отъ резерва, было бы неразумно, такъ какъ могло бы кончиться печально для насъ самихъ.

Мы съ нимъ присоединяемся къ развѣдчикамъ, и уже всѣ вмѣстѣ отправляемся на поиски караульныхъ, разставленныхъ во избѣжаніе обхода. Тутъ мнѣ приходится подивиться нюху старшаго, который въ самомъ обыкновенномъ пнѣ, мало замѣтномъ темной ночью, умѣетъ различить человѣка, притомъ такъ, чтобы не обнаружить самого себя, такъ какъ одинакова вѣроятность попасть на своего и на противника..

На обратномъ пути въ лѣсу натыкаемся на просѣку, въ глубинѣ которой виденъ огонь, очевидно отъ костра, а около него мелькаютъ темныя фугуры. Доносятся обрывки разговоровъ по нѣмецки, чей то смѣхъ, кашель, даже слышно, какъ кто то плюнулъ..

Наше возвращеніе въ окопахъ встрѣчаютъ съ большой радостью, такъ какъ у нихъ было основаніе опасаться, какъ бы насъ не слопали. Исторія этихъ опасеній слѣдующая: незадолго до нашей развѣдки отъ плѣнныхъ австрійцевъ узнали, что черезъ три дня у нихъ предстоитъ смѣна ихъ частей нѣмцами. Узнавъ объ этомъ, у насъ рѣшили быть осторожнѣе.

Съ другой стороны, австрійцамъ одинъ изъ нашихъ плѣнныхъ, очевидно, тоже наболталъ

для отвода глазъ, что у насъ якобы предполагается наступленіе. Узнавъ объ этомъ, австрійцы рѣшили сами, не дожидаясь насъ, начать демонстративное наступленіе. Объ этомъ нашему штабу разсказали новые, позднѣйшіе плѣнные австрійцы.

Тогда наши рѣшили, въ свою очередь, предупредить непріятеля, начать все-таки первыми и тѣмъ остановить ихъ наступленіе, хотя раньше у насъ никакихъ рѣшительно активныхъ дѣйствій не предполагалось.

Вся эта, основанная на взаимномъ недоразумѣніи, исторія и должна была разыграться какъ разъ въ ту ночь, когда мы отправились на развѣдку. И если съ одной стороны, за насъ безпокоились, такъ какъ мы могли попасть въ руки начавшагося непріятельскаго наступленія, то, съ другой, вернувшись обратно цѣлыми и невредимыми, мы могли бы сообщить весьма цѣнныя свѣдѣнія объ общемъ положеніи вещей.

Картина, дѣйствительно, получилась наглядная: какое можетъ быть наступленіе, если мы даже не встрѣтили ни одного непріятельскаго развѣдчика, которые, въ случаѣ наступленія, несомнѣнно, были бы высланы впередъ и, въ большомъ количествѣ. Наоборотъ, тѣ звуки, которые доносились до насъ изъ «ихъ» окоповъ, свидѣтельствовали, скорѣе, о веселомъ, беззаботномъ настроеніи, едва ли возможномъ и умѣстномъ передъ такимъ серьезнымъ дѣломъ, какъ наступленіе.

Въ такомъ духѣ и было послано донесеніе командиру батальона, который уже при насъ

прислалъ свою «связь» съ требованіемъ немедленно сообщить ему о результатахъ развѣдки.

А пока мы остались въ окопахъ ждать финала всей этой исторіи, т. е. открытія дѣйствій либо съ ихъ, либо съ нашей стороны. Всѣ вокругъ, и солдаты и офицеры, были немного возбуждены, но непріятель молчалъ, а на нашемъ правомъ флангѣ, гдѣ стоялъ тогда У-скій полкъ, и откуда наши должны были начать наступленіе; все было такъ же тихо и спокойно.

Это безплодное ожиданіе еще болѣе нервировало всѣхъ; свободные отъ нарядовъ собрались къ землянкѣ «ротнаго», чтобы быть поближе къ своему офицеру, какъ это всегда бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда ротѣ предстоитъ серьезное дѣло. Были здѣсь и заслуженные старые солдаты, иногда даже участники японской кампаніи, были и молодые, неоперившіеся, не познавшіе еще боевого огня; было много такихъ, на груди у которыхъ болталось два-три «Георгія». Съ ними—офицеръ, какъ отецъ съ дѣтьми, какъ насѣдка съ цыплятами...

Чтобы нѣсколько скрасить ожиданіе, всѣ предались воспоминаніямъ Вспоминаютъ «минувшіе дни и битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они». Старики разсказываютъ, поглядывая снисходительно и на насъ и на своихъ товарищей-новичковъ, а молодые слушаютъ, разиня рты.

«Стояли мы тогда подъ Иванъ-Городомъ. Сильно жаркіе бои были. Ну, одначе, одинъ день выдался спокойный. Была, это, какъ разъ между позиціями, ихними и нашими, деревушка. И вздумай въ нее нѣмцы забраться и свиней ловить. Поймаетъ, это, середь бѣла дня по осен-

ка и хворостиной его гонитъ. Ну, нашимъ, конечно, обидно стало. Какъ это, молъ, нѣмецъ середь бѣла дня у насъ же изъ подъ носу, наше же, русское добро, отнимать осмѣливается? И побѣгли въ ту деревню нашихъ ребятъ человѣкъ 10, догнали, этто, нѣмцевъ, набили имъ морды, а свиней отняли и къ намъ въ окопъ привели».

Въ публикѣ заливистый хохотъ и восклицанія, выражающія полный восторгъ. Особенно молодежь старается. «Старички» же чувствуютъ, что смѣяться по такому ерундовому поводу стыдно, а потому стараются спрятать улыбку, которая все-таки пробивается сквозь скобу густыхъ, нависшихъ усовъ.

—Ну, а какъ же нѣмцы, интересуюсь я, почему же наши ребята и ихъ не взяли въ плѣнъ?

—А потому, вашбродь, народъ глупый, новобранцы, всего-то шесть недѣль и обучались они. Нѣту у нихъ того разумѣнія, чтобы, это, значитъ, въ плѣнъ взять. Имъ невдомекъ: думаетъ, набилъ морду, ну и ладно. А чтобы въ плѣнъ взять, онъ этого не понимаетъ... Ну, конечно, теперь-то и они всѣ пріобыкли, пообтерлись въ, бояхъ; теперь его, пожалуй, отъ самаго заправскаго солдата не отличишь, добавляетъ разсказчикъ.

А съ праваго фланга все не подаютъ да не подаютъ признаковъ жизни. Очевидно, отовсюду поступили свѣдѣнія, аналогичныя нашему, и поэтому демонстрацію съ нашей стороны, какъ излишнюю, въ виду бездѣйствія непріятеля, рѣшили отмѣнить.

Становится совсѣмъ свѣтло, и тогда всѣ съ разочарованіемъ соглашаются, что ничего, оче-

видно, не будетъ. Усиленные караулы остаются на всякій случай, остальные расходятся на покой. Уходимъ и мы.

Такъ дивно хорошо въ просыпающемся лѣсу на разсвѣтѣ. Такъ легко итти, несмотря на усталость. А тамъ, дома, теплая постель и полный покой послѣ всѣхъ треволненій этого дня. Валимся и засыпаемъ, какъ убитые....

Красноярскъ, 10-15 іюня 1915 г.

По Польшѣ и Галиціи передъ послѣднимъ отступленіемъ

Сандомиръ, 15 мая 1915 г.

По дѣламъ службы мнѣ пришлось въ концѣ апрѣля совершить большое турнэ, сначала на автомобилѣ, а потомъ верхомъ,—по Польшѣ и Галиціи, въ районѣ Вислы. Къ этому времени выяснилось, что въ нашихъ мѣстахъ никакихъ дѣйствій не предполагается, и мы стали насѣдать на штабъ арміи съ просьбой перевести насъ въ другое мѣсто, хотя-бы и въ районѣ арміи. Такое разрѣшеніе было дано сначала не для всего отряда, но только для одной изъ летучекъ. Очередь была за нашей летучкой, и мы получили приказъ выступать.

Мнѣ же лично пришлось поѣхать съ уполномоченнымъ на автомобилѣ, сначала въ штабъ корпуса, а оттуда уже самостоятельно, верхомъ, по фронту корпуса, для выясненія общаго положенія дѣлъ и, сообразно съ этимъ, выбора мѣста и полковъ, гдѣ предстояла работа и гдѣ поэтому мы смогли бы наиболѣе плодотворно приложить свои силы.

По пріѣздѣ въ штабъ корпуса выяснилось что работа для насъ предвидится только на лѣвомъ флангѣ корпуса, въ X дивизіи, вътомъ,

приблизительно, мѣстѣ, гдѣ рѣки Висла и Нида образуютъ треугольникъ и гдѣ позиціи представляютъ большой интересъ и для насъ и для непріятеля, такъ какъ захватъ этого треугольника можетъ, съ одной стороны, обнажить нашъ флангъ, съ другой — окажетъ вліяніе на наши же переправы черезъ Вислу, которыя непріятель и безъ того каждыи день обстрѣливалъ.

Событія въ этомъ треугольникѣ начались еще до нашего пріѣзда. И какъ разъ при насъ получено было въ штабѣ извѣствіе, что намъ взято въ плѣнъ около 500 нижнихъ чиновъ и 10 офицеровъ съ пулеметами. Этихъ офицеровъ потомъ привели въ штабъ корпуса, и они, говорятъ, чувствовали себя, какъ дома: смѣялись, шутили и оживленно бесѣдовали за чайнымъ столомъ съ нашими офицерами, иногда даже пробалтываясь въ припадкѣ добродушія.

Картина, нарисованная и ими и нашими, оказалась слѣдующая: въ 12 ч. предыдущаго дня два ихъ баталіона начали наступленіе по фронту К-скаго полка Подпустивъ ихъ къ своимъ проволочнымъ загражденіямъ, наши открыли сильный огонь, благодаря которому непріятель остановился и залегъ. Тогда наша артиллерія создала огневую завѣсу сзади наступавшихъ частей и такимъ образомъ лишила ихъ возможности отступить. Послѣ этого, дождавшись темноты, въ обходъ непріятеля пустили нѣсколько ротъ названнаго полка. На разсвѣтѣ, зайдя въ тылъ этимъ двумъ батальонамъ, по данному сигналу наши бросились сзади на не подозрѣвавшаго такой каверзы непріятеля, и почти совсѣмъ окру-

жили его. Произошла штыковая схватка съ уже извѣстнымъ результатомъ.

Вотъ здѣсь то и можно было предполагать дальнѣшія событія. Кромѣ того, помимо медицинской помощи войскамъ, здѣсь можно и нужно было бы заняться кормежкой населенія, которое, оставшись въ своихъ деравняхъ, находившихся на самыхъ позиціяхъ, на день пряталось отъ снарядовъ въ погреба и подвалы.. Ночью жители вылѣзали изъ своихъ подземелій, и вотъ тогда-то и нужно было бы подвозить имъ кухни съ горячей пищей.

Это была одна перспектива, связанная съ треугольникомъ Висла-Нида.

Но была и другая перспектива, столь же заманчивая, такъ какъ существовалъ и другой столь же серьезный треугольникъ: Висла-Дунаецъ. Этотъ треу ольникъ и самыя позиціи на Дунайцѣ занимала до недавняго времени дружина, присланная сюда изъ подъ Перемышля, послѣ взятія его. Но послѣ того, какъ непріятелю удался прорывъ укрѣпленій Дунайца, и намъ пришлось отступить оттуда немного назадъ, на помощь дружинѣ,—войску не столь опытному, какъ регулярныя войска, и къ тому же не столь оборудованному технически,—былъ посланъ изъ той же Х-ой дивизіи М-скій полкъ. Такимъ образомъ одинъ полкъ дивизіи занималъ треугольникъ Висла-Нида, а другой Висла—Дунаецъ. Но такъ какъ послѣдній треугольникъ находился въ районѣ уже другой арміи, М-скій полкъ номинально вышелъ изъ состава дивизіи. Однако, несмотря на это, тамъ его все таки считали своимъ, а потому, когда я пріѣхалъ въ штабъ дивизіи вести пе-

реговоры, не имѣли ничего противъ того, чтобы мы временно прикомандировались къ этому полку

Даже болѣе того; туда и только туда совѣтовали ѣхать. Въ справедливости этихъ совѣтовъ я могъ убѣдиться тутъ же, на мѣстѣ, такъ какъ передъ мои-ми глазами, собственно, развертывалась вся картина боя, отголоски котораго доносились издалека: при мнѣ поступали донесенія о дѣйствіяхъ непріятеля, при мнѣ отдавались приказанія о диспозиціи войскъ, о высылкѣ подкрѣпленій, о поддержкѣ артиллеріей того или другого участка боя...

И еще одно обстоятельство говорило о серьезности момента: со мной долго не разговаривали, но, давъ руководящія указанія, предоставили затѣмъ полную свободу дѣйствій. Сразу видно было, что людямъ не до какихъ то тамъ красно-крестныхъ организацій, когда на очереди иныя, неотложныя и гораздо болѣе важныя задачи. Это меня сразу поразило контрастомъ съ обстановкой зимней кампаніи: пріѣдешь въ штабъ, пригласятъ тебя къ обѣду, подробно распросятъ, какъ, что и почему, поговоримъ и не спѣша разрѣшимъ дѣло. Здѣсъ не то...

Но этотъ фактъ только обрадовалъ меня, указавъ, что я таки попалъ туда, куда хотѣлъ попасть, нашелъ то, чего искалъ. Отпадала сама собой необходимость ѣздить по всему фронту дивизіи: руководящія нити—нервы событій—найдены. Самое большее, что можно и должно сдѣлать—это распутать ихъ до конца, побывать на самомъ мѣстѣ событій, лично удостовѣриться и подготовить все къ пріѣзду летучки, что-

бы она, по прибытіи на мѣсто, могла сразу и безъ помѣхъ приняться за дѣло.

Такъ я и сдѣлалъ и мигомъ помчался въ штабъ М-скаго полка.

*
* *

Еще подъѣзжая къ Вислѣ, услышалъ сильный орудійный грохотъ и увидѣлъ неподвижно висящую въ небѣ «колбасу» — воздушный шаръ, по формѣ напоминающій колбасу. Къ нижнему концу «колбасы» прикрѣплена гондола, въ которую помѣщается наблюдатель. По всѣмъ вѣроятіямъ имѣется и телефонъ для сообщенія съ землей. Все это хитроумное изобрѣтеніе непріятель выпускаетъ на канатѣ въ тылу своихъ позицій. Оно виситъ цѣлыми днями на одномъ мѣстѣ, очень высоко, почти недосягаемо для снарядовъ и служитъ наблюдательнымъ пунктомъ.

А вотъ и Висла. И вербы, галиційскія вербы на той сторонѣ...

Переправляюсь на паромѣ, и вскорѣ я—на позиціяхъ, въ штабѣ М-скаго полка, который расположился въ маленькой халупѣ. И тамъ сразу бьетъ въ глаза та-же атмосфера серьезнаго дѣла, что и въ штабѣ дивизіи....

Около халупы нѣсколько казаковъ держатъ поводья засѣдланныхъ лошадей, чтобы сразу, получивъ предписаніе, вскочить и помчаться...

А въ самой халупѣ прежде всего бросаются въ глаза безжизненныя тѣла до безумія уставшихъ людей, раскиданныя въ безпорядкѣ на земляномъ полу, кое-гдѣ прикрытомъ соломой...

На желѣзной печкѣ сонный денщикъ кипятитъ въ солдатскомъ котелкѣ чай для полковника. А полковникъ сидитъ въ углу у грязнаго,

маленькаго столика. Передъ нимъ карта—двухверстка и клочекъ бумаги, на которомъ онъ что то чертитъ.

Говорятъ мало, но въ атмосферѣ чувствуется огромная напряженность Только изрѣдка полковникъ обратится съ вопросомъ къ кому-нибудъ изъ лежащихъ. Тотъ приподнимется на локтѣ и отвѣтитъ.

И снова молчаніе...

— Что? Обходятъ? Засыпаютъ снарядами? Людей?

— Г. полковникъ, капитанъ Поповъ проситъ, передаетъ полковнику телефонную трубку адъютантъ.

— Помощи? Помочь не могу. У меня и такъ совсѣмъ людей не осталось. А относительно артиллеріи распоряжусь.

— Петръ Ивановичъ! Передайте въ №-ую батарею просьбу поддержать огнемъ лѣвый флангъ 2-го батальона, въ районѣ деревни Завержбе.

— Слушаю-съ.

И снова молчатъ.

И снова жалуется и стонетъ телефонъ.

— Позвольте представиться: братъ милосердія перваго сибирскаго передового отряда, такой-то. Прибылъ по дѣлу...

— Очень пріятно. Прошу садиться.

Но не успѣваю я сѣсть, какъ самъ полковникъ встаетъ и незамѣтно отводитъ меня еще дальше въ уголъ, гдѣ никого нѣтъ. У него видъ безнадежно больного человѣка. И это не результатъ безсонныхъ ночей и изнурительной работы. Нѣтъ, онъ крѣпкій, мускулистый человѣкъ и, видно, не то еще можетъ выдержать. Но что

то страшное и тяжелое проскальзываетъ въ звукѣ голоса, выраженіи глазъ, складкѣ рта...

Онъ прерываетъ меня, какъ человѣкъ, у котораго уже давно на душѣ тяжелая дума, да только некому было ее высказать, не съ кѣмъ было подѣлиться. Но ужъ если такой человѣкъ нашелся—ему будетъ высказано все, сразу, безъ остановки, пока хоть немного не спадетъ съ души страшная тяжесть.

— Очень пріятно! Милости просимъ, еще разъ громкимъ голосомъ повторяетъ онъ.

— А у меня, голубчикъ, несчастье, страшное несчастье: погибло шесть ротъ и съ ними 10 офицеровъ. И все это . . . . дружинники, которые сдались въ плѣнъ и обнажили мой лѣвый флангъ давъ возможность обойти меня. Вы видѣли эту старую подошву, этого . . . . . , который жаловался мнѣ сейчасъ, что онъ не выспался прошлую ночь, когда былъ бой? Я только что выгналъ его отъ себя. Боже! Боже! Кѣмъ я замѣню ихъ?...

Полковникъ схватилъ меня за пуговицу, дѣлаетъ видъ, что оживленно разговариваетъ, но громкій голосъ его съ самаго начала этого неожиданнаго для меня признанія, этой исповѣди одинокой и изболѣвшейся души, его голосъ сразу превратился въ шепотъ, поистинѣ трагическій шепотъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ лицо у него какое-то каменное, съ немѣняющимся выраженіемъ. И это выраженіе—гримаса безнадежной скорби, какъ будто навѣки застывшая на лицѣ. Только тогда, когда голосъ его, такой же неизмѣнно ровный и наружно спокойный, идущій все время на басовыхъ нотахъ, сорвется на болѣе

высокія, почти истерическія, онъ испуганно останавливается и оглядывается назадъ, на своихъ офицеровъ, къ которымъ обернулся спиной. Взглядъ загорается, но мигомъ потухаетъ...

О, эти мимолетные взгляды затравленнаго звѣря, цѣликомъ ушедшаго въ себя, одновременно и боящагося показать свою слабость, и ожидающаго, что его вотъ-вотъ настигнутъ...

И я начинаю понимать все: этотъ человѣкъ одинокъ не только вмѣстѣ со своимъ полкомъ, не только, какъ боевая единица, которую сознательно приносятъ въ жертву во имя высшихъ стратегическихъ задачъ,—онъ въ такую тяжелую минуту вообще одинокъ, потому что дисциплина прежде всего, особенно, въ такой серьезный моментъ, потому что нельзя не то, что подѣлиться своимъ горемъ,—нельзя ни малѣйшимъ движеніемъ открыть своимъ подчиненнымъ то, что творится тамъ, въ глубинѣ души, чтобы въ ихъ настроеніи это не отозвалось стократъ большей растерянностью и паденіемъ духа...

— Еслибъ вы знали, какіе это были офицеры, какіе это были солдаты! Вѣдь они еще раньше поклялись мнѣ умереть, но не сдаваться въ плѣнъ! И они умерли... А у меня теперь въ запасѣ никого не осталось. Вѣдь, я держу при знамени, вы подумайте, при *знамени*, . . . *человѣкъ вмѣсто* . . .

Полковникъ не сантименталенъ: ему не жаль «. . . . . -дружинниковъ», хотя бы ихъ погибло въ нѣсколько разъ больше. Но онъ умѣетъ цѣнить людей дѣла, и если такіе люди погибли, кто-бы ни былъ въ этомъ виноватъ, пусть

совсѣмъ не онъ,—его все равно будутъ грызть муки совѣсти.

Видно, многое нужно было пережить и перестрадать въ одиночествѣ, видно, велика потребность хотя бы разсказомъ снять съ души частицу тяжести, если этотъ суровый на видъ и сильный волею человѣкъ такъ обрадовался возможности подѣлиться своимъ горемъ съ совсѣмъ незнакомымъ ему человѣкомъ, къ тому же, годящимся ему въ сыновья, если онъ готовъ разрыдаться передо мной, какъ ребенокъ.

И если такое горе выльется, наконецъ, въ рыданія, то это будутъ ужасныя рыданія: безъ звука, безъ слезъ... Безъ просвѣта...

Что можно сказать въ утѣшеніе? Что можно сдѣлать, чтобы хоть немного успокоить этого большого ребенка? Вѣдь, я и теперь, когда пишу эти строки, чувствую полное безсиліе, хотя бы передать правдиво страшную трагедію человѣка, заброшеннаго со своимъ полкомъ въ чужую, чуждую и враждебную страну и одинокаго не только среди чужихъ, но, что всего ужаснѣе, и среди своихъ. Такъ что же можно сказать ему, самому переживающему эту трагедію, сказать не пошлое, не банальное? Слова утѣшенія не нужны ему, не для нихъ онъ дѣлился со мной. Да и дѣлился то, собственно, не со мной, а только лишь съ объектомъ, которому смогъ повѣдать свою тайну, какъ могъ бы повѣдать ее любой пустой комнатѣ...

Такъ хотѣлось бы, не для него, а для самого себя, просто, безъ словъ, погладить его по волосамъ. Но мы не одни...

—Да, такъ вы, значитъ, хотите помогать намъ? Что же, очень пріятно, давайте обсудимъ, гдѣ вамъ лучше устроиться, снова переходитъ онъ на громкій голосъ и придвигаетъ стулъ.

Мы выбираемъ по картѣ мѣсто для летучки. Это-та же деревня, гдѣ стоитъ и штабъ. Послѣ этого мнѣ остается только выбрать и оставить за собой халупы.

Чтобы детально обслѣдовать вопросъ, захожу еще въ окопы, бесѣдую тамъ съ батальоннымъ и знакомлюсь съ общимъ расположеніемъ деревень, на случай, если отъ летучки нужно будетъ отдѣлить передовые перевязочные пункты по близости отъ окоповъ.

Затѣмъ выѣзжаю обратно въ г. Бускъ, гдѣ меня должна, по своемъ прибытіи, ожидать летучка. Къ своему изумленію, застаю ихъ уже тамъ, хотя ожидалъ только дня черезъ два. Оказывается, и мой скорый пріѣздъ для нихъ явился неожиданнымъ,—они предполагали, что я буду ѣздить по всему фронту корпуса и пріѣду только черезъ три дня. Поэтому встрѣчаютъ овaціями.

Обозъ въ полномъ походномъ порядкѣ. Дѣлаемъ спѣшныя закупки и черезъ полчаса трогаемся. Лошади успѣли подкрѣпиться, и мы рѣшаемъ ѣхать безъ отдыха. Какъ разъ на разсвѣтѣ подъѣзжаемъ къ парому на Вислѣ. И не темно, и обстрѣлъ еще не начался. Въ нѣсколько пріемовъ переправляемъ весь обозъ черезъ Вислу, въ Галицію, сами, какъ рѣчные люди, руководя переправой.

А оттуда уже недалеко—верстъ 10. Настроеніе у всѣхъ бодрое и приподнятое: кончилась зимняя спячка. Мы ѣдемъ на работу, на настоящую работу. Да и пора: еще не много прежней жизни, и мы, кажется не выдержали бы...

*
* *

Мнѣ пришлось еще разъ поѣхать изъ Польши въ Галицію. Это было тогда, когда нашъ полкъ, блестяще выполнивъ данную ему задачу во что бы то ни стало задержать непріятеля за Вислой до опредѣленнаго момента, получилъ приказъ отступать. Мы вмѣстѣ съ нимъ перешли понтонный мостъ черезъ Вислу, который былъ сразу же за нами разобранъ (другіе мосты сожгли еще до этого). Послѣ этого полкъ, какъ понесшій большія потери, на отдыхъ и на пополненіе ушелъ въ резервъ. Мы же, проработавъ съ нимъ всего нѣсколько дней, остались снова не у дѣлъ.

Остановились въ прелестномъ фольваркѣ у милой и гостепріимной помѣщицы-польки и впервые за много дней выспались, къ тому же не въ сараѣ на соломѣ, а въ огромномъ залѣ, гдѣ можно было разставить свои походныя кровати. А затѣмъ публика стала вести мирную дачную жизнь: гуляли, ловили рыбу въ пруду добытымъ откуда то бреднемъ и вообще кейфовали. Одному мнѣ не пришлось вполнѣ насладиться всей этой идилліей, такъ какъ я на другой же день получилъ предложеніе снова поѣхать на поиски работы.

На нашей сторонѣ Вислы все было спокойно: здѣсь непріятеля рѣшили, очевидно, задер-

жать еще на нѣкоторое время. На другомъ же берегу, галиційскомъ, по слухамъ шли бои. Вотъ туда-то и не мѣшало бы пробраться!

Мнѣ дали верховую лошадь, и я выѣхалъ утромъ, въ самый разгаръ рыбалки, когда со стороны пруда неслись отчаянные крики: «держи», «тащи» и «не пущай». Кто то изъ товарищей выбѣжалъ оттуда и на прощаніе махнулъ, но не платкомъ, а свѣже пойманнымъ, не то окунемъ, не то карасемъ, блеснувшимъ на солнцѣ своей мокрой чешуей.

Поѣхалъ я вдоль самой Вислы, въ надеждѣ найти поблизости мостъ, одинъ изъ тѣхъ мостовъ, которые были построены еще въ началѣ войны, когда была завоевана Галиція. Ѣхалъ дамбами, тянущимися непрерывной цѣпью вдоль рѣки; ѣхалъ зарослями лозника, по берегу, гдѣ, совершенно невидимыя, залегли наши сторожевыя цѣпи; ѣхалъ, наконецъ, деревнями. Все—въ надеждѣ какъ-нибудь отыскать мостъ, а если не мостъ, то хоть лодку или бродъ черезъ Вислу. Но, по мѣрѣ приближенія къ каждому изъ существовавшихъ ранѣе мостовъ, слышалъ все болѣе авторитетныя заявленія, что мостъ взорванъ и, наконецъ, убѣждался въ этомъ, видя зарево пожара взорваннаго за нѣсколько часовъ до этого моста. Лодокъ не было такъ же,какъ и бродовъ, за половодьемъ. Было страшно досадно ѣхать по берегу маленькой жалкой рѣчушки, которую лѣтомъ свободно переѣдешь въ бродъ, ясно видѣть бродящихъ по другому берегу ея людей, какъ и я, безуспѣшно пытающихся перебраться на другой берегъ и... ѣхать въ противоположную сторону.

Однако, вотъ, наконецъ, и мостъ. Весь бѣлый, сверкающій на солнцѣ своимъ свѣжимъ деревомъ, онъ сразу вынырнулъ изъ-за какого-то особенно хитраго поворота рѣки. Гулко стучатъ копыта коня по деревянному настилу. Не вѣрится даже, что Висла, наконецъ, подо мной. А вотъ и первый мягкій, еле слышный шагъ по галиційской землѣ. Усиленно стараюсь не упустить этого торжественнаго для меня момента, который переживаю вторично. Однако, какъ и тогда, въ первый разъ, не могу выдавить изъ себя ничего необыкновеннаго, несмотря на самый тщательный анализъ переживаній: Галиція, какъ Галиція. Та же Польша, только еще болѣе вылизанная и подчищенная. И тотъ же ландшафтный, какой-то миніатюрно-мозаичный характеръ мѣстности, столь рѣжущій глаза намъ, сибирякамъ, привыкшимъ, чтобы все было немного однообразно, но непремѣнно въ большихъ масштабахъ,

Тамъ же вся природа—«будто нарочно», какъ говорятъ дѣти. Общій видъ и Польши и Галиціи очень напоминаетъ тѣ картины всѣхъ временъ года, которыя висятъ въ младшихъ классахъ гимназій и куда крылатая фантазія художника, для изученія французскаго и нѣмецкаго языковъ, напихала всяческихъ предметовъ великое множество.

А у насъ въ Сибири, что есть? Горы, тайга, вода, изрѣдка степь. И снова горы, тайга, вода, и снова степь, и т. д., до безконечности, какъ въ сказкѣ о поповой собакѣ. Но ужъ никогда все это вмѣстѣ, а непремѣнно что-нибудь одно. Можетъ, и есть что-нибудь другое, но мы

въ каждомъ данномъ случаѣ, за громадностью основного мотива, ничего остального не замѣчаемъ. И пріучаемся мы видѣть въ этомъ не однообразіе, а вѣчную, недосягаемую красоту.

Точно гоголевскіе «люди со здоровымъ желудкомъ, любящіе и умѣющіе поѣсть». Имъ не нужно разныхъ тамъ фрикасе, а подай имъ одного только «поросенка съ хрѣномъ и со сметаной». Но ужъ зато такой это будетъ поросенокъ, и такъ они его съѣдятъ, что каждому вчуже завидно станетъ.

А природа Польши—это винегретъ самыхъ разнообразныхъ вкусовъ и запаховъ. Тутъ и каперцы, и спаржа, и разные соусы и подливы, и вообще все то, что можетъ удовлетворить вкусъ самаго изысканнаго человѣка. Все это, конечно, въ маленькихъ дозахъ, чтобы «только попробовать» и—восхититься. Все, на первый взглядъ, замѣчательно красивое, утонченное «изысканно-эстетное».

Взберитесь на одинъ изъ маленькихъ холмиковъ, горохомъ разсыпанныхъ повсюду (это не составитъ большого труда)—и вы увидите передъ собой картину: разбѣгающіяся во всѣ стороны, вплоть до горизонта, разноцвѣтныя узенькія полоски полей и луговъ—и желтыя, и зеленыя, и черныя; вкрапленныя въ нихъ, точно бѣлые мазки на полотнѣ, халупы деревень; бѣгущія нитями во всѣ стороны великолѣпныя дороги—и шоссейныя и польскія; по краямъ дорогъ вербы, которыя и въ Польшѣ, и въ Галиціи обрѣзаютъ сажени на двѣ надъ землей и которыя отъ мѣста обрѣза разбѣгаются множествомъ тоненькихъ стройныхъ вѣточекъ, обра-

зующихъ пышную крону, ежегодно подравниваемую: если почки еще не распустились, то эти высокіе, черные и голые пни стоятъ вдоль дороги, точно часовые; холмы и холмики, изукрашенные лѣсами и перелѣсками; маленькія озерка и, чаще, пруды въ «фольваркахъ»-имѣніяхъ помѣщиковъ-пановъ; наконецъ, узенькія ленточки рѣкъ, напр., Вислы, которую, эту великую красавицу—гордость всего Западнаго Края, лѣтомъ можно въ бродъ перейти.

А весною, когда листва еще не распустилась, а снѣгъ стаялъ совсѣмъ недавно и, благодаря этому, по полямъ разбросаны тамъ и сямъ лужи-озерка причудливой формы,—какъ чудесно тонки на общемъ фонѣ природы кружевные, точно точеные силуэты деревьевъ, отражающіеся въ этихъ озеркахъ и длинными, прямыми стрѣлками бросающіе въ нихъ свою тѣнь! Особенно, если это на грани дня и вечера, когда озерка принимаютъ какую то блестящую стальную окраску и кажутся яркими бликами на листѣ бумаги.

Природа Польши и Галиціи, вся—греза, вся—миніатюра, вся выткана изъ солнечныхъ лучей и кружевной паутины.

Красиво... И сколько, навѣрное, наслажденія доставляетъ эта природа человѣку, родившемуся въ Польшѣ и сроднившемуся съ ней!

Красиво, кто споритъ, но... не для насъ.

Не смотря на стремленіе какъ можно скорѣй вернуться, мнѣ пришлось два раза ночевать въ деревняхъ, такъ какъ лошадка моя окончательно отказывалась итти. Помимо этого, я и днемъ, въ пути, частенько заѣзжалъ къ крестьянамъ

перехватить стаканъ молока и клочекъ сѣна. Сравнительное знаніе польскаго языка помогло мнѣ объясняться и съ русскими и съ галиціискими поляками и даже вести съ ними разговоры на политическія темы.

Вотъ что говорятъ галичане о настоящемъ: русскіе армейскіе солдаты, такъ же, какъ и австрійскіе—поляки, русины, румыны, и другихъ народностей—не притѣсняли ихъ; мадьяры-же, какъ и ..... позволяютъ себѣ безчинства и грабежъ.

Что же касается будущаго, то на мой вопросъ, желаютъ-ли они русскаго подданства, мнѣ почти всегда отвѣчали утвердительно. Когда же я старался добраться до причинъ, благодаря которымъ русскіе могли-бы быть имъ желательны, то, въ концѣ концовъ, оказывалось слѣдущее: русскіе выгонятъ евреевъ, которые являются въ Галиціи представителями крупнаго землевладѣнія.

—У насъ всѣ фольварки—жидовскіе, поясняютъ свои планы на будущее галичане и съ злорадствомъ разсказываютъ избитую по своей повседневности исторію, какъ какой-нибудь проѣзжій казакъ круто обошелся съ богатымъ «жидомъ».

Впрочемъ, только часть галичанъ, а именно самые бѣдные крестьяне, разсуждаютъ такъ...

Не то говорятъ и крестьяне и помѣщики въ Польшѣ: тамъ боятся не только владычества нѣмцевъ вообще, но, и особенно, даже временнаго ихъ пребыванія, такъ какъ оно знаменуется реквизиціей всѣхъ припасовъ и угономъ скота—и лошадей и коровъ.

— Если бы не польскія лошади, не выбраться бы въ прошлый разъ изъ Польши нѣмцамъ со всѣмъ ихъ громаднымъ скарбомъ, говорятъ жители въ подтвержденіе своихъ жалобъ.

Поэтому меня усиленно интервьюировали всѣ тѣ, съ кѣмъ мнѣ приходилось сталкиваться по пути и туда и обратно. Особенно—обратно, такъ какъ тогда уже было извѣстно, что мосты далеко по теченію сожжены, ходили тревожные слухи о большихъ передвиженіяхъ войскъ въ тылъ и вообще всѣ смутно о чемъ то догадывались. Понятно, что появленіе офицера (мы, примѣнительно къ военной обстановкѣ, носимъ «звѣздочку» съ кокардой краснаго креста), офицера, который ѣдетъ въ сторону, какъ разъ противоположную движенію войскъ, и радовало и ставило въ тупикъ населеніе.

Я же самъ зналъ меньше всѣхъ, такъ какъ отступленіе началось уже послѣ моего отъѣзда, а всѣ тѣ военные, съ которыми мнѣ приходилось говорить во время поѣздки, тоже ничего, какъ это и всегда бываетъ, не знали до послѣдняго момента. Наоборотъ, ходили слухи, и весьма упорные, о приказѣ свыше задержаться на тѣхъ позиціяхъ, гдѣ приказъ застанетъ отходящія войска, каковы бы ни были эти позиціи. Впослѣдствіи-то выяснилось, конечно, что это была только временная задержка, но тогда этого никто, даже штабъ дивизіи, не могъ знать и не зналъ, какъ всегда ничего не знаетъ объ общемъ планѣ кампаніи.

Единственное, и вполнѣ основательное, подозрѣніе могло внушать только сожженіе мостовъ по Вислѣ. Но и на этотъ счетъ ходили тоже

весьма упорные слухи, что это сдѣлано отнюдь не по приказу высшихъ властей, а какими-то злоумышленниками, которые воспользовались временной неурядицей, вызванной небольшимъ частичнымъ нашимъ отступленіемъ и большимъ перемѣщеніемъ войскъ...

Еще спустя сутки у меня сразу раскрылись глаза, и я понялъ все, но тогда-то я ничего не подозрѣвалъ, а потому, какъ могъ, и притомъ вполнѣ искренно, успокаивалъ населеніе, почти ручаясь, что «германъ не пшиде». Мнѣ вѣрили и смотрѣли благодарными глазами, какъ будто я былъ виновникомъ того, что нѣмецъ не попадетъ къ нимъ.

Но помню, какъ въ послѣднюю ночевку, когда я былъ уже недалеко отъ летучки, меня разбудилъ тревожный шепотъ и сдержанныя восклицанія въ халупѣ, гдѣ я спалъ. Я притворился спящимъ и былъ свидѣтелемъ слѣдующей сценки: разговаривали мужъ съ женой.

—О бида, бида (бѣда), только и слышалось въ разговорѣ.

Это «бида» раздается теперь во всѣхъ уголкахъ многострадальной Польши и включаетъ въ себѣ массу понятій: и то, что снарядами изъ «арматъ» убило и поранило дѣтей на деревнѣ, и то, что только-что тѣ же снаряды сожгли халупу, и то, что нечѣмъ кормить дѣтишекъ, такъ какъ увели послѣднюю корову, и еще многое, многое другое..

Такъ что, когда сойдутся гдѣ нибудь два«пана» изъ деревень, находящихся на передовыхъ позиціяхъ, то это слово такъ и носится въ воздухѣ. И, вмѣсто «динь добрый» говорятъ:

—Цо, пане, якъ тамъ у васъ, бида?

На что собесѣдникъ немедленно и съ полной охотой подтверждаетъ:

— О, пане коханый, бида, така бида! Послѣ чего уже начинаются поясненія, въ чемъ именно на сей разъ заключается «бида».

Въ чемъ же дѣло?. Причемъ сейчасъ это универсальное «бида».

Оказывается, хозяйка вышла ночью къ коровамъ и случайно обратила вниманіе на движущіяся по шоссейной дорогѣ войска. Прибѣжала къ мужу съ этимъ тревожнымъ сообщеніемъ и разбудила его.

—О, цо го бендзе, цо то бендзе, безнадежно повторяетъ тотъ. Шепчутся осторожно, стараясь не разбудить «пана доктора», и только иногда горе прорывается въ черезчуръ рѣзкомъ возгласѣ. Тогда смолкаютъ и испуганно прислушиваются, не проснулся ли.

А когда я прощаюсь утромъ, уѣзжая, то вижу, что они уже не вѣрятъ моимъ вчерашнимъ успокоеніямъ и въ глубинѣ души затаили глубокую увѣренность, что «нѣмецъ» все таки придетъ и что волна боя прокатится и захлестнетъ и ихъ...

Ночью...

(Изъ эпизодовъ послѣдняго отступленія изъ Галиціи).

Мы недавно, только сегодня пріѣхали сюда. Сюда—это Галиція. И моментъ, въ который мы попали—это наше отступленіе съ позицій около Дунайца, откуда насъ сбили изъ-за недостатка патроновъ и неимѣнія снарядовъ въ моментъ непріятельской атаки.

Теперь мы отступаемъ медленно, упорно, отдавая землю шагъ за шагомъ, пядь за пядью. Бой идетъ не по всему фронту, а участками. Сегодня здѣсь, завтра тамъ... Около насъ, въ М-скомъ полку, дѣло уже было, непріятель задержанъ и больше не предпринимаетъ особенно активныхъ дѣйствій. Только «щупаетъ» въ тылу снарядами. Мѣтитъ, очевидно, въ штабъ, а, слѣдовательно, и въ насъ, такъ какъ мы стоимъ около штаба.

Наша деревня, какъ огромный удавъ, какъ изрѣзанный заливами и косами морской берегъ, прихотливо-извилисто раскинулась верстъ на семь, цѣпляясь своими многочисленными концами за концы другихъ такихъ же деревень, какъ и вездѣ въ Галиціи. И всѣ ея извилины и заливчики заполнены роскошными фруктовыми садами. Полное впечатлѣніе лѣса зимой, до того густо, точно огромными хлопьями мягкаго, пушистаго снѣга, покрыты бѣлымъ цвѣтомъ яблони и вишни.

Вотъ въ эти то сады и садики и залетаютъ снаряды.

Нужно пойти разбудить нашу публику: устали, бѣдняги, послѣ всѣхъ передрягъ и разлеглись на тѣхъ мѣстахъ, кто куда забрелъ, на версту въ окружности. Должно быть, даже и не слышатъ свиста снарядовъ и не смогутъ опредѣлить дѣйствительной опасности. Какъ бы кого не прикончило спящимъ....И опомниться не успѣетъ...

Но вотъ и на лѣвомъ флангѣ заговорили пушки. Дальше-больше...Дѣло начинаетъ, повидимому, принимать серьезный оборотъ, и мы посылаемъ въ штабъ справиться, гдѣ идетъ бой. Оказывается, дѣйствительно тамъ, налѣво,— гдѣ стоитъ дружина. У нея медицинская помощь поставлена отвратительно, и ѣхать нужно немедленно. Деревня намъ указана, и три фурманки тотчасъ выѣзжаютъ. Помимо конюховъ, ѣдетъ насъ двое. Уже подзній вечеръ, почти ночь, мѣсто совсѣмъ незнакомое и безъ проводника намъ не обойтись, потому что довѣряться указаніямъ встрѣчныхъ жителей я, лично, не рѣшился бы: еще заведутъ, пожалуй, куда не слѣдуетъ....

Проводникъ, къ счастью, отыскался,—мальчикъ, какъ говоритъ онъ самъ,—великолѣпно знающій мѣстность. Беремъ револьверы и ѣдемъ.

Я сажаю мальчишку къ себѣ на фурманку, съ тѣмъ, чтобы не отпускать отъ себя ни на шагъ, и предупреждаю довольно толстыми намеками, что будетъ худо, если укажетъ намъ невѣрную дорогу...

По дорогѣ обгоняемъ роту, идущую на подмогу туда-же, куда и мы ѣдемъ. Около позицій начинаютъ попадаться деревни, гдѣ залегли наши

резервы. Натыкаемся на двухъ полковыхъ врачей. Просятъ отвезти въ тылъ ихъ раненыхъ, уже перевязанныхъ. Мы, однако, не соблазняемся такой перспективой: туда, туда, гдѣ идетъ бой... Эти уже въ безопасности, ихъ увезутъ все равно,—весь вопросъ лишь во времени.

Долго приходится блуждать въ поискахъ штаба дружины, гдѣ намъ дадутъ руководящія указанія. Эта задача еще болѣе усложняется чрезвычайной запутанностью галиційскихъ деревень, такъ какъ трудно опредѣлить, гдѣ конецъ одной и начало другой «веси». Приходится тянуться на рѣдкіе огоньки, такіе обманчиво близкіе и такіе далекіе, когда попробуешь ѣхать на нихъ. Пріѣдешь,—оказывается, совсѣмъ не то ...

Долго мы ѣздили, и не знаю, къ чему привела бы, наконецъ, вся эта безцѣльная ѣзда, если бы не натолкнулись случайно на что-то вродѣ забора.

— Эй, кто тамъ претъ?

— А тутъ что такое?

— Батарея!

Дышлами мы уперлись въ жерла пушекъ. Тамъ только-что приготовились стрѣлять. Хорошо, что пріѣхали на нѣсколько секундъ раньше и, натолкнувшись, предупредили о своемъ существованіи...

Объѣзжаемъ батарею, и съ другой стороны насыпи, возведенной за пушками, видимъ узкую, тѣсную, но глубокую яму, на днѣ которой тускло свѣтитъ фонарь. Въ ямѣ сидятъ, чуть не на корточкахъ, три офицера. Одинъ привалился бокомъ къ стѣнѣ и храпитъ. Въ числѣ трехъ и командиръ батареи. Пока разыскиваютъ сол-

дата, который могъ бы провести насъ въ штабъ, разговорились. Оказывается, тутъ не вся батарея, а только три пушки, артиллеристы—ополченцы, батарея,—дружины. Снарядовъ, конечно, очень мало, что вполнѣ понятно, если помимо всего прочаго, принять во вниманіе и то обстоятельство, что это—именно «дружинная» батарея; настроеніе у нихъ отвратительное: жалуются на скитанія въ теченіе нѣсколькихъ дней подрядъ, безъ сна и пищи....

— У меня мигрень, у меня ноги отнялись, почти стонетъ полковникъ, уже сильно подряхлѣвшій на видъ мужчина.

Его помощникъ, хотя и моложе его, тоже не можетъ похвастаться боевымъ настроеніемъ.

Я начинаю понимать, съ кѣмъ столкнулся это настоящая, неподдѣльная дружина, исторгнутая изъ глубокихъ нѣдръ Курской, Саратовской и другихъ губерній. Это, вѣдь, незабываемые гоголевскіе типы,—Маниловы, Собакевичи, Плюшкины..., напялившіе на свое брюхатое тѣло, вмѣсто халатовъ, столь непривычную имъ походную форму. Они и на войнѣ все тѣ же: неторопливые въ движеніяхъ, домовитые, обстоятельные помѣщики. Забавно, напр., послушать рапортъ полковника-командира дружины, генералу-командиру бригады, его начальнику:

— Та я жъ, ваше превосходительство, заразъ, якъ пріихавъ, такъ и сказавъ своимъ хлопцамъ: ну, хлопцы, копайте окопы и устраивайте блиндажи. Такъ у меня жъ усе къ вечеру було готово,—таки люби окопы получились.

— Вотъ спасибо, вотъ удружили, Иванъ Яковлевичъ! А я ужъ на васъ прямо, какъ на камен-

ную гору...Я ужъ всѣмъ такъ и говорю: я за Ивана Яковлевича не безпокоюсь, мнѣ къ нему даже и ѣхать осматривать не нужно, онъ лучше меня все устроитъ.

— Что вы, что вы, ваше превосходительство! Слишкомъ много чести:..

При этихъ словахъ грузное тѣло полковника старается изобразить попытку приподняться со стула и молодцевато щелкнуть шпорами. Это не удается, впрочемъ, тѣло успокаивается и снова безмятежно тонетъ въ глубинѣ стариннаго кресла.

— Не хотите ли кваску? У насъ экономъ, Григорій Петровичъ, такой чудный квасокъ приготовилъ, прямо, точно домашній. Хэ-хэ-хэ. Эй, кто тамъ, подайте полковнику квасу!

Въ такомъ духѣ продолжается разговоръ. Пріѣзжаютъ съ донесеніями офицеры, уѣзжаютъ, на ихъ мѣсто пріѣзжаютъ другіе, говорятъ о разныхъ дѣлахъ и планахъ, но за всѣмъ этимъ слышится такое классическое, «домашнее»:

«А и чудная же у меня редисочка уродилась. Крѣпкая, да ядреная, да ароматная. Со свѣженькимъ бы маслицемъ ее»...

Начинаешь какъ то не замѣчать страшныхъ «военныхъ» словъ: диспозиція, обходъ, правый флангъ... Кажется, что полковникъ сейчасъ перестанетъ притворяться и говорить не свои, страшныя слова, броситъ играть столь опротивѣвшую ему, очевидно, и столь неидущую роль и вотъ-вотъ выявитъ во весь ростъ что то неуловимое, но бьющее въ глаза:... Отпуститъ нѣсколько остротъ собственнаго приготовленія, наклонится къ своему собесѣднику и самымъ конфиденціальнымъ тономъ заговоритъ о наивыгод-

нѣйшемъ времени для посѣва редиски и о приготовленіи соленыхъ огурцовъ...

Этотъ далекій эпизодъ изъ поѣздки по штабамъ бригадъ мгновенно промелькнулъ передъ глазами, когда я вглядывался въ нашего собесѣдника. А тотъ, между тѣмъ, подозвалъ къ себѣ своего денщика:

— Антонъ, а, Антонъ? Вотъ, что голубчикъ: отыщи ты мнѣ завтра гдѣ нибудь на деревнѣ кварту—другую молока. Ты, вѣдь, знаешь, что я ничѣмъ другимъ, кромѣ молока, не питаюсь.

И добавляетъ, обращаясь къ намъ:

— У меня страшный катарръ желудка. Кромѣ молока ничего не ѣмъ...

Наконецъ, приводятъ таки, послѣ долгихъ поисковъ, солдата, который, по нѣкоторымъ слухамъ, знаетъ дорогу въ штабъ ихъ дружины. Поѣхали. И осталась позади, промелькнувъ яркой чочкой, вся эта живописная картинка. Картинка, резвычайно характерная для той дружины, по адресу которой съ такой ѣдкой и горькой ироней говорятъ и высшіе и низшіе чины регулярныхъ частей:

— И кто ее только выдумалъ, эту дружину? Чтобъ тому неладно на томъ свѣтѣ было.

И имѣютъ полное основаніе такъ говорить, потому что не разъ бывали въ пиковомъ положеніи изъ-за этой самой неорганизованной и недисциплинированной дружины.

Солдатъ, какъ и подобаетъ дружиннику, вскорѣ же потерялъ дорогу, и насъ спасло только то, что я случайно запнулся за идущій по землѣ проводъ: батарея-штабъ. Взялъ его въ руку и

пошелъ по нему. Но только, что собрался лѣзть повыше на дерево, куда убѣгала телефонная нить, какъ раздался оглушительный взрывъ. По глазамъ и ушамъ будто основательнымъ бичемъ хлестнули. Изъ глазъ буквально начинаютъ сыпаться искры, на нѣсколько секундъ глохну и, какъ результатъ всего этого, едва не лечу кубаремъ на землю...

Это стрѣляютъ наши новые знакомые. И съ каждымъ новымъ выстрѣломъ на десятую, сотую долю секунды освѣщается вся небольшая полянка, на которой стоитъ батарея, освѣщается какимъ-то феерическимъ свѣтомъ. На мгновеніе выскочатъ изъ мрака ночи застывшія въ самыхъ разнообразныхъ и неожиданныхъ позахъ фигуры людей, точно раздерется непроницаемая завѣса. И снова тьма кромѣшная безслѣдно поглотитъ ихъ... И тогда кажется, что мы опять одни, что мелькнувшее только что видѣніе—миражъ, результатъ разстроеннаго воображенія...

Снова ѣдемъ на привѣтливо мелькающій неподалеку огонекъ,—теперь уже съ успѣхомъ. Знакомимся съ полковникомъ и его адъютантомъ.

Первый—широкоплечій, могутный, вылитый портретъ воеводы прежнихъ временъ, напримѣръ, Пожарскаго. Второй походитъ скорѣе на подъячаго той же эпохи: маленькій, юрконькій, съ корявымъ, сморщеннымъ на манеръ печенаго яблока, лицомъ; въ глазахъ сразу проскальзываютъ, если и не умъ, то хитрость и ехидство.

— Г. Полковникъ, тутъ пришла на подмогу полурота. Просятъ пропуска, чтобы идти на мѣсто назначенія. Прикажете выдать?

— Нѣтъ у насъ пропусковъ. Пусть безъ пропусковъ идутъ.

?!?!...

— Да развѣ вы не знаете, что у насъ, вмѣстѣ съ офицерами, взятыми въ плѣнъ позавчера, попали къ австрійцамъ и пропуски на цѣлый мѣсяцъ впередъ, розданные намъ заблаговременно?

— Такъ что же дѣлать теперь? Вѣдь ихъ застава не пропуститъ...

— Пропуститъ! У насъ теперь всѣ безъ пропусковъ ходятъ...

Мы вмѣшиваемся въ разговоръ, прося поскорѣй направить насъ, такъ какъ и безъ того много времени потеряли даромъ. Намъ указываютъ передовой фельдшерскій пунктъ въ полуверстѣ отъ боя. Туда сносятъ раненыхъ ротные санитары.

Мальчишку-проводника, къ которому теперь начинаемъ уже питать довѣріе, оставляемъ на время въ помѣщеніи штаба. Полковникъ ложится отдохнуть и кладетъ нашего Стасика рядомъ съ собой на полъ, на солому.

Конюховъ съ фурманками мы тоже оставляемъ, чтобы не подвергать и людей и лошадей лишнему риску, такъ какъ неизвѣстно, есть ли именно въ этотъ моментъ раненые. Условливаемся, что пошлемъ за ними. Сами идемъ со «связью».

Въ пунктѣ часть раненыхъ уже отправили на патронныхъ двуколкахъ, идущихъ обратно. Много легко раненыхъ, которые и сами доплетутся, идя за нашими фурманками; тяжело раненыхъ не хватаетъ на всѣ фурманки. Рѣшаемъ подождать. Пока же начинаемъ подвязывать уже

имѣвшихся раненыхъ и перевязывать вновь приносимыхъ.

Въ такъ называемой «перевязочной» толкутся въ нерѣшимости два ротныхъ санитара, не зная, возвращаться ли имъ въ роту сейчасъ же, или переждать самый разгаръ боя. Я рѣшаю пойти съ ними; мой коллега остается принимать раненыхъ на пунктѣ. Въ окопахъ, говорятъ санитары, есть раненые, которыхъ почему-то не могутъ вынести. «Хотя, добавляютъ они, намъ едва ли удастся пройти въ окопы»:

— Дюже стрѣляютъ.

Зная по опыту, какъ мало обращаютъ вниманія на раненыхъ во время боя и основываясь на заявленіи санитаровъ, что въ окопахъ остались такіе, находящіеся въ совершенно безпомощномъ состояніи, люди, я беру на себя смѣлость настаивать, чтобы они хотя бы проводили меня до ихъ участка. Рѣшаемъ во всякомъ случаѣ попробовать...

Первые полверсты идемъ деревней. Дальше остается еще полторы версты «бывшей» деревней. Она была «настоящей» всего день—два тому назадъ, но теперь она уже только «бывшая», такъ какъ начисто сожжена снарядами.

Въ воздухѣ носится запахъ гари; въ нѣкоторыхъ свѣтлыхъ мѣстахъ видны полосы дыма, а когда мы, для сокращенія пути, идемъ напрямикъ по пожарищу, ноги начинаетъ сильно припекать сквозь толстую подошву. Пожара уже нѣтъ, такъ какъ больше нечему горѣть... Уцѣлѣли только печныя трубы, да и тѣ полуразрушенныя, въ большинствѣ случаевъ. Но угольки остались, и отъ нихъ то тамъ, то сямъ поды-

маются узенькіе, тоненькіе, какъ жало змѣи, языки пламени. И, кажется, будто эта огромная, черная пустыня, разстилающаяся вокругъ, сплошь усѣяна свѣтлячками...

А иногда тлѣющая искра вдругъ разгорится въ настоящій пожаръ: языкъ пламени, подобно ракетѣ, неожиданно бурно взовьется вверхъ, на цѣлыхъ полъ аршина надъ землей, недоумѣнно потопчется, покачается взадъ-впередъ на одномъ мѣстѣ, потомъ, точно задумавъ что-то важное, похотливо, украдкой, сжавшись въ маленькій комочекъ, побѣжитъ по черной, прогорѣвшей почти до тла балкѣ, медленно, со сладострастной истомой, во весь ростъ потянется на другомъ концѣ ея и, окончательно не найдя дѣла и тамъ, мгновенно скроется, утечетъ въ землю, точно никогда и не появлялся. Настоящій болотный огонекъ!

Да развѣ и все это,—не кладбище, напоминающее своими причудливыми болотными огоньками о сотняхъ жившихъ здѣсь такъ недавно людей?...

* *
*

Я никогда раньше не могъ представить себѣ, чтобы на небольшомъ, сравнительно, боевомъ участкѣ могло летѣть одновременно такое огромное количество пуль и снарядовъ. Особенно пуль, потому что дождь снарядовъ пришелся на день, а теперь они уже сдѣлали свое главное дѣло. Кромѣ того, уже не съ точки зрѣнія количества орудій истребленія, а съ точки зрѣнія ихъ моральнаго воздѣйствія, снарядъ не такъ страшенъ: его слышно издалека, его прилетъ не является

неожиданнымъ, а поэтому отъ него можно уберечься, въ большинствѣ случаевъ, или, по крайней мѣрѣ, кажется, что можно уберечься; а это «кажется» иногда тоже очень важно. Таковы, я сказалъ бы «индивидуальныя» качества снаряда, благодаря которымъ къ нему постепенно привыкаешь.

Индивидуальныя же качества пули: явиться тогда, когда вы ея совсѣмъ не ожидаете, проникнуть туда, въ такую, иногда, щелку, которую вы невооруженнымъ глазомъ даже и не разсмотрите и, наконецъ, если вы вооружены панцыремъ Чемерзина или иными средствами предохраненія, вродѣ массивнаго креста, кошелька съ толстыми монетами и пр.,— ударить въ единственную незащищенную часть вашего тѣла. Однимъ словомъ, представьте себѣ совмѣщеніе осы съ принципомъ невидимости и неосязаемости тѣлъ и вы получите полное и подробное представленіе о дѣйствіи пули, которую никогда не видишь, а слышать, если и слышишь, то черезчуръ поздно...

Но пули въ *этотъ* разъ, это было нѣчто экстраординарное, нѣчто ужасающее по своему количеству. И если вблизи еще «було чуты», какъ они, «вжикъ»—молніеносно чиркаютъ у головы и поютъ заунывныя піу-у-у на излетѣ у ногъ, то издали доносился только ревъ ихъ. Не тотъ ужасающій ревъ, въ которомъ рѣзко выдѣляются отдѣльныя ноты: нѣтъ, общее ихъ пѣніе сливалось въ одну заунывную, однообразно-протяжную, до гнусавости протяжную ноту, съ мѣняющейся только сообразно количеству составныхъ нотъ, модуляціей. Монотонное пѣніе, напоминаю-

щее прибой волнъ на морѣ и общій шелестъ камешковъ на морскомъ берегу во время бури...

Впрочемъ, простите за невѣрное сравненіе, лишь въ очень малой степени выражающее то, что я хотѣлъ бы передать: этотъ совершенно своеобразный звукъ напоминалъ совсѣмъ не ревъ, а вой, подлинный вой. И этотъ вой соотвѣтствовалъ вовсе не прибою волнъ и не шелесту камешковъ, а завыванію вѣтра въ печной трубѣ...

Представьте себѣ высокій, двухэтажный домъ, стоящій на высокомъ, открытомъ мѣстѣ на берегу большой рѣки, напр., Енисея. Дуетъ «низовикъ». Холодно. Вы одни въ темной, пустой комнатѣ. А вѣтеръ гуляетъ по всему большому, пустынному зданію, безцеремонно заглядывая во всѣ щели, бросая въ окно сердитыя на то, что ихъ будятъ, вѣтки деревьевъ, по пути стуча всѣми ставнями и, какъ мертвецъ костями, брякая болтами: не сразу, а постепенно, методически, переходя отъ одной ставни и одного болта къ другимъ, слѣдующимъ... И при этомъ гудитъ, монотонно гудитъ въ трубѣ. И съ каждымъ новымъ налетомъ вихря гудитъ все громче, все назойливѣе... Все новыя ноты слышатся въ немъ, въ этомъ гудѣніи, все внятнѣе чудится въ немъ человѣческій голосъ: и слезы, и жалобы, и тоска, безысходная, замогильная тоска...

Богъ же съ нимъ, съ этимъ человѣческимъ голосомъ. Лучше его никогда не слышать, а тѣмъ паче, никогда не понимать.

Но если вы слышали, если вы въ свое время понимали и переживали все это, тогда вы безъ особаго напряженія поймете, что значитъ стоять на пепелищѣ-кладбищѣ заброшенной, покинутой

деревни, чувствовать себя темной ночью совершенно, и физически и, особенно, нравственно, одинокимъ, лишеннымъ всякой поддержки, и именно въ такой моментъ, когда эти, и духовная поддержка и тотъ же пресловутый «локоть» такъ нужны, и на ряду съ этимъ слышать приближающееся издали модулирующее, монотонное завываніе, въ своей монотонности таящее грозу...

Мнѣ много разъ, и до этого и впослѣдствіи, приходилось бывать въ довольно опасныхъ положеніяхъ, но только тутъ я, въ сущности, позналъ, что такое страхъ, смѣлость и какія состоянія предшествуютъ тому и другому. Теперь мнѣ стали понятны слова офицеровъ, ходившихъ въ атаку: смѣлости, храбрости нѣтъ. Есть, правда, мальчишество, безразсудство, но оно испаряется въ первые же мѣсяцы войны или послѣ перваго серьезнаго дѣла. Въ общемъ же человѣкъ, самый, какъ принято выражаться, «храбрый», всегда боится. Все дѣло только въ силѣ воли. Умѣніе взять себя въ руки, заставить себя не растеряться и дѣлать свое дѣло при какихъ угодно обстоятельствахъ—и есть смѣлость, настоящая смѣлость.

А уже послѣ этого, послѣ того, какъ грань перейдена и участвующій въ бою, въ сущности, отрѣшается отъ своей жизни во имя дѣла, наступаетъ что то вродѣ отупѣнія. Тогда ходишь, какъ въ чаду, въ угарѣ, и не обращаешь вниманія на все, творящееся вокругъ. Импульсъ данъ,—руки, ноги и туловище продолжаютъ дѣлать свое дѣло, и мысль работаетъ въ данномъ ей ранѣе направленіи необыкновенно отчетливо, какъ правильно зеведенный часовой механизмъ; но сознаніе во всемъ его объемѣ, напр., созна-

ніе себя, какъ живого человѣка, чувство жизни, являющееся комплексомъ всѣхъ отдѣльныхъ ощущеній,—первоначальныхъ элементовъ сознанія,—уже отсутствуетъ.

Или, резюмируя сказанное: храбрость есть сила воли: во 1-хъ, перешагнуть, не растерявшись, грань, отдѣляющую опасное отъ неопаснаго, страшное отъ нестрашнаго, и во 2-хъ,—послѣ этого впасть въ тупикъ, въ особаго рода прострацію, при наличіи которой только и возможна настоящая боевая работа.

Всѣ эти этапы самосознанія мнѣ пришлось пережить необыкновенно отчетливо и выпукло, до того отчетливо и выпукло, что моментами только сознаніе долга и стыдъ вернуться обратно останавливали меня отъ постыднаго бѣгства. Эта борьба еще усугублялась тѣмъ, что обратный путь былъ широко открытъ: на мнѣ не лежало никакихъ обязательствъ официальнаго характера. И во время ожесточенныхъ вспышекъ этой борьбы я почему то особенно боялся быть раненымъ въ животъ и въ голову. Въ животъ потому, что на такихъ раненыхъ, вообще, достаточно уже насмотрѣлся и знаешь, чѣмъ они въ огромномъ большинствѣ случаевъ кончаютъ. Въ голову же потому, что только что вышелъ изъ халупы, гдѣ на моихъ глазахъ изъ угла въ уголъ ползали безумные люди, съ повязками на головѣ, насквозь пропитанными кровью и мозгомъ...

А за этими моментами слабости и малодушія слѣдовали моменты самоуничиженія, когда самъ себѣ казался жалкимъ, подленькимъ, гаденькимъ существомъ, умѣющимъ лишь говорить красивыя слова о «положеніи жизни за други

своя» и отступающимъ передъ первой же серьезной опасностью.

Такая душевная борьба чрезвычайно утомляла, и я со своими спутниками ложился передохнуть и набраться новыхъ силъ каждые 100-200 шаговъ. Выберемъ, если найдется, маленькую, еле замѣтную, канавку, идущую вдоль дороги, и заляжемъ, стараясь спрятать прежде всего голову. И только — что ляжешь, какъ проказница-пуля пролетитъ надъ самой головой и дастъ рикошетъ о дорогу, шагахъ въ двухъ отъ тебя. Или собьетъ шапку у лежащаго рядомъ съ тобой... Знаешь, что стоило немного иначе положить голову и — капутъ...

Но, чѣмъ хуже, тѣмъ лучше: все это дѣлало свое дѣло, и я таки добился послѣдняго состоянія — прострації. И когда, уже недалеко отъ окоповъ, непріятель, очевидно, снова началъ интенсивно наступать и открылъ чудовищный, ураганный огонь: и ружейный, и пулеметный, и артиллерійскій всевозможныхъ калибровъ, пройти сквозь который было невозможно, и мы снова залегли,— мнѣ было уже все равно. Даже казалось, что лежишь не на землѣ, сырой и холодной, а на мягкой, теплой перинѣ.

Въ этомъ мѣстѣ нашъ участокъ выдавался клиномъ, и огонь былъ перекрестный. И потому, что онъ былъ перекрестный, прикрытія не было никакого, хотя мы и лежали за какимъ-то, случайно уцѣлѣвшимъ отъ пожара, сараемъ: пули летѣли параллельно всѣмъ четыремъ стѣнамъ этого сарая. Только въ одномъ мѣстѣ можно было стать у стѣны такимъ образомъ, что пули пролетали около груди, не задѣвая ея. Но

мы не воспользовались этимъ проблематическимъ счастьемъ, легли прямо на землю и отдали себя во власть Божію. Пули отчаянно визжали, ударяясь о болты, о гвозди, вбитыя въ стѣны, о валяющіеся на землѣ камни, пули дѣлали чудовищные рикошеты, перескакивая черезъ голову, осыпали насъ дождемъ срѣзанныхъ ими съ деревьевъ вѣтокъ и листьевъ, снаряды рвались со всѣхъ сторонъ... Но было, повторяю, уже все равно...

А послѣ этого немного стихло. Правда, количество замѣнили качествомъ, и разрывныя пули посыпались особенно, непропорціонально часто, но къ этому мы, какъ и ко всѣмъ «снарядамъ» вообще, уже привыкли Ибо разрывная пуля,— это, вѣдь, тотъ же снарядъ, только миніатюрный.

Полное безразличіе было и въ окопахъ, гдѣ солдаты прятались отъ массами залетавшихъ въ бойницы «случайныхъ» пуль.

И особенно—на обратномъ пути, когда мы съ солдатами, уже другими, понесли найденнаго мною въ какомъ-то глухомъ мѣстѣ траншеи, дѣйствительно, забытаго, даже не перевязаннаго раненаго, стонавшаго и жаловшагося на то, что его забыли. На обратномъ пути чувство жизни уже начинало возвращаться, но сознаніе исполненнаго долга и присутствіе самого объекта этого долга заставляли забывать объ опасности и юмористически относиться къ «гостьямъ». Тѣмъ болѣе, что ложиться уже нельзя было: нужно было идти прямо, стройно, въ ногу,—неся носилки....

Всѣ страхи, всѣ сомнѣнія темной ночи, уже явно смѣнявшейся днемъ, остались позади и, послѣ такого рѣшительнаго испытанія, Богъ дастъ, никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ не возвратятся... Да здравствуетъ же день!

Красноярскъ 15 іюня 1915 г.

Здѣсь и тамъ.

(Къ вопросу о томъ, что такое ужасъ войны).

Пріѣхавъ въ отпускъ въ Сибирь, я сразу пораженъ былъ контрастомъ въ настроеніи «здѣсь» и «тамъ»—въ Польшѣ и Галиціи, контрастомъ тѣмъ большимъ, что это «здѣсь» есть Сибирь, гдѣ, какъ принято считать, война почти не чувствуется. Контрастъ этотъ проявляется во всевозможныхъ областяхъ, но особенно меня поразила одна его сторона, а именно отношеніе общества къ самому факту войны, къ факту насилій, убійствъ и страданій. Поскольку «тамъ» вся сложная проблемма войны до чрезвычайности упрощается самими ея участниками, и убивающими, и умирающими просто, безъ затѣй,—«здѣсь» этотъ вопросъ трактуютъ съ чрезвычайнымъ романтизмомъ. И если теоретически «варваровъ-нѣмцевъ» не ругаютъ за удушливые газы и выпускаемые сотнями тысячъ снаряды, то все же каждая лишняя пуля, каждый лишній снарядъ заставляютъ всплескивать руками и ужасаться. Не говоря уже, конечно, о томъ впечатлѣніи, которое производятъ разсказы о смерти и страданіяхъ на войнѣ: въ ужасныхъ условіяхъ, въ полномъ одиночествѣ, безъ участія и теплаго слова. Принципъ «масса», противопоставляемый принципу «индивидуумъ», понимается, какъ огрубѣніе нравовъ на войнѣ и какъ неумѣніе под-

ходить по человѣчески къ чужимъ страданіямъ, особенно, если о «массѣ» начинаемъ говорить мы, представители красно-крестныхъ организацій. Не дай Богъ, сказать, что предпочитаешь оказать дѣйствительную помощь физически страдающимъ людямъ, чѣмъ скрасить, напр., послѣднія минуты умирающаго, если, за недостаткомъ времени, приходится дѣлать выборъ между тѣмъ и другимъ. А спокойный тонъ, которымъ говоришь о вещахъ, въ мирное время и въ мирной обстановкѣ невозможныхъ, принимается, какъ страшное притупленіе чувствительности, граничащее вообще съ огромнымъ душевнымъ огрубѣніемъ. Послѣ чего возникаетъ уже вопросъ общаго характера: если война такъ отразилась на самой гуманной изъ всѣхъ военныхъ организацій (именно военной, потому что я говорю о красно-крестникахъ, работающихъ въ самомъ бою, на передовыхъ позиціяхъ), то какимъ же нравственнымъ паденіемъ, какимъ огрубѣніемъ нравовъ грозитъ эта война всей арміи вообще, а, слѣдовательно, послѣ войны, и Россіи!

Сначала, послѣ полугода пребыванія на войнѣ, мнѣ казалось смѣшнымъ и непонятнымъ такое сантиментальное отношеніе къ большому, серьезному дѣлу, въ которомъ приходится считаться лишь съ цѣлымъ, съ «массой», а не съ отдѣльными индивидуумами, составными частями цѣлаго. Теперь, поживъ «здѣсь» немного, я начинаю, если не проникаться этимъ настроеніемъ то хоть понимать его. Но все же мнѣ и теперь гораздо ближе и понятнѣе переживанія самого участника войны—солдата. Нѣсколько эпизодовъ изъ этой области, сохранившихся, несмотря на

все «огрубѣніе», въ моей памяти. я и хочу разсказать.

Однажды, въ періодъ напряженнаго боя, въ двухъ большихъ стодолахъ и двухъ маленькихъ халупахъ,—единственномъ помѣщеніи, которое намъ удалось разыскать въ деревнѣ, скопилось, не смотря на безпрерывную—и днемъ и ночью, эвакуацію, свыше 200 человѣкъ тяжело раненыхъ. Помимо неудобствъ помѣщенія, и уходъ за ними былъ самый примитивный, такъ какъ всѣ мы едва-едва справлялись съ текущей работой. Поэтому стоило зайти въ одну изъ «палатъ», какъ со всѣхъ сторонъ раздавались просьбы о водѣ, о чаѣ, о томъ, чтобы перевернуть на другой бокъ. Постепенно и съ трудомъ, но всѣ, въ концѣ концовъ, бывали удовлетворены. И лишь на одной категоріи раненыхъ отзывался тяжело такой порядокъ вещей,—на раненыхъ въ животъ, которыхъ мы рѣшили не эвакуировать и которымъ нельзя было давать ни пить, ни ѣсть. Только къ утру, когда работа немного стихла, мнѣ, какъ дежурному по палатѣ, удалось обойти всѣхъ, произвести осмотръ и установить количество и фамиліи этихъ раненыхъ, у большинства изъ которыхъ уже начался перитонитъ. Каждому я прочиталъ краткую лекцію о необходимости покоя и полнаго воздержанія отъ пищи и питья и съ каждаго взялъ слово о безусловномъ послушаніи; каждаго предупреждалъ о неизбѣжности смерти, въ случаѣ неисполненія предписаній, и—переходилъ къ слѣдующему. Поминутно приходилось отлучаться въ перевязочную, строго слѣдить за ними было невозможно. И вотъ, послѣ одной изъ такихъ отлучекъ, ви-

жу, какъ здоровый «землякъ» поитъ водой, да еще сырой, изъ гнилого колодца, одного изъ самыхъ безнадежныхъ перитонитиковъ. Церемониться некогда. Вытолкалъ того со двора (многіе раненые, за неимѣніемъ мѣста даже въ сараѣ, лежали во дворѣ на соломѣ, благо погода была хорошая), а больному снова разъяснилъ всю безнадежность его положенія, если онъ будетъ и впредь такъ вести себя. Снова ухожу и, возвратившись, не нахожу Афенку на старомъ мѣстѣ: онъ, оказывается, на колѣняхъ переползъ на другой конецъ двора и снова пьетъ воду. Это ползаніе и питье воды продолжалось нѣсколько разъ. Я пробовалъ дѣйствовать и лаской, и уговоромъ, и приказаніемъ—ничто не помогало. Наконецъ, видя, что все это не дѣйствуетъ и что онъ снова тянется къ чайнику съ водой, рѣшилъ прибѣгнуть къ послѣднему средству: закричалъ на него и обругалъ, нехорошо обругалъ... ..

— Маршъ на мѣсто!.

Онъ виновато и испуганно посмотрѣлъ на меня и поспѣшно отползъ въ свой уголокъ въ сараѣ. Точно прибитая собаченка, сознающая свою вину. А когда я пришелъ черезъ 5-10 минутъ, то, къ своему изумленію, засталъ его на томъ же мѣстѣ и въ томъ же положеніи...

Онъ умеръ, этотъ бѣдный, непослушный Афенка, этотъ своенравный ребенокъ. И его непослушаніе—это былъ инстинктивный, не сознаваемый имъ самимъ ужасъ смерти, отъ которой онъ думалъ убѣжать, переползая съ мѣста на мѣсто: то, чего я не разглядѣлъ въ спѣшкѣ работы.

Но не только величайшія страданія,—величайшія радости, напр., возвращеніе къ жизни, происходятъ зачастую съ глазу на глазъ съ самимъ собой и своими одинокими думами, да съ темной ночью. Изъ всѣхъ нашихъ перитонитиковъ выжило 3-4 человѣка. И одинъ особенно остался у меня въ памяти: молодой ополченецъ, скромный, незамѣтный даже въ болѣзни. Онъ неуклонно выполнялъ всѣ мои совѣты, и въ теченіе 4-5 дней мы не слышали отъ него ни одной просьбы о водѣ. Единственное, что дѣлалось,—смачиваніе мокрой ложкой губъ и нѣсколько ложечекъ воды въ день.

Зато на шестыя сутки, зайдя въ «палату», я сразу обратилъ вниманіе на сознательный, живой взглядъ и легкій румянецъ на щекахъ. Подсѣлъ и сталъ распрашивать. Оказывается, онъ за ночь пережилъ кризисъ, «думалъ, что совсѣмъ ужъ умираю», и... выжилъ, неожиданно для самого себя. И опять таки, и умиралъ и воскресалъ изъ мертвыхъ, одинъ, такъ какъ снова всѣ мы были по горло заняты, я лично—на позиціяхъ.

Я похвалилъ его за послушаніе и указалъ на валявшіеся тутъ же, еще не убранные примѣры того, къ чему привели просьбы о водѣ и постоянное движеніе. Такъ пріятно было видѣть человѣка, буквально вырваннаго изъ цѣпкихъ лапъ смерти, и не безъ твоего, хотя и косвеннаго, содѣйствія. И такъ пріятно было говорить съ нимъ. Я уже говорилъ, что во время большого боя, длящагося нѣсколько дней подрядъ, не приходится, какъ слѣдуетъ, ухаживать за ранеными, а стараешься какъ можно скорѣе сплавить

его въ болѣе спокойную и культурную обстановку. Это и въ его интересахъ и въ нашихъ, такъ какъ намъ нужно, возможно скорѣе, освободить мѣсто для другихъ, да и время цѣликомъ бываетъ занято другими обязанностями нужно привезти раненаго съ позиціи, перевязать, накормить, напоить, зарегистрировать, всяческими правдами и неправдами разыскать достаточное количество фурманокъ для эвакуаціи и, наконецъ, эвакуировать. Все это отнимаетъ массу времени

Изъ всѣхъ этихъ функцій самая, пожалуй, важная и нужная вывозъ раненаго съ самыхъ позицій, изъ линіи огня. Особенно важная, если результатъ боя неизвѣстенъ, и возможно отступленіе, а слѣдовательно и оставленіе раненыхъ непріятелю. Если же отступленіе уже началось и идетъ постепенно въ теченіе дня, причемъ, отступая, оставляютъ своихъ раненыхъ, нельзя терять ни минуты. Мнѣ говорили очевидцы-солдаты какъ мадьяры въ ярости атаки на ихъ глазахъ прикалывали оставленныхъ нами раненыхъ. Не думаю особенно обвинять въ этомъ непріятеля, такъ какъ вообще въ атакѣ до безумія, до потери сознанія звѣрѣетъ и та и другая сторона. Но фактъ все-же остается фактомъ —люди гибнутъ.

Помимо этого, даже и не при отступленіи, но въ самый разгаръ боя, тоже погибаетъ много раненыхъ: отползетъ онъ себѣ куда-нибудь въ сторону, недалеко, а тутъ его и прикончитъ снарядомъ. Нести же его версту-полторы зачастую не хватаетъ силъ у солдатъ-санитаровъ, силъ ни нравственныхъ ни физическихъ. Вотъ

тутъ-то мы, люди со сравнительно болѣе крѣпкими нервами, беремъ на себя санитарскую роль. Оставляемъ дома своихъ вольнонаемныхъ конюховъ и солдатъ-санитаровъ, беремъ каждый возжи въ руки и партіями въ 1-2-3 фурманки ѣдемъ въ разныя мѣста боевой цѣпи. Не говорю—окоповъ, потому что въ жаркомъ бою, особенно, если счастье перемѣнчиво, и стороны все время то наступаютъ то отступаютъ, нѣтъ въ сущности окоповъ, а наброса ы самое большее, кучки земли за которыя сражающіеся стараются спрятать голову. Конечно, появленіе цѣлой фурманки вызываетъ обстрѣлъ и артиллерійскій и ружейный, если только бой не достигъ еще своего апогея, когда непріятель все равно не можетъ стрѣлять больше чѣмъ стрѣляетъ. Въ большинствѣ случаевъ, однако, фурманку удается припрятать за какой-нибудь бугорокъ или близь лежашую халупу, если бой идетъ около деревни.

Зато, помимо того, что вывозишь раненыхъ изъ боя, иногда удается вынести нѣсколько человѣкъ изъ нейтральной зоны, т. е. уже оставленныхъ нашими, или вытащить ихъ изъ горящей халупы, куда ихъ снесли еще въ началѣ боя и гдѣ они такъ и остались лежать, забытые, послѣ того, какъ непріятель зажегъ деревню снарядами. Каждый взваливаетъ себѣ на спину раненаго, какъ мѣшокъ съ овсомъ, бѣгомъ переноситъ и бросаетъ въ фурманку со словомъ: «держись!».

А затѣмъ, когда всѣ подобраны, заворачиваемъ оглобли, мчимся въ галопъ по вспаханному полю черезъ межи, ямы, кочки. Снаряды ле-

тятъ надъ головой и рвутся со всѣхъ сторонъ, по дорогѣ, и спереди и сзади, пули поютъ свои заунывныя пѣсни; а «землячки» кряхтятъ и шепчутъ:

— Голубчики, какъ бы скорѣе, какъ бы подальше.

Въ тылъ ѣхать уже не страшно. Въ душѣ ширится и растетъ какое-то безумно-восторженное настроеніе. Хочется обернуться назадъ, къ тѣмъ, кто посылаетъ намъ всѣ эти снаряды, по-мальчишески высунуть языкъ, погрозить кнутовищемъ, и крикнуть во все горло:

— Ага, что, взялъ? Выкусилъ?

И все это въ то время, когда у насъ тамъ умираютъ одинъ за другимъ раненые въ животъ и въ голову, умираютъ безъ поддержки и утѣшенія. Не правда-ли, безсердечно? И мы ѣдемъ въ летучку со своими ранеными въ твердой увѣренности, что насъ ждетъ суровый выговоръ отъ непосредственнаго начальства. Но отнюдь не за то, за что на насъ могутъ быть въ претензіи «здѣсь». Нѣтъ, тамъ говорятъ, что лошадь на войнѣ—это все; что отъ нея зависитъ вся наша работа, а между тѣмъ у насъ изъ шести лошадей одна убита, и три ранены. Мы не имѣемъ права, говорятъ, ставить на карту всю работу изъ за спасенія нѣсколькихъ человѣкъ. Какъ видите, нѣсколько иная точка зрѣнія.

Однако, и на это у насъ есть возраженія: въ настоящемъ и ближайшемъ будущемъ убыль одной-двухъ лошадей не отразится на работѣ, а впослѣдствіи Сибирское Общество уплатитъ намъ для пополненія лошадиной убыли нѣсколь-

ко сотъ рублей. за нѣсколько десятковъ спасенныхъ человѣческихъ жизней...

Зато, когда работы нѣтъ, все вниманіе сосредоточивается на немногихъ раненыхъ. Однажды днемъ, въ періодъ затишья, къ намъ принесли австрійца съ огромной, зіяющей раной бедра. Онъ былъ раненъ на дневной развѣдкѣ. Крови вытекло масса, не смотря на то, что его подобрали, очевидно, очень скоро и сразу принесли въ нашъ передовой пунктъ, находящійся почти въ окопахъ, гдѣ ему перетянули ногу жгутомъ. Онъ, видимо, умиралъ. Не смотря на это, во время перевязки дѣлали все возможное для спасенія его жизни. Около него было занято буквально человѣкъ 12. Мнѣ поручили шприцъ, и я безъ остановки впрыскивалъ кофеинъ и камфору.

Страдалъ онъ ужасно и все время то кричалъ, то стоналъ, такъ, какъ стонутъ всѣ австрійцы: «й-о-о, й-о-о»... Однако, несмотря на страданія, чувствовался идейный врагъ, врагъ не на страхъ, а на совѣсть: рыжіе волосы на лицѣ, угрюмый, изподлобья взглядъ, мрачное, скуластое лицо. Однимъ словомъ, видъ свирѣпый.

Представьте себѣ поэтому мое изумленіе при слѣдующемъ: я вожусь надъ его грудью, собираясь сдѣлать впрыскиваніе; вдругъ онъ, улучивъ моментъ, когда на насъ никто не смотритъ, быстро поворачиваетъ ко мнѣ голову и цѣлуетъ руку. И потомъ снова откидываетъ голову въ другую сторону, все не глядя на меня.

Это была, несомнѣнно, слабость съ его стороны. Быть можетъ, первая въ жизни, тѣмъ, паче, первая на войнѣ. Да еще по отношенію

къ заклятому врагу. Видно, онъ былъ страшно пораженъ, несмотря на то, что уже умиралъ,— такое отношеніе было для него черезчуръ нежиданнычъ. Поэтому-то только и не сдержался въ проявленіи своей благодарности. Невольный порывъ, за который ему сразу стало стыдно и себя и другихъ.

Простимъ же ему эту первую его слабость, такъ какъ она была и послѣдней въ его жизни: спустя нѣсколько минутъ онъ тутъ же, на перевязочномъ столѣ, умеръ.

Нѣтъ, мы все-таки огрубѣли: вечеромъ, тоже въ періодъ затишья, привели къ намъ сравнительно легко раненаго въ ногу «прапора». Мы его перевязали, накормили, угостили сладостями, присланными кое-кому изъ дому, а сестра уступила ему свою кровать, единственную разставленную тогда изъ всѣхъ нашихъ кроватей. Въ комнатушкѣ-чуланѣ, ея «будуарѣ», собралось нѣсколько человѣкъ. Мы разговаривали, смѣялись, шутили между собой, стараясь и его втянуть въ разговоръ. Было пріятно сознаніе покоя и маленькой передышки послѣ недѣли непрерывной работы, и было невольное радостное чувство за него, который отдѣлался такъ дешево и сможетъ теперь отдохнуть на родинѣ. И вдругъ, обращаясь къ нему съ какимъ-то веселымъ вопросомъ, я случайно перехватилъ его взглядъ съ недоумѣннымъ, странно вопрошающимъ выраженіемъ и понялъ его.

Онъ, этотъ мальчикъ съ голубыми глазами и лицомъ, сохранившимъ румянецъ, несмотря на всѣ невзгоды походной жизни, онъ, съ такой любовью и легкой дрожью въ голосѣ гово-

ривший о своей матери, оставленной имъ гдѣ то въ далекой глуши Кіевской губерніи, онъ, являвшійся для самого себя со своей раной «центромъ міра», какъ былъ когда-то центромъ міра для его матери,—онъ никакъ не могъ понять, что мы смотримъ на него не просто, какъ на страдающаго человѣка, а какъ на одного изъ массы страдающихъ людей, что его рана и его страданіе вызываютъ въ насъ представленіе о другихъ ранахъ и другихъ страданіяхъ, несравненно тягчайшихъ. И это противопоставленіе массы индивидууму, противопоставленіе, котораго онъ не могъ понять и съ которымъ по отношенію къ себѣ не могъ, очевидно, согласиться, приводило въ недоумѣніе и даже обижало его. А для насъ это былъ такой пустякъ: рана въ мягкія части голени, все равно, что «пальчикъ» (рана въ палецъ), къ которому здѣсь относятся несерьезно, съ усмѣшкой и недовѣріемъ.

Да, мы научились не всегда такъ же переживать страданія ближняго, какъ переживали бы ихъ раньше. Но даже и тогда, кога все-таки переживаешь ихъ, когда на душѣ скребутъ кошки, мы не имѣемъ права поддаться минутной слабости, поскольку это можетъ вредить работѣ.

Когда позади есть уже нѣсколько безсонныхъ ночей подрядъ, а въ перевязочной все такъ же много лежитъ и на полу, и на носилкахъ, и на столѣ тяжело раненыхъ, точно ихъ никогда отсюда не выносили, и въ глазахъ начинаютъ рябить ужасныя раны отъ разрывныхъ пуль, отъ осколковъ снарядовъ (тѣло представ-

ляетъ собой тогда на большой площади кашу изъ мускуловъ, осколковъ кости и кровеносныхъ сосудовъ),—бываютъ моменты, когда хочется потерять самообладаніе и закатить истерику: закричать дикимъ, безумнымъ голосомъ и биться головой объ стѣнку:

«Да что же это такое? Да зачѣмъ же все это?».

Но нѣтъ, работа, вѣдь, не терпитъ. Сдерживаешься, берешь себя въ руки и... проходишь мимо умирающихъ людей, не обращая на нихъ вниманія, а стараясь помочь другимъ...

Красноярскъ, 10 іюня 1915 г.

Арьергардные бои*).

Люблинъ. Номеръ въ гостинницѣ. Два часа ночи. Темно.

Стучатъ... беззастѣнчиво, назойливо и громко...

— Что, что такое? Въ чемъ дѣло?

— Вставайте, Ваше благородіе!

— Зачѣмъ? Что случилось?

— Комендантъ города велѣлъ передать всѣмъ г. г. офицерамъ, чтобы они немедленно покидали городъ!..

— Почему?..

— Городъ уже оставляется русскими войсками!..

Сонъ, какъ рукой сняло. Вотъ такъ фунтъ! Правда, разговоры объ оставленіи Люблина тянутся вотъ уже недѣлю, и многіе говорили что мы такъ, сравнительно съ другими стоянками, долго задержались на позиціяхъ передъ Люблиномъ лишь потому, что онъ еще не былъ эвакуированъ вполнѣ; правда, не далѣе, какъ вчера днемъ я случайно встрѣтилъ въ кафе уполномоченнаго нашего отряда, и онъ сообщилъ мнѣ по секрету, что эвакуація почти уже закончена и на желѣзнодорожной станціи ничего не осталось, подлежащаго эвакуаціи... Все это правда,

*) Настоящій очеркъ остался не законченнымъ; печатаемъ его въ томъ видѣ, какъ онъ найденъ въ бумагахъ автора. *Ред.*

но... Какъ же это все-таки такъ сразу, неожиданно?..

Пользуясь стоянкой, всего въ верстахъ 12 передъ Люблиномъ, я вотъ уже 4—5 дней подрядъ ѣздилъ въ Люблинъ дѣлать закупки для нашего обоза, который порядкомъ поизносился за, почти годичную, работу. Въ магазинахъ ничего не было: спрятали, но съ помощью маклеровъ, а я успѣлъ завести съ ними связи,—можно было все достать, и сравнительно по недорогой цѣнѣ.

И такая ужъ создалась привычка. День мотаешься въ Люблинѣ, кричишь, торгуешься: запрашиваютъ неимовѣрно, а вечеромъ у себя дома, въ летучкѣ. Только иногда если не успѣешь за день кончитъ всѣ дѣла, ночуешь въ Люблинѣ.

Вотъ и доночевался: ни знанія маршрута отступленія, ни картъ, ни одного знакомаго въ этомъ проклятомъ, огромномъ городѣ. Мало ли идетъ дорогъ изъ Люблина, и допытайся, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, по какой нужно итти? Да и у кого допытаться? Довѣриться первому встрѣчному, да еще въ такой моментъ, какъ оставленіи города нашими войсками, когда, несомнѣнно, поднимутъ голову всѣ подозрительные элементы, въ такой моментъ опасно довѣряться случайнымъ указаніямъ. Какое счастье, что я наканунѣ условился со своимъ конюхомъ, гдѣ онъ будетъ ночевать, чего я раньше не дѣлалъ.

Наспѣхъ одѣваюсь и выхожу въ корридоръ. Онъ—пустъ: всѣ спрятались; лишь растерянно тыкаются изъ угла въ уголъ 2—3 кельнера да мелькаютъ одинокія офицерскія фигуры.

Вотъ изъ номера напротивъ выходятъ женщина въ яркой, крикливой, но какъ-то косо одѣтой, шляпѣ, съ шуршащей зеленой юбкой, и офицеръ, наскоро, на ходу достегивающій портупею.

— Офицерикъ, миленокъ, постой, да какъ же это? Да что же это будетъ? Да неужели же придутъ проклятые австріяки?.. Господи, Господи, да за что же это на насъ? Какъ же мы тутъ останемся? Пристаетъ она къ нему и дергаетъ за рукавъ.

Въ голосѣ полная растерянность и начинающія прорываться рыданія.

Онъ же, переставъ быть «джентльменомъ», не обращая на нее вниманія, торопливо шагаетъ—бѣжитъ по лѣстницѣ черезъ 2—3 ступени заразъ.

На улицѣ я застаю еще остатки тревоги, вызванной распространившейся, очевидно, вѣстью о нашемъ отступленіи. По пустымъ и съ каждой секундой все болѣе пустѣющимъ улицамъ торопливо, но какъ-то безсистемно и безтолково мчатся во всѣ стороны извозчики—съ военными. Пробѣжитъ мальчишка, потомъ «приличный» господинъ въ котелкѣ, съ поднятымъ воротникомъ разстегнутаго пальто... Женщина изъ простонародья съ кое какъ накинутомъ на голову платкомъ, изъ-подъ котораго выбиваются спутавшіяся космы волосъ...

Первый порывъ вихря налетѣлъ и... замеръ. И на нѣсколько минутъ полная тишина.

Природа безмолствуетъ, только люди суетливо, поспѣшно стараются закрытъ ставни и спрятаться въ дома, потому что:

«Скоро, скоро будетъ буря!»..

И дѣйствительно: еще немного, и— никого. Даже не у кого спроситъ дорогу.

Но вотъ, какъ-будто изъ сосѣдняго квартала доносится рѣзкій, дребезжащій стукъ извозчичьей пролетки. Такой звонкій въ омертвѣвшемъ городѣ.

Куда-то ѣдетъ рысью, но безъ сѣдока,—очевидно, повинуясь общей потребности хоть что-нибудь дѣлать, хоть двигаться, лишь бы въ бездѣйствіи, въ полномъ невѣдѣніи, покорно не ждать грозы...

— Хочешь-не хочешь—вези!

Но куда? Хочу ѣхать къ коменданту—узнать маршрутъ. Возница мой сообщаетъ, что комендантъ, хоть и недавно, уѣхалъ.

Ѣдемъ искать мою бричку. Номера дома не знаю, но счастливая случайность помогаетъ. Бричка стоитъ въ разобранномъ видѣ во дворѣ у кузнеца: вчера ее начали и не кончили чинить. Пока сходили за кузнецомъ, пока наскоро докончили чинку и собрали, совсѣмъ разсвѣло.

По улицѣ мимо начинаютъ проходить обозы I-го разряда и войска. Слава Богу: если и не со своими,—уйти успѣю. Хотя сладости въ этомъ, конечно, мало, если принять во вниманіе большіе масштабы отступленія и то, что черезъ Люблинъ, какъ большой узелъ можетъ проходить нѣсколько корпусовъ: можно такъ далеко отойти отъ своей части, что потомъ и не найдешь ея.

Зная привычку нашей летучки отходить всегда самой послѣдней, ужъ, конечно, за всѣми обозами и за артиллеріей, а иногда и за оста-

вленными на прикрытіе частями, рѣшаю ѣхать наперерѣзъ общему движенію.

Какъ радостно услышать отвѣтъ: N-ый Сибирскій полкъ... Хотя и не нашей дивизіи, но нашего корпуса...

А вотъ, наконецъ, и они. Мои ожиданія оправдались: отходять самыми послѣдними, и двуколками какъ бы прикрываютъ общее отступленіе.

Снова въѣзжаю въ Люблинъ, теперь уже во главѣ обоза. Почти всѣ обозы уже прошли, и наши 25—27 повозокъ одиноко громыхаютъ по мостовымъ. И населеніе—особенно, женщины, высыпало на балконы, очевидно, убѣдившись, что опасаться эксцессовъ нечего. Люблинъ снова расцвѣтился.

Бухъ, бухъ, бухъ... Одинъ за другимъ раздаются взрывы на станціи, когда мы проходимъ мимо нея. Это взрываютъ, какъ говорятъ, перекресты путей. А вскорѣ послѣ этого надъ Люблиномъ въ разныхъ мѣстахъ начинаютъ появляться цѣлыя облака густого темно-сѣраго дыма. Это наши поджигаютъ то, что не хотятъ оставлять непріятелю...

Ну, наконецъ-то, выбрались на шоссе. Маленькій эпизодъ съ Люблиномъ остался позади и началась старая, знакомая жизнь: переходы, переходы и переходы.

Еще нѣсколько стоянокъ отъ Люблина, и обстановка все та же: день-два-три стоимъ на мѣстѣ,—ночью двигаемся. Разница только въ томъ, что австрійцевъ смѣнили нѣмцы. На первый взглядъ разница будто и небольшая, но для насъ весьма существенная: отъ австрійцевъ мы всегда

уходили благополучно; нѣмцы же настигаютъ, гонятся буквально по пятамъ.

Къ тому же, постоянно ходятъ слухи о прорывахъ то справа, то слѣва. Если придемъ на хорошую позицію,—надежды мало, что долго удержимся на ней: нѣмцы не попрутъ на нее прямо, а прорвутъ въ сторонѣ, и приходится отходить. Но отходимъ недалеко, верстъ, самое большее—20, а иногда и 10 и 12: на наши славные сибирскіе полки возложена, очевидно, задача сдерживать непріятеля во что-бы то ни стало. И ужъ тутъ не приходится считаться съ условіями мѣстности.

Бываетъ такъ, что во время перехода останавливаютъ на полпути и возвращаютъ обратно. на старыя позиціи. Тамъ уже непріятель, и загорается бой. Все это, конечно, не изъ-за самыхъ позицій, а для отвода глазъ: сосѣднія части успѣютъ выйти изъ мѣшка, уходимъ и мы.

А то иногда прикажутъ остановиться чуть ли не въ чистомъ полѣ. Остановка опять таки неожиданная, и поэтому окопы только намѣчены и загражденія, какъ выразился кто-то однажды, всего лишь «безпроволочныя».

Безпрерывные переходы и такъ изморили солдатъ, а тутъ еще, сразу послѣ ночного перехода, не отдохнувъ ни минутки, рой окопы, устраивай блиндажи и приготовляй загражденія.

Нѣмцы тоже не зѣваютъ. Если бы наканунѣ они не лѣзли на насъ въ атаку съ такимъ остервенѣніемъ, а мы не били ихъ, что называется въ лобъ, они подоспѣли бы и еще раньше. Но и тутъ они подоспѣваютъ въ самый моментъ улучшенія позицій.

Тогда начинается адъ кромѣшный! Первые ласточки его—трехдюймовыя шрапнельки, даютъ о себѣ знать уже часа въ 2 дня. За это же время происходитъ у нихъ установка тяжелыхъ орудій, и часа въ 4 дня (и только въ исключительныхъ обстоятельствахъ,—на другое утро), начинается бой.

Пожалуй, даже, не бой, а бойня, потому что войскъ нашихъ, въ особенности по сравненію съ атакующими ихъ нѣмцами, очень немного. Да и войска эти все тѣ-же. Между тѣмъ у нѣмцевъ, по показаніямъ плѣнныхъ, одна за другой смѣняются «поистрепавшіяся» дивизіи. Поатакуетъ недѣли двѣ-три, а тамъ ее смѣняетъ новая, свѣжая часть.

Наши же части, видимо, обречены, хотя-бы и на полное истребленіе, во имя спасенія ядра, главной массы арміи, и тыла. Примѣръ съ Люблиномъ, когда намъ приходилось даже больше обыкновеннаго сдерживать ожесточенный напоръ не знающаго удержу врага, чтобы дать возможность вывезти изъ города все цѣнное —лишь одинъ изъ наиболѣе яркихъ примѣровъ.

И вотъ начинается бой-бойня! Открывается чудовищный огонь изъ орудій достаточно крупныхъ, 8-10 дюймовыхъ калибровъ. Линія фронта представляетъ изъ себя бѣгущую въ обѣ стороны, дымящуюся полосу, дымовую стѣну огромной вышины,—стѣну, въ которую каждую минуту, каждую долю секунды вколачиваютъ новый гвоздь, бросаютъ новый камень . . . Какъ будто землю по прямой линіи разсѣкли топоромъ до самаго центра, и началось изверженіе:

вырываются пары, летятъ камни, шлаки, горятъ строенія . . .

Все, находящееся на этой роковой линіи,—окопы, строенія—подвергается безпощадному и сравнительно быстрому,—въ 6-8 часовъ,—уничтоженію.

Самый яростный огонь сосредоточивается, конечно, на наиболѣе слабо защищенныхъ частяхъ фронта, которыя, обычно, являются и мѣстами предполагаемыхъ германскихъ атакъ.

Наши полевые батареи отвѣчаютъ иногда тоже весьма энергично, хотя, конечно, внѣ сравненія, меньше. Нѣмцы нѣкоторое время терпятъ это, затѣмъ злятся и начинаютъ вкупѣ и влюбѣ—и «тяжелыми» и «легкими» отыскивать нашу батарею.

При «нащупываніи» попадаетъ изрядно на орѣхи и намъ, такъ какъ мы обычно стоимъ или сбоку или впереди батареи.

Но, и это—характерное отличіе нѣмцевъ отъ австрійцевъ, они никогда не разбрасываютъ своихъ снарядовъ попусту, по всѣмъ направленіямъ и безъ особой, хотя бы и скрытой цѣли. Тогда какъ австрійцы часто бьютъ на «ура», надѣясь, что снарядъ причинитъ какой-нибудь вредъ, вообще, хотя бы это и не имѣло такого уже первостепеннаго значенія для исхода боя,—нѣмцы всегда задаются опредѣленными задачами и не бросаютъ ихъ на полъ-дороги, а доводятъ до конца.

Примѣръ: 3-ей и 4-ой стоянкой отъ Люблина была для насъ деревня Бжостувка по своему положенію относительно фронта, въ полномъ смыслѣ «универсальная» деревня.

Тянулась она версты на 3-4, подъ косымъ угломъ къ фронту. Ближній ея конецъ подходилъ къ окопамъ на 1/4 версты. И первая халупа съ этого конца была занята нашимъ фельдшерскимъ пунктомъ. Съ 1/2 версты далѣе по деревнѣ находилась наша перевязочная и «палаты». За деревней, немного вбокъ отъ насъ,— стояла полевая батарея; далѣе по деревнѣ помѣщалась телефонная команда; еще далѣе штабъ дружины; къ концу стояли небольшіе обозы и, наконецъ, въ самомъ концѣ, тяжелая 6-дюймовая батарея.

Это была, буквально, полная чаша: вся въ садахъ, почти при каждомъ домѣ пчельникъ, масса запасовъ въ домахъ, оставленныхъ жителями, принужденными убраться отсюда внезапно. Судьба ея была, конечно, рѣшена, какъ были въ свое время рѣшены судьбы многихъ другихъ деревень.

И солдатики предварительно лакомились «сладенькимъ». На 2-3 день по деревнѣ безъ опаски пройти нельзя было: надъ нѣкоторыми садами, буквально, черно было: надъ мѣстомъ прежняго жилья облаками «стояли» пчелы разоренныхъ ульевъ...

И часъ ея пробилъ. 2-3 дня прожили мы, сравнительно, «спокойно», пока нѣмцы не рѣшили дать намъ «генеральнаго сраженія».

И съ этой цѣлью рѣшили, очевидно, разобщить фронтъ съ тыломъ. Нужно сказать, что наша деревня какъ нельзя болѣе способствовала этому намѣренію...

Началось съ того, что снарядъ попалъ въ халупу ближняго къ фронту края деревни и за-

жегъ ее. Ободренные успѣхомъ нѣмцы стали обстрѣливать «Бжостувку» по участкамъ и вскорѣ зажгли ее сразу въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Полная сѣна и соломы, несчастная «Бжостувка», при легкомъ вѣтеркѣ запылала въ одно мгновеніе. На нашихъ глазахъ Молохъ огня пожиралъ одинъ за другимъ дворы со всѣми стройками. Прошло полчаса-часъ съ начала пожара, и намъ пришлось убираться...

Упомянутое стремленіе нѣмцевъ—разобщеніе фронта съ тыломъ, стало понятно намъ только тогда, когда мы отъѣхали отъ деревни на $^1/_4$-$^1/_2$ версты. Помимо дыма отъ пожара, 8-10 дюймовые снаряды давали такіе огромные, въ приличный, двухэтажный домъ величиной, клубы густого, чернаго дыма, что за этой огромной, 4-верстной стѣной, абсолютно ничего не было видно. Нечего и говорить о томъ, что телефонные провода отъ батарей, стоявшихъ за деревней, къ ихъ наблюдательнымъ пунктамъ, стоявшимъ передъ деревней, пришлось снять, такъ какъ иначе они все-равно сгорѣли бы. Послѣдствія этого —невозможность корректированія стрѣльбы нашихъ батарей—понятны.

Подъ прикрытіемъ этой то своеобразной «дымовой завѣсы» нѣмцы и начали, очевидно, скрытое отъ нашихъ батарей, передвиженіе и перегрупировку своихъ частей, а затѣмъ и пошли въ наступленіе.

И съ этой цѣлью еще болѣе интенсивно стали воздвигать первую изъ этихъ двухъ дымовыхъ стѣнъ, именно стѣну надъ линіей фронта. Она разрослась и въ ширь, и въ высь.

Я увѣренъ: поставь тѣхъ же хваленыхъ «дисциплинированныхъ» нѣмцевъ подъ половину, четверть того огня, подъ который они ставятъ нашего солдата, какъ только мы вздумаемъ хоть немного задержаться на позиціяхъ, поставь ихъ въ такое положеніе, и они не выдержали бы,—побѣжали . . .

А наши сибирячки ничего—стоятъ! Умираютъ, а стоятъ! . . .

Приходятъ къ намъ на пунктъ раненые, но каждый раненый—контуженъ сверхъ того. Контуженые же почти не ходятъ, и, если обращать вниманія на контузію, то всѣ подрядъ, и солдаты и офицеры, должны выйти изъ окоповъ и гуськомъ направиться къ намъ.

У раненыхъ же—контуженныхъ все лицо, не говоря уже объ одеждѣ, покрыто сплошной земляной коркой.

Притащитъ съ собой винтовку,—попробуетъ ее,—не дѣйствуетъ затворъ: забитъ землей. И это тоже, конечно, не только у раненыхъ, а у всѣхъ: винтовки, какъ и люди, контужены, и весьма основательно . . . .

Красноярскъ, 10 января 1916 г.

Мы отступаемъ.

Г. Бѣла, Холмской губ. 30 іюля 1915 г.

При полученіи этого письма вы уже будете, конечно, знать, о чемъ я пишу: я былъ раненъ 24го іюля часовъ въ 6—7 вечера. Рана совершенно, абсолютно неопасная: 1) ружейная пуля, а не шрапнельная и не осколокъ, т.е. рана не загрязнена; 2) рана сквозная, поэтому никакихъ разрѣзовъ для извлеченія пули не придется дѣлать и, наконецъ, 3) рана въ мускулатуру. Пулевой каналъ, хотя и великъ сравнительно, но задѣты исключительно мягкія части. Первые 4—5 дней я лежалъ, хотя могъ бы съ нѣкоторымъ трудомъ ходить, теперь же хожу свободно, Палочку ношу больше для виду, для «фасону». Оба отверстія —и входное, и выходное—уже затянулись. Обѣщаются отпустить въ летучку дня черезъ 4—5.

Рана, какъ видите, принадлежитъ къ числу «позорныхъ» ранъ. Но на сей разъ она объясняется нѣсколько исключительными обстоятельствами, при которыхъ я былъ раненъ.

Теперь мы, какъ вы знаете изъ газетъ, отступаемъ безконечно. Но отступленіе уже не всегда только стратегическое. Мы теперь—съ сибирскими полками, которымъ приказано, очевидно, задерживать натискъ нѣмцевъ (противъ насъ теперь германцы) и принимать на себя ихъ удары, чтобы дать возможность другимъ час-

тямъ, находящимся въ болѣе затруднительномъ положеніи. отойти безпрепятственно.

Мы давно уже миновали Люблинъ (летучка съ послѣдними частями войскъ прошла черезъ самый Люблинъ, въ моментъ оглушительныхъ взрывовъ желѣзнодорожныхъ строеній и внезапнаго «очистѣнія», омертвѣнія города). Переходы небольшіе, 10—15, maximum 20 верстъ, въ виду указаннаго выше значенія отступленія на этомъ участкѣ фронта. Недѣли три тому назадъ противъ насъ были австрійцы, и мы ночью всегда удирали благополучно. Но теперь австрійцевъ смѣнили нѣмцы, и эти настигаютъ насъ буквально по пятамъ. Позиціи часто не бываютъ заготовлены заблаговременно, а поэтому, если и успѣваютъ отходить удачно, то нѣмцы застаютъ на шихъ въ моментъ улучшенія окоповъ, устраиванія блиндажей и проволочныхъ загражденій. Не всегда это бываетъ, но бываетъ довольно таки часто и особенно часто за послѣднее время

г. Слонимъ, Гроднѣнской губ. 30 авг. 1915 г

Продолжаю письмо послѣ безконечно долгаго перерыва. За это время я успѣлъ поправиться и уѣхать въ летучку. Теперь пріѣхалъ въ лазаретъ по дѣлу. Возможно кратче постараюсь докончить старое письмо.

Въ одинъ изъ такихъ дней отступленія мнѣ и привелось побывать въ окопахъ. Все утро и часть дня, слѣдовавшія за ночью непрерывной работы, прошли для насъ спокойно, такъ какъ,—есть раненые, нѣтъ ихъ,—вынести все равно нельзя. Мы

занялись установкой двуколокъ на путяхъ слѣдованія раненыхъ, и нѣсколько человѣкъ съ этой цѣлью обслѣдовали ложбинки и перелѣски, гдѣ повозки можно поставить незамѣтно. Удалось и мнѣ сыскать одно удобное мѣстечко. Взялъ съ собой двуколку и поѣхалъ. На двуколкѣ правитъ нашъ солдатъ изъ слабосильной команды, маленькій ярославскій мужичонка, съ окладистой бородой и плутоватыми глазами. «За деньги, за сто тысячъ», онъ не согласился бы итти подъ огонь, но, когда я, передъ выѣздомъ, спрашиваю, не смѣнить ли его, если онъ усталъ и не можетъ ѣхать, онъ гордо заявляетъ мнѣ:

— Развѣ солдатъ, ваше благородіе, можетъ говорить: «не могу», на то онъ и солдатъ.

Теперь ѣдемъ по дорогѣ, идущей вдоль опушки лѣса, параллельно дорогѣ. Передвигаясь съ нами въ одномъ направленіи, падаетъ снарядъ за снарядомъ. Я ѣду верхомъ впереди, за мной двуколка. Вдругъ сзади рѣзкій окликъ:

— Ваше благородіе!

Оглядываюсь, вижу мой Б. рѣшительно натянулъ возжи: оказывается, заяцъ, большой матерый заяцъ, перебѣжалъ дорогу, а потому дальше ѣхать «никакъ невозможно».

Въѣзжая въ лѣсъ, рвемъ идущую по землѣ телефонную нить.

— Вотъ видите, ваше благородіе?

— Ну, чего же плохого? нить мы свяжемъ, а несчастій больше уже не будетъ.

— Это кто еще знаетъ, ваше благородіе.

Въ лѣсу, возлѣ нашей стоянки встрѣчаемъ батальоннаго командира съ партіей сопровождающихъ его солдатъ, и команду развѣдчиковъ, разы-

С. А. Шлихтеръ (1-й слѣва) въ лазаретѣ Сибирскаго отряда, послѣ вторичнаго ранѣнія въ іюлѣ 1915 г., у г. Парчевз.

скивающихъ своего, неизвѣстно куда пропавшаго, начальника команды. Командиръ батальона—новый, назначенный, вмѣсто раненаго недавно, часъ-полтора назадъ, командира 3-го батальона. Хотя я раньше не собирался въ окопы, теперь рѣшаю итти туда, благо проводники есть, а безъ нихъ итти безцѣльно: заблудишься. Но подполковникъ не идетъ, ссылаясь на огонь, говоритъ про полученную уже имъ однажды рану и невозможность рисковать своими людьми. Развѣдчики тоже мнутся на мѣстѣ—ихъ положеніе еще хуже: нужно рыскать по всему фронту полка, заглядывая во всѣ закоулки. Но, помимо этого, у нихъ есть еще порученіе связать конецъ прорыва, образовавшагося на мѣстѣ разбитаго 3-го батальона.

И вотъ, вижу въ рытвинахъ поля замелькали, кивая землѣ, двѣ одинокія фигурки. Перебѣгаю за ними.... Голое поле съ копнами соломы, большимъ, но ненадежнымъ прикрытіемъ; дорога въ оврагѣ—отдыхаемъ; потомъ галопъ до горящей деревни, и снова отдыхъ за стѣной уцѣлѣвшей халупы. Забавная подробность: халупы, въ сущности, нѣтъ. Осталась одна труба. Но съ одной стороны этой трубы—маленькій случайный уголокъ домашняго уюта: стоитъ полка, на ней двѣ чашки, глиняный горшокъ, кочерга, ухватъ, въ углу валяется тряпка—направо; налѣво—обрывъ, груда камней, блескъ стальныхъ осколковъ и черная труха перегорѣвшаго дерева.

За нами бѣгутъ еще двое. Мы ставимъ ихъ здѣсь связью, а сами идемъ дальше. Прыгаемъ черезъ какія то дикія канавы, стволы сломанныхъ деревьевъ, камни и рытвины. Идемъ по

ходу сообщенія. Снаряды, какъ пули, съ методической точностью летаютъ надъ головою, которая, въ виду мелкости хода, высовывается наружу. Даже кланяться надоѣдаетъ. И всѣ—въ одну точку или, вѣрнѣе, въ одну линію, о которой я уже говорилъ. Мѣста все знакомыя: не дальше, какъ три дня тому назадъ, мы, отступая, проѣзжали ихъ, любовались правильными окопами и великолѣпными блиндажными землянками. Еще тогда представляли и никакъ не могли представить себѣ боя въ этомъ, именно этомъ мѣстѣ: какъ всегда бываетъ трудно представить себѣ пожаръ, вой пуль и свистъ снарядовъ въ совершенно мирной, идиллической обстановкѣ. Отрѣшаюсь отъ своего настроенія, и тогда припоминаю: да, то же мѣсто—лѣсокъ направо; то, что было раньше—деревней; окопы, блиндажи; настоящія, хорошія, «проволочныя» загражденія, хотя въ очень многихъ другихъ мѣстахъ они всего лишь «безпроволочныя», какъ выразился однажды знакомый офицеръ; и болото передъ окопами то-же, о которомъ тогда говорили, что оно помѣшаетъ нѣмцамъ подойти къ окопамъ.

Кстати, теперь понятна и совершенная пустота окоповъ въ этомъ мѣстѣ, на ½ версты по фронту. Непріятель, зная непріятное для него расположеніе окоповъ въ этомъ мѣстѣ, совершенно оставилъ его въ покоѣ, и сталъ бить съ флангсвъ. Сообразно этому, особенно послѣ прорыва слѣва, наши стянулись тоже къ флангамъ.

Поэтому я въ теченіе получаса не встрѣтилъ никого въ этомъ мѣстѣ, бродя въ окопахъ и ходахъ сообщенія. Только случайно наткнулся

на землянку командира 2-го батальона. Тотъ какъ разъ выходилъ при мнѣ и давалъ послѣднія наставленія стоему вѣстовому:

— Если я не вернусь, пойди въ блиндажъ къ капитану Михайлову. Понялъ?

— Такъ точно, понялъ, ващъ скобродь!

Съ нимъ вмѣстѣ мы и отправились. Я—отыскивать и перевязывать раненыхъ, ловить санитаровъ и стараться вручить имъ этихъ раненыхъ,—однимъ словомъ, заняться эвакуаціей раненыхъ изъ окоповъ и съ поля. Онъ—ловить ускользнувшій отъ него вслѣдствіе прорыва и съ тѣхъ поръ не дававшійся ему въ руки другой конецъ нашей передовой линіи. Ибо передовая линія, какъ капризный, гибкій прутъ очень устойчиво, эластично можетъ съ одинаковымъ успѣхомъ и выпираться и вдавливаться, оставаясь при этомъ въ рукахъ. Но если и какъ только ее продавили и концы ускользнули изъ рукъ, поймать ихъ вновь очень и очень трудно: они убѣгаютъ, извиваясь, кивая головками, втягиваясь въ себя самихъ, какъ щупальцы спрута, какъ хорошая резиновая трубка. А конецъ, чѣмъ дольше его не поймали, тѣмъ обтрепывается все больше.

Мы съ батальоннымъ разстались вскорѣ: онъ пошелъ дальше, а мнѣ стали попадаться лежащіе съ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ раненые. Заходилъ въ уединенные окопчики, блиндажи и частенько натыкался на стонущихъ, забытыхъ людей. Одинъ лежалъ на возвышеніи въ землянкѣ, гдѣ я провалился въ воду по колѣно. Наконецъ, встѣчаю снова батальоннаго, онъ идетъ уже обратно,

— Ну, что, какъ?

— Отходимъ вонъ къ той опушкѣ лѣса (съ версту).

— А тамъ остался кто-нибудь? указываю я впередъ.

— Да, тамъ на прикрытіе осталась рота.

— Ее предупредили объ отступленіи?

— Да, я послалъ сказать.

Долженъ пояснить, что послѣ такого обстрѣла обычно не остается и слѣда такъ называемой «связи». Всѣ телефонныя нити рвутся къ чорту, какъ и сколько разъ ихъ ни возстановляй, потому что поле буквально вспахивается; связь людьми тоже не надежна, такъ какъ у очень немногихъ остается мужество передвигаться одному-двумъ подъ такимъ огнемъ. Да и такіе большей частью гибнутъ, потому что единственное спасеніе—сидѣть зарывшись насколько возможно глубоко въ окопы, и ждать смерти. Это наши солдаты, особенно хорошіе, какъ сибиряки, и дѣлаютъ. Зато, когда человѣкъ вырвется изъ этого ада, когда, напримѣръ, онъ придетъ раненый на пунктъ или его пошлютъ въ тылъ съ порученіемъ, то лицо у него перекошенное и совершенно обезумѣвшее отъ пережитаго, съ конвульсивными подергиваніями, въ глазахъ слезы, онъ, раньше нормальный и здоровый, заикается, не можетъ слова выговорить, а если и выговариваетъ, то страшную ерунду. Если же не заикается, то молчитъ и молча обтираетъ грязной тряпкой выступившій на лбу поистинѣ «кровавый» потъ.

Однимъ словомъ, разъ связь одной части съ другой порвана, возстановить ее, особенно, если

между ними есть еще прорызъ, трудно, почти невозможно.

Кончаю пока. Хоть и не оконченное, а посылаю. Надоѣло мариновать. *)

*) Намѣреніе автора закончить описаніе картины отступленія, очевидцемъ котораго онъ былъ, осталось невыполненнымъ. Возвращаясь къ этому вопросу въ ближайшемъ письмѣ—открыткѣ, авторъ ограничивается лишь слѣдующими нѣсколькими словами: «Я былъ легко раненъ, когда, во время отступленія, вызваннаго ураганнымъ огнемъ нѣмцевъ, отходя въ послѣднемъ десяткѣ, выносилъ раненаго офицера. Насъ обходили шагахъ въ 100—150 колонны нѣмцевъ, и я обязанъ своей легкой ранѣ тѣмъ, что сейчасъ не въ плѣну. Кажется, представленъ къ Георгіевскому кресту за выносъ офицера и—чего не подозрѣвалъ раньше—за спасеніе двухъ ротъ и 3 здоровыхъ офицеровъ. Я предупредилъ ихъ въ послѣдній моментъ объ отступленіи, чего они не знали». (Очевидно, объ одной изъ этихъ ротъ и упоминаетъ авторъ въ своемъ письмѣ). *Ред.*

Мертвые воскресли...

«За послѣднее время замѣчено усиленное стремленіе противника перебросить свои силы на сѣверъ, къ Ригѣ. Съ цѣлью помѣшать ему въ исполненіи этого намѣренія, 4-я армія сегодня, въ ночь на 17-ое сентября, переходитъ въ наступленіе по фронту дер. А включительно—дер. Б исключительно.

Фанагорійскій полкъ изъ дер. Б. Жуковичи пойдетъ на дер. Крышиловщизну и далѣе.

Сибирскій полкъ . . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Сибирская летучка съ Фанагорійскимъ полкомъ».

И спѣшная, наскоро, очевидно, огрызкомъ карандаша, набросанная записка:

«По полученіи приказа немедленно собирайтесь и трогайтесь за нами со всѣмъ транспортомъ, оставивъ на мѣстѣ только самый тяжелый обозъ. Мы выступаемъ сейчасъ».

Небольшая, но теплая компанія—все бывшіе студенты и курсистки—далеко за полночь засидѣлась въ задушевной бесѣдѣ въ подряхлѣвшемъ помѣщичьемъ домикѣ, и только поэтому нарочный незасталъ насъ спящими.

Но позднее время еще не смогло бы изумить насъ— за лѣтнюю кампанію мы привыкли получать такіе приказы съ требованіемъ немедленнаго

ихъ исполненія,—вслѣдствіе другихъ причинъ мы не ожидали наступленія.... Именно въ виду полнаго бездѣйствія на фронтѣ отрядъ оставилъ только одну летучку съ полкомъ, и то находившимся тогда въ дивизіонномъ резервѣ, а транспортъ прикомандировалъ временно къ дивизіонному лазарету для перевозки больныхъ. И вотъ эта-то летучка, на работу которой въ блажайшемъ, по крайней мѣрѣ, будущемъ мы смотрѣли весьма скептически, неожиданно «пошла въ дѣйствіе».

Радоваться работѣ и желать ее намъ, летучникамъ, получающимъ раненыхъ непосредственно изъ боя, значитъ накликать несчастье на чужую голову, и поэтому-то офицеры неизмѣнно говорятъ: «Типунъ вамъ на языкъ», когда мы жалуемся на бездѣлье. И поэтому то мы всегда стѣсняемся говорить о томъ, что въ устахъ другихъ звучитъ вполнѣ естественно, о томъ, что мы хотимъ работать..... Но въ данномъ случаѣ «работа» предвидѣлась не только помимо желанія, но помимо даже ожиданія нашего, а поэтому мы позволили себѣ довольно шумно обрадоваться перемѣнѣ надоѣвшаго мѣста.... Собрались съ молніеносной быстротой и двинулись въ путь.

Застоявшіяся лошади бодро взяли съ мѣста и, будто нервное оживленіе людей передалось и имъ, сохранили быстрый темпъ шага до конца пути, т. е. до прибытія на недавнюю, еще не успѣвшую остыть, стоянку летучки въ домѣ священника. Тутъ временно расположился обозъ, а мы, вдвоемъ съ коллегой, поскакали искать нашу, невѣдомо куда ушедшую за это время, летучку. Поскакали и едва отъѣхали версту-дру-

гую отъ деревни, какъ сразу погрузились въ столь знакомую намъ, щекочущую нервы обстановку неглубокаго тыла во время боя: съ его грохотомъ выстрѣловъ нашей артиллеріи и разрыва снарядовъ непріятельской; съ его плавающими невдалекѣ дымками снарядовъ; съ его скачущими во всѣ стороны казаками; одинокой, заметавшейся по разнымъ дорогамъ, потерявшей направленіе, на смерть перепуганной кухней, твердо вѣрующей, что всѣ стремленія противника сводятся въ концѣ концовъ къ тому, чтобы какимъ угодно способомъ разбить или хотя полонить именно ее, разнесчастную; съ его идущими въ бой резервами, гдѣ на лицѣ каждаго въ солдатскомъ ряду сосредоточенно-значительная мина и невидящіе ничего окружающаго, глядящіе внутрь самаго себя, глаза....

Словомъ, погрузились въ ту обстановку, которую Толстой такъ вѣрно называетъ заведенной и пущенной въ дѣйствіе машиной. Остановить эту машину теперь никто уже не сможетъ, и каждый рычажокъ, каждый винтикъ ея будутъ работать и вертѣться въ данномъ имъ ранѣе направленіи, абсолютно ничего не зная объ общемъ ходѣ машины и предназначеніи сосѣдняго винтика или рычажка.

Въ такія минуты, напримѣръ, только въ самыхъ исключительныхъ обстоятельствахъ слѣдуетъ обращаться за какими либо указаніями къ участникамъ боя, хотя бы и не непосредственнымъ. Тѣмъ болѣе опасно довѣряться указанію одного лица—перваго встрѣчнаго—солдата или офицера, не провѣривъ справедливости его словъ въ десяткѣ самыхъ разнообразныхъ источ-

никовъ. Объясняется это тѣмъ, что, помимо общей нервозности, такой естественной въ ожиданіи исхода боя, въ ожиданіи разрѣшенія вопроса: «кто кого, мы ихъ или они насъ?»—помимо всего этого каждый сосредоточенно занятъ лишь своимъ дѣломъ, углубленъ въ него и, не будучи въ состояніи сосредоточиться ни на чемъ другомъ, въ лучшемъ случаѣ передаетъ лишь самые разнорѣчивые и нелѣпые слухи, которыми тамъ напоенъ бываетъ неглубокій тылъ въ это время.

Но, кромѣ вышеуказанной субъективной причины—нервнаго ожиданія исхода боя, этому есть и причина вполнѣ объективная. Въ самомъ дѣлѣ: все вдругъ, неожиданно снялось съ мѣста, пришло въ движеніе и въ этотъ самый моментъ находится, такъ сказать, въ пути; и узнать, напримѣръ, мѣстонахожденіе какой либо части или судьбу ея почти невозможно до тѣхъ поръ, пока это движеніе не остановится, придя къ своему концу.

— Скажите, пожалуйста, эта дорога ведетъ въ д. Крышиловщизну?. спрашиваемъ мы офицера изъ батареи, стоящей въ резервѣ.

— Да, эта, но не совѣтую вамъ туда ѣхать.

— Почему?

— Деревня Крышиловщизна обстрѣливается, и уже почти вся сгорѣла.

— Вы сами оттуда?

— Нѣтъ, но мнѣ говорили!...

— Знаемъ, голубчикъ! Такихъ стрѣляныхъ волковъ не проведешь... Не разъ бывали въ такихъ передѣлкахъ, говоримъ мы другъ другу, не-

много отъѣхавъ отъ него и убѣдившись, что ѣдемъ правильно . . .

И, дѣйствительно, еще двѣ версты—и безконечно долгія, потому что каждымъ атомомъ существа своего рвешься туда, къ своимъ, узнать, что съ ними, и безконечно короткія, потому что у насъ не хватаетъ терпѣнія ѣхать «приличной» рысью,—еще двѣ версты, и мы мчимся по улицѣ д. Крышиловщизны, переставъ сдерживаться и скрывать другъ отъ друга свое волненіе . . .

Вонъ, въ концѣ улицы забѣлѣлась косынка . . . Стопъ. Пріѣхали . . .

Наши волненія въ ожиданіи большихъ перемѣнъ въ обстановкѣ вслѣдствіе «продвиженія» полка впередъ оказались напрасными, и намъ пришлось нѣсколько разочароваться: одна атака, правда, уже была, но кончилась неудачей, наступавшія части вернулись въ исходное положеніе, въ свои окопы, а поэтому и всѣ учрежденія полка, т. е. его штабъ, полковой перевязочный пунктъ, а съ ними и наша летучка, остались все на томъ же мѣстѣ.

Самый острый моментъ боя уже прошелъ, и еще до нашего пріѣзда начали появляться раненые, главнымъ образомъ, легкіе. т. е. такіе, которые сами могли доплестись до перевязочной. А еще часъ-два спустя,—и по дорогѣ, ведущей къ намъ, стали, колыхаясь на плечахъ санитаровъ, показываться носилки съ «тяжелыми».

Мы съ коллегой, пріѣхавъ въ летучку, не имѣли уже мужества уѣхать обратно, да и не нужно это было, а поэтому, оставшись, только послали обозу приказаніе придвинуться еще бли-

же и стать въ деревнѣ, слѣдующей за нашей, верстахъ въ двухъ отъ нея, чтобы имѣть возможность, въ случаѣ необходимости, возможно скорѣе пополнять свой транспортъ и смѣнять свѣжими измучившихся людей и лошадей.

Пять разъ—послѣдующіе разы уже днемъ, а послѣдній—вечеромъ—ходили въ атаку, пять разъ отходили назадъ...

Оно, собстественно, иначе и быть не могло: до самаго послѣдняго момента никто не предполагалъ здѣсь возможности наступленія съ нашей стороны, его не ждали и къ нему не готовились въ помыслахъ. Поэтому то, къ слову сказать, и мы, отражая общее настроеніе, были такъ изумлены, получивъ приведенный выше приказъ...

Да и сами позиціи, выбранныя нами послѣ послѣдняго отхода, позиціи, на которыхъ, по всѣмъ видимостямъ, предполагалась длительная стоянка, онѣ были чисто оборонительныя: рѣчка Сервечъ, только мѣстами проходимая въ бродъ, по обѣимъ сторонамъ ея кочковатое болото, въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ переходящее въ трясину...

А къ болоту съ обѣихъ сторонъ подходятъ уступы холмовъ...

На этихъ то уступахъ и расположились окопы противниковъ.

Въ тылу же позицій—большіе перелѣски и глубокіе овраги, способствующіе подходу и укрытію резервовъ, патронныхъ двуколокъ, кухонъ и пр.

Несомнѣнно, наши позиціи лучше и господствуютъ надъ непріятельскими. И можно представить себѣ, какую роль сыграли-бы эти под-

ходящіе къ самымъ окопамъ овраги,—эти великолѣпнѣйшіе естественные ходы сообщенія, такъ тѣсно набитые теперь и повозками и людьми, что трудно пробраться черезъ все это столпотвореніе вавилонское,—какую огромную роль сыграли-бы они въ случаѣ непріятельскаго наступленія.

Таковы были наши мечты, мечты людей, имѣющихъ непосредственное или хотя бы близкое отношеніе къ фронту, когда мы останавливались и закрѣплялись на этихъ позиціяхъ. И, несомнѣнно, не только наши мечты, а и стратегическія соображенія высшаго командованія....

Увы дѣйствительность сулила иное. Сейчасъ дѣла обстоятъ иначе: наступаютъ не они, а мы, и бьютъ они, а не мы!

И послѣднее понятно: если ихъ позиціи, вообще говоря, не выдерживали критики сравнительно съ нашими, то онѣ оказались болѣе, чѣмъ пригодными для обороны, для отраженія нашихъ атакъ.

Очевидно, стратегическія соображенія, возникшія неожиданно, принудили отказаться отъ предполагавшагося вначалѣ выгоднаго использованія нами же выбранныхъ позицій и натолкнули на наименѣе выгодное для насъ, но, очевидно, по условіямъ момента, неизбѣжное ихъ использованіе. Очевидно, лучше было потерять нѣсколько тысячъ человѣкъ, хотя бы и безъ всякой надежды на успѣхъ, но отвлечь вражескія силы отъ опаснаго мѣста и выйти съ честью изъ труднаго положенія. Или, выражаясь простымъ «штилемъ», нужно было просто произвести демонстрацію.

И наши «молодцы-гренадеры» производятъ внушительную демонстрацію: идутъ, проваливаясь по колѣно, по болоту, мокнутъ въ рѣкѣ и попадаютъ подъ пулеметы изъ выдвинутаго передъ нѣмецкими позиціями, густо кругомъ оплетеннаго проволокой «бронированнаго» фольварка, а также и подъ снаряды тяжелой нѣмецкой артиллеріи, бьющей навѣрняка, такъ какъ прицѣлъ взятъ заранѣе . . .

Все-таки доходятъ до проволоки, безъ ножницъ для рѣзки ея, пробуютъ грызть ее зубами, —ничего не выходитъ, виснутъ на ней, а потомъ отходятъ назадъ, къ рѣчкѣ . . .

Тутъ имъ преподносятъ огневую завѣсу . . .

Часть уцѣлѣвшихъ все-таки прорывается чрезъ нее въ свои окопы, часть залегаетъ прямо въ воду, подъ прикрытіе крутыхъ береговъ и уже потомъ перебѣгаетъ по-одиночкѣ и маленькими, въ 2-3 человѣка партіями.

Я застаю бой уже въ этой его стадіи и имѣю возможность наблюдать его и издали и вблизи: сначала отправляюсь съ фурманками поближе къ окопамъ подбирать раненыхъ и, по дорогѣ туда, на вершинѣ холма, господствующаго надъ мѣстностью, невольно застываю на мѣстѣ передъ величественной картиной, открывающейся оттуда . . .

Груды холмовъ—и большихъ и маленькихъ, и зеленыхъ и желтѣющихъ, столпились по обѣимъ сторонамъ узенькой, болотистой, поросшей кустарникомъ, рѣчки и образовали широкое и живописное ущелье.

По обѣимъ грядамъ ихъ тянутся тоненькія ниточки окоповъ . . .

Все—какъ на ладони!

Ружейная и пулеметная стрѣльба слышна лишь изрѣдка, такъ какъ атака, собственно, уже ликвидирована.

Состязается, и то лѣниво, лишь артиллерія: насупившись лежатъ другъ противъ друга обѣ цѣпи—наша и непріятельская—и молча, сосредоточенно наблюдаютъ другъ за другомъ...

Но вотъ у противника что-то зашевелилось..

Разсердилась, напыжилась наша цѣпь—видно что-то замышляетъ...

И вдругъ... кидаетъ невидимымъ мячомъ въ сторону противника...

А тамъ, среди рѣдкихъ деревьевъ, кустовъ и всей изумрудной зелени луга, появляется откуда-то крутое-крутое бѣлое пятно... другое, третье...

Бухъ... бухъ... бухъ, бухъ, бухъ... доносится чрезъ нѣсколько секундъ.

Дымъ взовьется надъ окопами, лѣниво окутаетъ ихъ и уползетъ въ сосѣдній лѣсокъ...

А если это шрапнель, то облако ея съ минуту постоитъ въ задумчивости на мѣстѣ разрыва, а потомъ поплыветъ-поплыветъ: неторопливо проплыветъ болото, рѣчку, слегка запутавшись въ нѣсколькихъ окаймляющихъ ея вербахъ, потомъ еще болото..., доплыветъ до нашихъ позицій и ужъ надъ ними окончательно развѣется, сгинетъ въ небесной синевѣ...

Какъ бумерангъ, возвращающійся въ руки того, кто его бросилъ.

А солнце, подражая сидящимъ въ окопахъ, какъ будто тоже играетъ съ этимъ ущельемъ—въ прятушки: то разсердится на него и спрячется за тучи, то вдругъ выглянетъ и обдастъ все

такимъ сверкающимъ каскадомъ лучей, пробирающихся въ самые затаенные уголки, что кажется: вся эта спрятанная въ ущельѣ масса людей собралась здѣсь только для того, чтобы своимъ присутствіемъ и умѣньемъ еще болѣе скрасить ослѣпительную красоту природы.

Ѣду дальше, набиваю свои фурманки живымъ, человѣческимъ матеріаломъ, отправляю ихъ обратно, а самъ иду въ окопы: съ помощью ротныхъ санитаровъ набирать новую партію этого матеріала для новой партіи фурманокъ.

Тамъ—львы, уставшіе и обезсилѣвшіе, зализываютъ свои раны и отдыхаютъ...

Кое-гдѣ стонутъ, кое-гдѣ сдержанно ворчатъ, а больше—молчатъ и даже не отвѣчаютъ на вопросы: не до разговоровъ имъ.

А когда ворчатъ, то это—оправдываются за неудачу передъ собственной совѣстью, передъ своими товарищами и, главнымъ образомъ, передъ свѣжимъ человѣкомъ, который въ этихъ условіяхъ поневолѣ становится въ роль третейскаго судьи, на разрѣшеніе котораго преподносится предполагаемый, но въ воображеніи совершенно реальный споръ между подчиненными, которые защищаются, и начальствомъ, которое, возможно, будетъ обвинять...

Кто онъ, этотъ новоявленный судья, откуда,—неважно: онъ въ военной формѣ, не «штатскій», одинъ видъ котораго въ окопахъ могъ бы возбудить подозрѣніе; онъ съ ними въ этомъ дѣлѣ не участвовалъ и, главное, онъ не начальство...

Однимъ словомъ, онъ можетъ быть безпристрастнымъ, а поэтому, если зайдетъ разговоръ

и случайный вопросъ задѣнетъ, что называется, за струнку, передъ нимъ не поскупятся на краски...

— Да какъ-же это можно?...

— А его, братцы мои, ка-акъ двинетъ, такъ во всѣ стороны брызги и полетѣли...

— Ужъ не чаялъ, что и выберусь...

— А Симоновъ такъ со всѣми своими четырьмя Егоріями на проволокѣ и остался. Вѣрно, нѣмцы ужъ ободрали... Эхъ, ужъ и жальже парня! Вотъ храберъ, вотъ храберъ то былъ!...

— Они,....., ихъ такъ... на проволоку безъ ножницъ посылаютъ...

— Мы и грызли ее зубами, да что изъ этого вышло? почти въ изступленіи кричитъ надъ моимъ ухомъ прапорщикъ, переставъ обращать вниманіе на «нижнихъ чиновъ» своей роты.

А зубы его еще продолжаютъ стучать и тѣло подергиваться—мелкой, нервной дрожью...

Трудно, не прибѣгая къ приказанію,—а я не считаю себя вправѣ въ этотъ моментъ приказывать имъ—трудно среди нихъ, только что бывшихъ у проволоки и еле унесшихъ оттуда свои грѣшныя ноги, найти охотниковъ пойти со мной отыскивать ихъ менѣе счастливыхъ товарищей, оставшихся лежать тамъ—у рѣчки и за рѣчкой.....

Трудно, но, очевидно, все-таки можно: изъ угрюмой, упорно молчащей группы подымается одинъ:

— Чтожъ, нужно, вѣдь, и о нихъ подумать. Не пропадать же имъ такъ..., лаконически мотивируетъ онъ свое рѣшеніе.

Какія огромныя воронки!

С. А. Шлихтеръ изъ окоповъ осматриваетъ поле битвы, передъ выходомъ за ранеными.

И еще до рѣки нѣсколько убитыхъ. Хотя сравнительно мало: когда шли къ рѣкѣ было еще темно.

И лишь въ рѣчкѣ наступавшія части настигъ губительный для нихъ и спасительный для нѣмцевъ разсвѣтъ. Недаромъ здѣсь такая масса убитыхъ и тяжело, особенно въ голову, раненыхъ.

За рѣчкой—еще больше! А въ рѣчкѣ, подъ берегами, маленькими группами, а то и по одиночкѣ, прикурнули сѣрые комочки. Это—здоровые, дожидающіеся темноты, чтобы убраться подобру-поздорову . . .

Попробуйте-ка о чемъ нибудь попросить или что нибудь приказать имъ! Низачто не сдѣлаютъ, если не увидятъ въ васъ начальства. Да и до другихъ ли тутъ, когда съ трудомъ спасешь собственную шкуру? Явленіе обычное!

Переходимъ рѣчку въ бродъ: вотъ убитый офицеръ, вотъ трое лежатъ, обнявшись послѣднимъ страшнымъ костянымъ объятіемъ . . .

Вотъ мальчикъ, на видъ лѣтъ 15—16-ти, спитъ на боку, прикурнувъ головой на кулачокъ; въ крѣпкомъ снѣ смежились рѣсницы, полураскрыты губы, открывая рядъ мелкихъ, жемчужныхъ зубовъ, и грудь какъ-будто слегка колышется.

И снятся ему, должно быть, хорошіе сны, потому что румянецъ, переливаясь и проступая то здѣсь, то тамъ легкими пятнами, еще играетъ на его щекахъ . . .

Вотъ одинъ,—должно быть, хорошій солдатъ!—полулежитъ на крутомъ берегу, твердо опершись ногами въ дно, и обреченъ вѣчно, все съ

той же напряженностью, цѣлиться въ одну и ту же точку...

А тамъ, на скрытомъ отъ непріятеля группой раскидистыхъ вербъ небольшомъ мыскѣ, который образовала эта капризная рѣчушка своимъ извилистымъ теченіемъ,—на немъ цѣлое «пулеметное гнѣздо».

Въ разныхъ позахъ лежатъ 5—6 пулеметчиковъ, застигнутыхъ, очевидно, однимъ снарядомъ.

Около разбросаны пулеметные яшики и ленты...

Невольно вспоминается сказка о заколдованномъ замкѣ, гдѣ, волею рока, мгновенно застыли въ самыхъ разнообразныхъ позахъ, при исполненіи своихъ обязанностей, люди.

Долго будетъ длиться мертвый сонъ...

Но придетъ, наконецъ, время, говоритъ сказка, слетятъ проклятыя чары, и каждый будетъ, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжать то самое дѣло, которое дѣлалъ онъ тысячу лѣтъ тому назадъ: поваръ ощипывать цыпленка, пекарь мѣсить тѣсто, конюхъ поить лошадей....

Брожу по этому омертвѣвшему царству и, въ поискахъ живыхъ людей, наталкиваюсь на мертваго—изъ «пулеметнаго гнѣзда»: массивный, въ плечахъ косая сажень, мощь и ловкость такъ и чувствуются во всемъ тѣлѣ; большая, хотя и пропорціональная голова, съ бронзоваго цвѣта лицомъ, широкими скулами, окладистой, черной, какъ смоль, безъ малѣйшей просѣди, бородой-«лопатой» и глубоко сидящими глазами; несомнѣнно, они когда-то были хитрыми, лукавыми, эти глаза....

Онъ и въ смерти такой же «исправный» какимъ былъ, несомнѣнно, въ жизни....

Лежитъ прямо, ровно на спинѣ, съ широко, но правильно раскинутыми руками; даже «пятки вмѣстѣ, носки врозь»; все тѣло въ струнку; видъ важный и значительный,—такой, какой бываетъ у старыхъ, бывалыхъ фельдфебелей, разговаривающихъ со своимъ молодымъ начальствомъ со всѣми видимыми знаками почтенія....

А глаза, эти незабываемые глаза, открыты и прямо-прямо, строго смотрятъ въ небо....

Они что-то знаютъ, эти глаза, что-то они, несомнѣнно, разрѣшили для себя, и это, мнѣ кажется, есть вопросъ о жизни и смерти....

И рѣшеніе этого вопроса, очевидно, не такъ ужъ печально и больно, иначе не было-бы у него такого строгаго и спокойнаго вида.

Но—что, но—какъ разрѣшили?...

Обхожу со всѣхъ сторонъ, стараясь заглянуть въ бьющій передо мной философскій источникъ въ поискахъ мучащаго отвѣта, склоняюсь надъ самой головой и. ....ничего!

Весь проникаюсь сознаніемъ важности сдѣланнаго имъ, моимъ таинственнымъ незнакомцемъ, открытія....

Чувствую, что нельзя уйти отъ него, не допытавшись, какимъ угодно способомъ, сути этого открытія ...

Мучительно нужно найти отвѣтъ на вопросъ, уже столько вѣковъ мучащій человѣчество. И потому нельзя такъ, не узнавъ, бросить его, быть можетъ, единственнаго на землѣ, разрѣшившаго эту фатальную загадку....

Но онъ также неумолимо и, вмѣстѣ съ тѣмъ, загадочно строгъ, точно имѣетъ право быть такимъ строгимъ....

Смотрю впередъ: тамъ, сквозь листву деревьевъ и гущу кустовъ, просвѣчиваетъ и проглядываетъ большое вспаханное поле, покрытое сотнями сѣрыхъ, омертвѣвшихъ комочковъ, разгадавшихъ каждый по своему, мучащую меня тайну....

Случайный взглядъ направо: бр-р-р....морозъ подираетъ по кожѣ: такого отвѣта на поставленный мною всѣмъ этимъ сотнямъ вопросъ я, во всякомъ случаѣ, не ожидалъ, до того онъ омерзительно, безстыдно-откровененъ и простъ:

Представьте себѣ, что изъ большой квашни вылили на столъ тѣсто, и оно расплылось безформенной, но упругой массой...

Такая тѣстообразная масса, только безъ костей и мускуловъ, лежала въ десяти-пятнадцати шагахъ отъ меня.

Единственные признаки человѣка—погонъ съ двумя звѣздочками и всего лишь одна петличка въ шинели, случайно,—какъ-разъ съ георгіевской ленточкой.

Узнаю его по послѣднему признаку: «герой» полка, о немъ мнѣ приходилось слышать раньше...

Однако, пора и убираться: насъ двоихъ, меня и моего провожатаго, таки замѣтили и начинаютъ довольно сердито обстрѣливать изъ винтовокъ и пулемета.

Наскоро перевязываемъ нѣсколькихъ раненыхъ въ голову: только такіе здѣсь и имѣются, и.....оставляемъ,—нѣтъ ни носилокъ, ни людей, которые могли-бы помочь намъ. А тутъ еще нужно тащить ихъ черезъ рѣчку.

Бросаю послѣдній взглядъ на своего новаго знакомаго. Онъ молчитъ попрежнему, и я ухожу...

На другомъ берегу набредаемъ еще на одного «съ головой». Кстати подходятъ два удирающихъ солдатика.

— Понесите-ка его, братцы, на палатки, предлагаю имъ.

— Да стоитъ-ли, вашбродь: не жилецъ, вѣдь онъ, на бѣломъ свѣтѣ.....А тутъ еще, неровенъ часъ, замѣтятъ: обстрѣляютъ, пропадемъ ни за грошъ ни за копейку, говоритъ мой спутникъ.

Да, стоитъ-ли, въ самомъ дѣлѣ, рисковать четырьмя жизнями изъ-за одной, все равно,рано или поздно, погибшей? Стоитъ-ли, хотя-бы и во имя гуманности?.

Нѣтъ, всѣ соображенія, основанныя на чистой, но безполезной гуманности, должны, какъ шелуха отъ зерна, отлетѣть передъ этимъ мудрымъ житейскимъ разсужденіемъ....

Я не могу *сейчасъ* послѣ всего, что видѣлъ, хотя бы и во имя принципа, взять на душу всю тяжесть того, что можетъ произойти.

Прощаемся съ раненымъ, цѣлуемъ его прощальнымъ, крѣпкимъ поцѣлуемъ въ чистое отъ крови и вытекающаго понемногу мозга мѣсто лба, еле разжимаемъ безумно сильно вцѣпившіяся въ насъ руки находящагося въ бреду человѣка (какъ будто онъ можетъ сознавать, что мы уходимъ, оставляя его на произволъ судьбы!),— устраиваемъ его поудобнѣе (о, фарисейство: вѣдь онъ ничего не сознаетъ!) и уходимъ, забирая съ собой то, что можно унести, т. е. винтовки и пулеметные ящики, принесенные съ того берега.

*
* *

Слѣдующія два дня проходятъ довольно обыденно. Работа кончается на другой день, и послѣдніе раненые, а также и ротные санитары разсказываютъ, что на полѣ никого больше не осталось.

Случайно, разставляя фурманки для дежурства вблизи окоповъ, забредаемъ мы, въ числѣ трехъ человѣкъ, въ землянку батальоннаго командира сосѣдняго, лѣво-фланговаго полка и узнаемъ, что въ ближайшую ночь у нихъ назначена развѣдка.

Построеніе и заданіе этой развѣдки слѣдующія: команда развѣдчиковъ и рота, данная ей на подмогу, все подъ начальствомъ офицера, отправляются къ рѣчкѣ Сервечъ.

Рота остается у рѣчки, а команда развѣдываетъ мѣстность до германскихъ окоповъ. Если все обстоитъ благополучно, вызываютъ роту, она перескакиваетъ черезъ развѣдчиковъ и, подкравшись къ окопамъ противника, бросается въ штыки и занимаетъ часть окоповъ.

Подъ прикрытіемъ роты развѣдчики обслѣдуютъ мѣстность позавчерашняго боя, подбираютъ раненыхъ и оружіе....

Затѣмъ всѣ отходятъ обратно.

Исполненіе вышло, однако, далеко не такимъ обширнымъ, какъ заданіе: еще не доходя рѣчки, подбираемъ мы нѣсколькихъ застрявшихъ въ болотѣ раненыхъ, въ томъ числѣ одного слѣпого и штукъ 5—6 винтовокъ.

А затѣмъ часть развѣдчиковъ и трое насъ подходимъ почти къ самой проволокѣ и детально

обслѣдуемъ всю мѣстность: и наскоро выкопанные во время боя ямки-окопы и деревню, зады которой окутаны нѣмецкой проволокой.

Обслѣдуемъ внутренность стодоловъ, халупъ, гдѣ это возможно,—съ электрическими фонариками. Пусто. Ни нашихъ раненыхъ, ни нѣмцевъ...

Какъ вдругъ, подходя къ одной халупѣ, слышу легкое, несомнѣнно, невольное восклицаніе и вижу притаившагося за угломъ товарища.

Въ чемъ дѣло?

Оказывается, онъ увидѣлъ высунувшуюся изъ полуотвореннаго окна халупы винтовку и потащилъ ее за штыкъ....

Въ халупѣ что-то зашевелилось...

За стѣнкой этой же халупы устраиваемъ импровизированный военный совѣтъ, и «старшій» изъ развѣдчиковъ сообщаетъ, что халупа, по его приказанію, «атакована» съ задняго хода, дабы содержимое ея не могло выскользнуть незамѣтно...

Входимъ съ большими предосторожностями и видимъ...мелькнувшій по лѣстницѣ метеоромъ кончикъ хвоста. Кошка... Очевидно, успѣла одичать зя долгое пребываніе свое въ полномъ одиночествѣ или, въ лучшемъ случаѣ, въ сообществѣ себѣ подобныхъ, и поэтому, при нашемъ появленіи, мгновенно скрылась на чердакѣ.

Все это, конечно, очень забавно пока, но, кто знаетъ, что будетъ впереди и не пора-ли подумать о возвращеніи домой: до деревни дошло насъ всего человѣкъ 6—7, а черезъ нѣсколько халупъ отъ насъ начинаетъ предательски мигать огонекъ, и слышатся подозрительные звуки.

Роту вызывать не стоитъ, такъ какъ дѣлать здѣсь, собственно говоря, нечего: раненыхъ нѣтъ, а нѣсколько штукъ винтовокъ легко унесемъ и мы.

На томъ развѣдка и кончается. Мы отходимъ, послав сказать ротѣ, чтобы она тоже отходила...

И чѣмъ болѣе увеличивается разстояніе между нами и деревней, тѣмъ все нахальнѣе, уже не мигая, свѣтится въ ней огонекъ...

Нѣмцы успокоились!..

*
* *

Развѣдка эта, невинная по своимъ результатамъ, вполнѣ успокаиваетъ насъ въ томъ смыслѣ, что раненыхъ на нѣмецкой сторонѣ рѣки не осталось. Разъ ихъ не осталось на участкѣ того полка, гдѣ была развѣдка, значитъ, думаемъ мы по аналогіи, нѣтъ и на другихъ участкахъ.

Это заключеніе, какъ и многія другія, сдѣланныя по аналогіи, оказывается ложнымъ. Громомъ въ ясную погоду является для насъ принесенное развѣдчиками нашего полка извѣстіе, что на участкѣ полка, у нѣмецкой проволоки, остались раненые.

Достать ихъ путемъ развѣдки, какъ это мы пробовали въ сосѣднемъ полку, невозможно: нѣмцы черезчуръ насторожились на этомъ участкѣ, и условія мѣстности—открытое, чистое поле,—таковы, что работа санитаровъ, хотя бы и ночью, не можетъ пройти незамѣченной.

Тутъ-то командиру полка приходитъ въ голову настолько же счастливая, насколько и оригинальная мысль—послать санитаровъ къ нѣмецкимъ окопамъ днемъ съ флагомъ Краснаго Креста.

Мысль эта вполнѣ оригинальна, потому что ни у кого изъ насъ нѣтъ на памяти случая, который могъ бы служить прецедентомъ. Къ тому же, хотя мы тамъ, на фронтѣ, и мало вѣримъ газетамъ, но черезчуръ ужъ настойчиво трубятъ онѣ о нѣмецкихъ звѣрствахъ и о преступленіяхъ противъ Краснаго Креста.

Поэтому предполагаемое предпріятіе считается весьма рискованнымъ, и командиръ даже не рѣшается предложить намъ принять въ немъ участіе.

Мы узнаемъ объ этой затѣѣ почти случайно, стороной,—черезъ адъютанта полка, и съ этого момента организація экспедиціи и главная роль въ ней переходятъ въ наши руки.

Спѣшно заготовляются сумки съ перевязочнымъ матеріаломъ, фляжки съ водой, носилки и проч.; сестры на скорую руку сшиваютъ большіе флаги...

Въ обозѣ тоже суета: запрягаютъ фурманки для будущихъ раненыхъ.

Наконецъ, готово! Выступаемъ пѣшимъ порядкомъ (до окоповъ всего версты $1\frac{1}{2}$), сопровождаемые завистливыми взглядами остающихся. По дорогѣ вырабатываемъ планъ дѣйствій, заключающійся въ томъ, чтобы послать впередъ только троихъ, такъ какъ совершенно излишне подвергать риску 14 человѣкъ (семеро изъ летучки и семь полковыхъ санитаровъ). Тѣмъ болѣе излишне, что эти трое никогда не опоздаютъ вызвать изъ окоповъ остальныхъ, если нѣмцы отнесутся къ нимъ благожелательно.

Происходитъ небольшое соревнованіе при рѣшеніи вопроса о томъ, кому идти въ числѣ трехъ,

но, въ концѣ концовъ это предоставляется содружеству, извѣстному подъ именемъ «троицы единосущной и нераздѣльной».

— Шагомъ маршъ! раздается команда, и мы трое въ ногу, твердо, въ одну линію, неся передъ собой флаги на длинныхъ шестахъ, спускаемся изъ окоповъ на дорогу, соединяющую наши окопы съ нѣмецкими по прямой линіи. Предварительно прощаемся съ остающимися: на всякій случай.

— Дѣлайте видъ, что вамъ трудно перелѣзать черезъ проволоку! кричатъ сзади, и мы аккуратно исполняемъ этотъ совѣтъ, неестественно высоко задирая ноги и повисая на невидимыхъ нитяхъ между колками, на которые еще не успѣли нятянуть проволоку.

Еще нѣсколько десятковъ шаговъ, и взглядъ назадъ, въ свои окопы, откуда (непривычная въ этой обстановкѣ картинка тыла) машутъ намъ бѣлыми платочками.

А потомъ—все устремленіе впередъ, и связь съ нашими окопами какъ будто перерублена.

Дорога ровная и гладкая, и на концѣ ея, въ верстѣ, великолѣпно виденъ «нѣмецкій» фольваркъ. Нѣмцы, несомнѣнно, уже замѣтили, и поэтому нужно держать себя, какъ на парадѣ: идемъ въ атаку на нѣмецкіе окопы...

Только вотъ почему, по какимъ соображеніямъ они не стрѣляютъ? Потому ли, что вообще не намѣрены препятствовать намъ, или же потому, что хотятъ подпустить ближе и бить безъ промаха? Или, наконецъ взять въ плѣнъ?

«Если будутъ стрѣлять, то не удирать, а лечь на землю и махать флагами надъ головой»—уславливаемся.

Вотъ жаль только, что не захватили лопатокъ! А то можно было-бы, въ случаѣ чего, и окопаться....

Какой чудный,—не солнечный, но насквозь пропитанный свѣтомъ, сверкающій день! И какое чудное, совершенно непередаваемое настроеніе!

Какъ пріятно идти во весь ростъ (а не согнувшись въ три погибели, какъ на развѣдкѣ), идти и каждымъ атомомъ существа своего сознавать правоту нашего дѣла! Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ ожидать тамъ?

Есть три возможности—ихъ я уже перечислялъ, и самая худшая изъ нихъ, несомнѣнно, плѣнъ.. ...

Нѣтъ, нѣтъ, только бы не это!... Такъ безславно, такъ позорно быть обманутыми на глазахъ у всѣхъ, и у нашихъ, которые напряженно смотрятъ сейчасъ за нами. Стоять истуканомъ и ждать, пока подойдутъ и возьмутъ тебя, не имѣющаго даже возможности и права сопротивляться! Что можетъ быть хуже этого?...

Нѣтъ лучше смерть: они, если ужъ будутъ стрѣлять, то безъ промаха, чисто..

Вотъ направо развалины нашего (т. е. находящагося на нашей сторонѣ рѣки) фольварка. Отъ него дорога идетъ подъ гору (тутъ мы невольно ускоряемъ шагъ) и, немного выровнявшись, подходитъ къ водяной мельницѣ на самой рѣкѣ. Вѣрнѣе, къ тому, что сравнительно недавно было водяной мельницей. ..

Теперь же верхній настилъ весь разрушенъ, сгорѣлъ, во всѣ стороны торчатъ обгорѣлые, черные концы раскиданныхъ балокъ, и вода съ тихимъ журчаніемъ, безпрепятственно перекатывается по отдѣльнымъ уцѣлѣвшимъ мѣстамъ нижняго настила.

А вотъ направо бродъ. Очевидно, имъ пользовались во время боя, такъ какъ около него, и по ту и по другую сторону рѣки лежатъ нѣсколько убитыхъ и разбросаны въ безпорядкѣ самыя разнообразныя солдатскія вещи. Условливаемся къ этому броду таскать раненыхъ, такъ какъ черезъ мельницу ихъ не перетащишь, а сами переходимъ рѣчку по мельницѣ. Нѣсколько рискованныхъ прыжковъ, и мы уже на той сторонѣ рѣки—у нѣмцевъ. И прямо на насъ уставился бѣлыми колоннами своей массивной ограды «нѣмецкій» фольваркъ.

Когда выходишь на сцену и передъ тобой взвивается занавѣсъ, спасти себя можно только однимъ способомъ: нужно имѣть мужество немедленно, не растерявшись, твердо заглянуть въ раскрывшуюся передъ твоими ногами черную бездну, заглянуть въ тысячи глазъ того ужаснаго чудовища, имя которому—публика! И тогда все есть и будетъ хорошо!

Такъ и мы, едва ступили на нѣмецкую землю и узрѣли передъ собой мрачный таинственный фольваркъ, съ его массой строеній, съ его огромнымъ, вѣковымъ паркомъ, мы имѣли мужество заглянуть въ самую глубь этого фольварка И послѣ этого никакіе нѣмецкіе страхи не были страшны намъ.

Свертываемъ съ дороги и забираемъ влѣво, обходя фольваркъ и направляясь къ окопамъ. Онъ уже весь окутанъ проволокой, и, очевидно, сила нашего удара была направлена не на него.

Но что это мелькнуло и моментально скрылось тамъ, за толстымъ деревомъ, на окраинѣ парка?

Э, да это секретъ!

Относительно окоповъ мы съ ними теперь на одной линіи. И начинается игра въ прятушки, гдѣ ловимъ какъ будто бы мы, а прячутся они: стоитъ повернуть голову въ сторону фольварка, какъ высунувшіяся головы въ остроконечныхъ каскахъ автоматически отскакиваютъ за деревья. А если осторожно скосишь глаза, то видишь, какъ съ каждой секундой все болѣе и болѣе «накапливаются» силы въ ближайшемъ къ намъ концѣ фольварка: изъ окоповъ украдкой, одна за другой, перебѣгаютъ въ секретъ сѣро-зеленыя фигурки.

И, будто мы являемся магнитомъ, неодолимо притягивающимъ къ себѣ эту накапливающуюся тамъ массу, она, по мѣрѣ нашего движенія, стекается въ самый близкій къ намъ въ каждый данный моментъ выступъ ограды.

И тутъ на нѣсколько секундъ измѣняетъ намъ спокойствіе:

«Господи, неужели плѣнъ.? шепчутъ невольно уста.

Хочется бросить флагъ и удрать...

Но только на нѣсколько секундъ: будь, что будетъ! Во всякомъ случаѣ, не нужно дать имъ хотя бы замѣтить наше колебаніе, потому что это можетъ погубить все дѣло.

Идемъ дальше и вступаемъ, наконецъ, въ полосу невѣдомаго, страшнаго *мертваго поля*.

Но почему окружающая обстановка такъ странно знакома? Взглядъ налѣво объясняетъ мнѣ эту загадку. Даже удивляюсь, какъ могъ я не узнать раньше. Да, вѣдь, вонъ, рукой подать, тотъ самый мысокъ, на которомъ и около котораго бродилъ я въ памятный день боя. А поле, на которомъ мы стоимъ сейчасъ,—это, вѣдь, то самое поле, на которое украдкой смотрѣлъ я тогда сквозь гущу кустовъ.

Все вспоминается, все!.. И сѣрые комочки—живые и мертвые, и пулеметчикъ, и общее, необычайно яркое впечатлѣніе: видъ людей, врасплохъ застигнутыхъ въ самый разгаръ ихъ повседневнаго дѣла... Точно заколдованныхъ злымъ волшебникомъ... Точно въ сказкѣ!....

И продолженіе той-же сказки невольно приходитъ на умъ: вѣдь ихъ, заколдованныхъ, расколдовали-же, наконецъ... Правда, много-много лѣтъ прошло до этого! Но развѣ не безконечно долго тянулись и эти $3^1/_2$ дня для тѣхъ, кто безъ воды въ холодныя ночи на болотѣ пролежалъ ихъ?

Почемъ знать, быть можетъ въ нашихъ рукахъ та магическая палочка, съ помощью которой можно снимать заклятія, та живая вода, которая даже мертвыхъ возвращаетъ къ жизни?..

Вонъ группа изъ трехъ неподвижно лежащихъ тѣлъ... У одного изъ нихъ какъ-то странно, неестественно странно, виситъ надъ глазами рука, точно онъ былъ убитъ въ тотъ самый моментъ, когда что-то подсматривалъ украдкой.

И неужели это сонъ,—до того реальный, что онъ похожъ на дѣйствительность? Мнѣ показалось, что лежащій вонъ тамъ, направо, слегка шевельнулъ ногой...

Подходимъ къ первому...

Неожиданно откидывается рука, приподымается голова, и, полные мистическаго ужаса, глаза устремлены на насъ... О, они давно уже слѣдятъ за нами, эти глаза, и мнимый «мертвецъ» этотъ замѣтилъ насъ еще тогда, когда мы подходили къ секрету...

— Онъ живъ! вырывается у моего товарища.

Еще большее недоумѣніе, недовѣріе къ своимъ чувствамъ и еще большій ужасъ отражаются въ глазахъ «мертвеца».

— Кто вы? Неужели не нѣмцы? еле шепчутъ запекшіяся уста

Для этого человѣка нѣтъ уже средины: онъ раскрылъ передъ нами свои карты. Либо безумная удача, неслыханное счастье, либо... вѣроломный ударъ и—конецъ. Немудрено, что онъ отказывается вѣрить самому себѣ!..

— Нѣтъ, нѣтъ, голубчикъ, мы свои!

— Да какъ же вы попали сюда и кто вы? угадываемъ мы по движенію губъ.

— Мы свои, свои и пришли мы за вами!

И этотъ трупъ начинаетъ оживать и немного вѣритъ въ возможность своего спасенія. И какъ результатъ этого духовнаго «воскресенія изъ мертвыхъ», вопль...

Не истерическій только потому, что онъ отвыкъ говорить человѣческимъ голосомъ въ этой, въ полномъ смыслѣ слова, «долинѣ смерти». Да и какъ было не отвыкнуть, когда днемъ поле

должно было быть безмолвнымъ и мертвымъ, какъ пустыня: всѣ они, мнимые, должны были изображать настоящіе трупы; а ночью, если и оживало поле, то страшными для нихъ звуками: затаивъ дыханіе, напряженно прислушивались они къ шагамъ и разговорамъ рыскавшихъ около «нѣмецкихъ волковъ»—развѣдчиковъ, мысленно каждую секунду прощаясь съ жизнью...

Страшна, вѣдь, не сама смерть, страшно ожиданіе смерти. И насколько, съ этой точки зрѣнія, несправедлива пословица: «двумъ смертямъ не бывать, а одной не миновать»! Нѣтъ, не одну смерть пережили они, а безчисленное множество ихъ, столько, сколько было коротки́хъ мгновеній въ этихъ безконечно-долгихъ $3^1/_2$ дняхъ. И поэтому-то, въ концѣ концовъ, примирились они съ своей судьбой и съ нетерпѣніемъ ждали неизбѣжнаго конца, хотя бы онъ пришелъ и въ образѣ нѣмца..

Но, переживъ и перечувствовавъ такъ *много* смертей, отъ *одной* смерти они все-таки убѣжали...

Свершилось чудо-чудное, душевный переворотъ совершенно неописуемый!

— Голубчики, милые, не оставьте, возьмите, Христа ради!..

Возвращеніе къ прошлому, когда надежда пробудилась, когда переворотъ совершился, невозможно... И поэтому—стонъ, еле слышный для нашихъ ушей, но въ сердцахъ нашихъ отдавшійся совершенно непередаваемымъ, истерическимъ воплемъ...

Хочешь сдѣлать шагъ въ сторону—руки, цѣпляющіяся за сапоги, за одежду—не пускаютъ...

— Да я вернусь сію минуту!

— Нѣтъ, ужъ ты не уходи, не оставляй ужъ; сдѣлай милость, возьми съ собой!

Все кажется имъ, что, разъ переставъ непосредственно осязать это слетѣвшее съ небесъ счастье, они навсегда уже потеряютъ его...

Двое изъ насъ съ помощью третьяго взваливаемъ себѣ на спину по раненому и тащимъ къ рѣчкѣ, гдѣ, какъ было заранѣе условлено, ихъ должны поджидать полковые санитары съ носилками.

Ноша и сама по себѣ довольно тяжелая, и до рѣчки далеко, а тутъ еще раны мѣшаютъ взяться, какъ слѣдуетъ. Поэтому не до нѣмцевъ. Съ остатками жути идемъ мимо въ упоръ на насъ выставленныхъ винтовскъ и уже не до игры въ «прятушки». Но тѣмъ, видимо, любопытно: изъ-за всѣхъ ближайшихъ къ намъ деревьевъ высунулось по глазку.

Это, такъ сказать, окончательный экзаменъ на нѣмецкую лояльность. Послѣ этого ясно, что они намъ препятствовать не будутъ.

Доношу раненаго до брода, складываю его тамъ и взбираюсь на мельницу. Шагахъ въ 100 отъ нея, вдоль дороги, крадется группа людей. Они еще не знаютъ, какъ насъ приняли...

Становлюсь на самое высокое мѣсто и машу флагомъ по направленію къ себѣ:

— Можно, давайте носилки!

Минутъ черезъ 10—15 послѣ этого момента и начинается правильная работа на полѣ. Наша публика работаетъ на нѣмецкой сторонѣ рѣки и сноситъ раненыхъ къ рѣчкѣ, а тамъ принимаютъ ихъ санитары.

Отправляюсь обратно къ оставленному коллегѣ. Его флагъ, оказывается, уже развивается гордо на срединѣ поля, а самъ онъ съ побѣдоноснымъ видомъ разгуливаетъ передъ окопами, отыскивая раненыхъ.

Вдвоемъ съ нимъ мы обслѣдуемъ лѣвый флангъ поля и доходимъ до той самой деревни, гдѣ прошлой ночью были на развѣдкѣ. Пусто. Возвращаясь же обратно, подходимъ еще ближе къ окопамъ.

Вонъ какой-то сѣрый комочекъ неподвижно лежитъ подъ самой проволокой въ углубленіи межи. Не раненый ли? И впрямь! Но этотъ до того ослабъ, до того разбитъ душевно и физически, что ни наше приближеніе, ни наша «магическая палочка» не оказываютъ на него хоть сколько-нибудь замѣтнаго вліянія. Нимало не изумившись нашему появленію, какъ будто онъ нисколько не сомнѣвался, что мы за нимъ должны притти, онъ покорно переползаетъ на подложенную ему палатку. Мы же беремъ палатку—этотъ четыреугольный кусокъ полотна—за углы и относимъ его шаговъ на 100 отъ проволоки. Нести неудобно, приходится дѣлать передышки, и по дорогѣ онъ успѣваетъ немного притти въ себя и разсказываетъ намъ свои $3^1/_2$ дня: ночью все время слышалъ голоса, въ непосредственной близости ходили, чуть не наступали, люди...

Иногда останавливались около, тогда просилъ приколоть или застрѣлить... не слушали, уходили.

А днемъ, сбившись въ комокъ, слушалъ свистъ пуль надъ собой—и нашихъ, и непріятельскихъ...

Не хватаетъ силъ отнести его далеко... Кладемъ, возвращаемся за другимъ, лежащимъ неподалеку. Относимъ его къ первому.

Неожиданно оживаетъ еще и третій мертвецъ и подползаетъ къ намъ.

— Куда раненъ?

И мы уже собираемся взяться за него...

— Такъ что не раненъ вашбродь, боленъ... ?!...

Должно быть, черезчуръ большое удивленіе отразилось на нашихъ лицахъ, потому что онъ спѣшитъ добавить:

— Голова болитъ

— Почему же ты не ушелъ отсюда раньше?.

Молчаніе...

Лишь послѣ долгихъ разспросовъ убѣждаемся, что это, дѣйствительно, не раненый, но пережившій черезчуръ сильное нервное потрясеніе человѣкъ. Остался лежать послѣ какой-нибудь атаки и свои $3^1/_2$ дня провелъ среди мертвецовъ и въ качествѣ мертвеца..

Теперь присутствіе живыхъ людей, къ тому же разгуливающихъ совершенно свободно, возвращаетъ ему сознаніе и присутствіе духа. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ какъ-будто начинаетъ чувствовать себя виноватымъ за то, что столько времени провелъ въ такомъ безполезнымъ занятіи, старается подслужиться и оправдывается:

— Никакъ уйти нельзя было: чуть двинешься, начинаютъ стрѣлять.

— Ну, а ночью?

— Не зналъ, въ какую сторону итти, вашбродь!

— Ну, вотъ что, дружище! Видишь ты лю-

дей вонъ тамъ, на рѣчкѣ? Такъ отправляйся туда и скажи имъ, чтобы они пришли сюда съ носилками забрать раненыхъ.

— Слушаю-съ!

Получивъ способность двигаться, онъ радъ теперь какому угодно поводу, лишь-бы скрыться съ нашихъ глазъ!..

Бѣдняга! Развѣ онъ виноватъ, что слабъ духомъ? А, представляю себѣ, какъ просмѣютъ его товарищи и какой выговоръ достанется ему отъ «ротнаго», когда онъ вернется въ окопы и всѣ догадаются о причинѣ его, столь длительнаго, отсутствія!..

Онъ уходитъ исполнять наше порученіе, а мы снова отправляемся къ проволокѣ поискать, нѣтъ ли тамъ еще кого нибудь...

Надъ окопами буквально черно; толпами высыпали нѣмцы—до окоповъ шаговъ 50-60 не больше. Оглядываемся на свои окопы—тамъ по желтой насыпи тоже разбросаны еле замѣтныя точечки...

Но вотъ четыре человѣка съ носилками вылѣзаютъ за окопы и стараются перелѣзть черезъ проволоку, что имъ, въ концѣ концовъ, и удается... Усилія, употребляемыя ими при этомъ, настолько не соотвѣтствуютъ тощему виду проволоки, что такъ и хочется крикнуть имъ:

— Не стоитъ трудиться понапрасну!.. Вѣдь насъ-то не надуешь!..

Эти четверо направляются къ лежащему невдалекѣ отъ насъ убитому германцу. Очевидно, часовой изъ секрета; услыхавъ приближеніе атаки, побѣжалъ въ свои окопы и уже у самой цѣ-

ли, у проволоки, былъ настигнутъ пулей, быть можетъ, даже своей, нѣмецкой . . .

Хотя вполнѣ возможно, что это дѣло нашихъ развѣдчиковъ, уничтожавшихъ дозоры передъ атакой . . .

Одновременно съ ними всѣ манипуляціи продѣлываетъ и пятый, направляющійся затѣмъ къ намъ. Изъ разговора съ нимъ выясняется, что нѣмцамъ не особенно понравились наши, черезчуръ нахальныя, прогулки, у самой проволоки, и они рѣшили поставить намъ нѣкоторыя границы, а также и опредѣлить вообще условія, на которыхъ они допускаютъ нашу работу на полѣ.

Условія эти слѣдующія:

1. Работающіе не имѣютъ права подходить къ проволокѣ ближе межи, находящейся шагахъ въ 100 отъ проволочныхъ загражденій. Всѣ раненые, лежащіе въ этой зонѣ будутъ вынесены ими, германцами. Всѣ трупы въ этой зонѣ будутъ закопаны ими же. Намъ предоставляется право принести крестъ, который они и поставятъ надъ могилой русскихъ солдатъ.

2 На всю уборку и закапываніе труповъ дается 2 часа, начиная съ этого момента. По истеченіи 2-хъ часовъ будетъ данъ сигнальный выстрѣлъ, а черезъ 5 минутъ послѣ этого они откроютъ огонь.

3. Не брать оружія.

Каковы бы ни были поставленныя намъ условія, ихъ все равно пришлось-бы принимать. Эти же условія были настолько же милостивы, насколько и категоричны.

Къ счастью, намъ удалось какъ разъ во время вытащить послѣднихъ двухъ человѣкъ изъ

ставшей теперь запретной полосы, и живыхъ на ней, и на взглядъ и по заявленію германскихъ санитаровъ и солдатъ, больше не осталось. Опоздай мы на нѣсколько минутъ, и этихъ двоихъ унесли-бы въ совсѣмъ противоположную сторону. И,—вторая счастливая случайность,—положили мы ихъ въ 2-3 шагахъ отъ межи, но уже по другую ея сторону.

— Вы даете намъ слово подобрать раненыхъ, если таковые все же скажутся у васъ? спрашиваю я германца-фельдшера.

Онъ даже обижается...

— Мы всегда подбираемъ раненыхъ, если только русскіе даютъ возможность работать нашимъ санитарамъ!

Нѣмецъ вызываетъ рабочихъ изъ окоповъ, и они начинаютъ рыть могилу недалеко отъ насъ.

Мы тоже подзываемъ случившагося поблизости санитара и посылаемъ его въ окопы съ просьбой прислать рабочихъ съ лопатами. Сами остаемся на мѣстѣ и роемъ небольшую братскую могилу—маленькими солдатскими лопатками, валявшимися тутъ же.

Вскорѣ подходитъ пом. уполномоченнаго Я. М. Шефтель справиться, какъ у насъ дѣла. Отъ него мы узнаемъ, что направо отъ насъ былъ тоже разговоръ съ германскими фельдшерами. Тѣ категорически заявили, что ночью «убирали всѣхъ раненыхъ, заявлявшихъ о себѣ».

Впрочемъ, не ручались за молодыхъ солдатъ, которые могли и пройти мимо раненаго, не обращая на него вниманія...

— Днемъ же, говорили они, намъ не позволяли работать ваши же, русскіе, стрѣляющіе по нашимъ санитарамъ.

Появляются наши рабочіе, и въ разныхъ концахъ поля закипаетъ работа: роютъ нѣсколько братскихъ могилъ, при чемъ надъ двумя могилами наши работаютъ совмѣстно съ нѣмцами. Мы доканчиваемъ свою могилу.

Уфъ какъ жарко! Сняли пояса, верхнія рубахи,—устроились совсѣмъ по домашнему, и все же во рту настоящее пекло. И это послѣ всего лишь 1½-2 часовъ! Что же должны были пережить эти несчастные за 3½ дня? ... Недаромъ они такъ молили насъ о водѣ!

Набираю побольше фляжекъ и иду за водой, оставивъ и поясъ, и рубаху на попеченіи товарищей.

Но какъ быть? Берегъ крутой и высокій, рукой до воды никакъ не достанешь, не рискуя опрокинуться въ рѣку. А въ этомъ мѣстѣ она достаточно глубока.

На счастье, нащупываю въ карманѣ ножницы, которыя взялъ у одного раненаго для срѣзанія вещевыхъ мѣшковъ со спины (снимать мѣшокъ съ плечъ больно, а тащить его съ мѣшкомъ и тяжело и неудобно), отрѣзаю нѣсколько лентъ отъ валяющихся поблизости мѣшковъ связываю ихъ, подвязываю къ котелку и такимъ способомъ набираю воды во всѣ посудины.

А теперь можно и самому напиться, и я поднимаюсь съ колѣнъ. Но что это? Почти напротивъ меня, на другомъ такомъ же крутомъ и высокомъ берегу, на маленькомъ приступочкѣ надъ самымъ обрывомъ сидитъ въ задумчивой позѣ

человѣкъ безъ шапки и шинели. Подперши голову рукой, онъ, какъ будто, смотритъ въ воду и всецѣло погруженъ въ свои думы. Но положеніе его на берегу самое опасное: одно лишь неосторожное движеніе, точка опоры потеряна, и онъ въ водѣ...

— Эй, кто тамъ? вы упадете!... кричу ему.

Голова немного приподымается, взглядъ, какъ будто въ пустое пространство,—пустой и ничего не видящій, и голова снова падаетъ на сложенныя на колѣняхъ руки.

Нѣтъ, это не нашъ, не санитаръ. успѣваю все же замѣтить я.

Но тогда кто же? Бросаю всѣ свои котелки, ищу мѣста, гдѣ, хотя бы и съ трудомъ, можно перейти въ бродъ, перебравшись бросаюсь къ нему...

Но мои опасенія напрасны: они ни на іоту не измѣнилъ своей позы отдыхающаго человѣка. И если-бы не эта обстановка, въ которой не можетъ быть рѣчи о какомъ бы то ни было отдыхѣ, а встрѣть я его въ такой же позѣ гдѣ нибудь въ хорошемъ помѣщичьемъ имѣніи, у меня ни на минуту не было бы сомнѣнія въ томъ, что этотъ человѣкъ пришелъ отдохнуть и немного пофилософствовать на берегъ тихой, уютной рѣчки вдали отъ «шумнаго свѣта».

Но тѣмъ удивительнѣе такая поза теперь, здѣсь!

Подбѣгаю къ нему: подпрапорщикъ съ Георгіями.

— Голубчикъ мой, вы ранены, контужены, что съ вами?

— А?...

И снова голова виснетъ на руки...

Стараюсь приподнять его, оттащить отъ опасной кручи .. Безсильная, безвольная, безумно тяжелая масса виснетъ на моихъ рукахъ, какъ будто даже противится моимъ усиліямъ и еще далѣе съѣзжаетъ съ берега.

— Да я же свой, свой, не нѣмецъ, не бойся меня!....

— А? Что? Знаю, знаю! бормочетъ онъ и снова въ полуобморочномъ состояніи, вывести изъ котораго вновь его можно лишь особенно рѣзкимъ возгласомъ или движеніемъ...

Магическая палочка или потеряла свою силу или вообще не имѣла ея противъ такого рода чаръ...

Что дѣлать? Въ полномъ отчаяніи стою около него, одновременно и безсильный что-либо сдѣлать съ нимъ и боясь оставить его хоть на одно мгновеніе...

Хотя послѣднее, быть можетъ, напрасно: вѣдь онъ свои $3^1/_2$ дня цѣликомъ провелъ, навѣрное, въ одной позѣ, въ которой я засталъ его.....

На счастье, сравнительно невдалекѣ проходятъ два санитара съ носилками. Моя бѣлая (вѣрнѣе, темно-сѣрая) нижняя рубашка отнюдь не внушаетъ имъ почтенія ко мнѣ, и они не особенно торопятся итти на мой зовъ. Но нѣсколько энергичныхъ выраженій мигомъ раскрываютъ имъ глаза на мою персону, и вотъ они уже возлѣ меня...

— Какъ фамилія? Какой роты?..... Вотъ сдаю на ваше попеченіе подпрапорщика. Смотрите же у меня!..

Втроемъ едва укладываемъ сопротивляющагося намъ человѣка на носилки, и они уходятъ.

Но этотъ случай наталкиваетъ меня на мысль поискать, нѣтъ ли въ этомъ районѣ еще забытыхъ людей. Снова перебираюсь на тотъ берегъ уже въ другомъ мѣстѣ, и сразу натыкаюсь на группу убитыхъ... Кто безъ руки, кто безъ ноги... Вотъ возлѣ разбитой головы съ вытекшимъ мозгомъ валяется изрядный кусокъ добраго малороссійскаго сала... Бѣднягѣ такъ и не удалось полакомиться!

Инстинктъ наталкиваетъ меня на одного изъ нихъ. Наклоняюсь надъ нимъ и трогаю за плечо. Слабый стонъ, и рукою «мертвецъ» прикрываетъ себѣ лицо, какъ-бы въ предохраненіе отъ ожидаемаго удара...

Хочется встать во весь ростъ и громко, сильно крикнуть въ пространство отъ непередаваемаго чувства, переполняющаго грудь. Крикнуть:

— Радуйтесь: еще одинъ воскресъ изъ мертвыхъ!..

Стереотипное заявленіе съ моей стороны:

— Не бойся, я свой!

И стереотипный же взглядъ его: взглядъ почти мистическаго ужаса, точно я какое-то существо съ того свѣта.

Впрочемъ, оно и понятно: помню, какъ во время поѣздки по далекому, забытому Туруханскому краю, вдоль Енисея, во время остановки на «станкѣ», разговорился я съ однимъ крестьяниномъ. Разговоръ зашелъ о богатомъ купцѣ изъ пришлыхъ, разбогатѣвшемъ уже въ Туруханскѣ.

— А откуда онъ пріѣхалъ? спрашиваю.

— Сверху!

Далеко не сразу догадался я, что это «сверху» значило съ верховьевъ рѣки, т. е. изъ того невѣдомаго, какого то потусторонняго міра. Всѣ блага жизни исходятъ оттуда, но самъ онъ— не поддающаяся разгадкѣ тайна...

Такъ и тутъ. Мудрено-ли, что человѣку, только и ждавшему, что вѣстей съ того берега и за 3½ дня своего ожиданія успѣвшему извѣриться въ возможность своего спасенія, человѣку, за это время говорившему только съ самимъ собой, всякій, пришедшій, наконецъ, съ *того берега* кажется существомъ изъ *того міра.*

— Пить! первое его слово, когда онъ убѣждается, что я «свой».

И вода изъ моей фляжки неожиданно оказывается «живой водой»; онъ пріобрѣтаетъ способность говорить.

— Ты гдѣ былъ раненъ?

— Да отсюда шаговъ за 200, вашбродь, Вотъ доползъ сюда, думалъ, подберутъ. Да днемъ ползти-то нельзя было: чуть пошевельнешься, стрѣлять начинаютъ нѣмцы. А тутъ ужъ силъ не хватило... Лежалъ, лежалъ, думалъ: хоть бы ужъ помереть скорѣе... А тутъ вдругъ шаги услыхалъ... Удивился только, что днемъ: «они» все ночью ходятъ... Ну, даже и глазъ не открывалъ: сейчасъ, думаю, конецъ придетъ... Анъ, это ты оказался!

Въ разсказѣ его, при обращеніяхъ ко мнѣ, все время путаются: «ты, голубчикъ!» и «вы, вашбродь!»

«Ты»—это, такъ сказать, крикъ души, неудержимая потребность высказать свою благодарность «спасителю», а это русскому солдату

никакъ невозможно сдѣлать съ сухимъ оффиціальнымъ «вы».

«Вы» же—это начинающееся уже пробуждаться, даже въ этой обстановкѣ, сознаніе дисциплины.

Впрочемъ, послѣднее, по вполнѣ понятнымъ причинамъ, гораздо рѣже...

И этотъ не отпускаетъ меня до тѣхъ поръ, пока къ намъ не подходятъ санитары съ носилками...

Иду вдоль рѣчки до того мѣста, гдѣ переправлялись мы наканунѣ съ развѣдкой.

По дорогѣ уже внимательно ищу въ зарослях не ожидая, чтобы меня окликнули, и нахожу еще двоихъ раненыхъ и одного убитаго офицера. У послѣдняго необыкновенное ухо: эпидермисъ его вздулся и образовалъ большое, но прозрачное яблоко....

Изъ раненыхъ одинъ, оказывается, имѣлъ еще силы подползти къ самой рѣкѣ и вечерами спускаться къ ней пить воду, но не могъ уже перебраться на ту сторону..

Ну, теперь все кончено. Можно съ увѣренностью сказать самому себѣ, что раненыхъ здѣсь больше не осталось.

Еще разъ наполняю свои расплескавшіеся котелки и иду къ своимъ. Но и тамъ уже все кончено. Навстрѣчу мнѣ мои два пріятеля несутъ рубашку и поясъ.

Пока они съ жадностью глотаютъ воду, я одѣваюсь. Затѣмъ садимся покурить и поболтать ногами отъ бездѣлья, съ сознаніемъ оконченной работы, съ самымъ безпечнымъ видомъ.

поглядываемъ на нѣмцевъ надъ окопами, а въ душѣ немного пріятно «подразнить» ихъ.

Папироски выкурены,—и во время ракета взвилась и раздался сигнальный выстрѣлъ. Не спѣша въ послѣдній разъ обходимъ послѣднія подозрительныя мѣста, гдѣ могъ какъ-нибудь остаться раненый или, скорѣе, санитаръ, не предупрежденный объ окончаніи срока.

Нѣтъ, все чисто! Непогребены только, за недостаткомъ времени, останки разорваннаго снарядомъ да нѣсколько труповъ.

Проходитъ много времени, пока мы уходимъ на тотъ берегъ, и тогда раздается второй выстрѣлъ—не въ насъ!

Такая огромная усталость во всемъ тѣлѣ, такъ тяжело волочить свои свинцовыя ноги по кочкамъ болота, обходя огромныя воронки, пока не выбрались на дорогу! На зато какъ ликующе-хорошо на душѣ!

Въ окопахъ насъ дожидается уже чай у батальоннаго командира и наши фурманки.

Выясняется общее число подобранныхъ раненыхъ—ихъ 17, и погребенныхъ убитыхъ—около 50.

* *
*

Непосредственное участіе въ экспедиціи лишило меня возможности наблюдать появленіе нашихъ раненыхъ въ нашей же перевязочной. А это была, по разсказамъ, картина незабываемая: только тамъ, въ той обстановкѣ, они начинали непосредственно, безъ всякихъ сомнѣній, осязать совершившійся фактъ своего спасенія...И тогда отверзались уста и лились безконечныя рѣчи о пережитомъ и о «милостивцахъ—спасителяхъ».

Впрочемъ, разсказывать это со словъ другихъ—нельзя!.

Нужно самому видѣть и понять.

Но черезъ нѣсколько дней я нашелъ ихъ въ палатѣ летучки «Коноваловскаго» отряда.

«Коноваловскій» отрядъ, это отрядъ московскихъ биржевого и купеческаго обществъ, гдѣ первымъ уполномоченнымъ былъ членъ Государственной Думы Коноваловъ.

Летучка отряда построена не по типу нашей летучки: тогда какъ наша по преимуществу представляетъ собой перевязочно-эвакуаціонный (эвакуація—изъ окоповъ) пунктъ, «Коноваловская» летучка— небольшой передовой хирургическій лазаретикъ, гдѣ раненымъ и дѣлаютъ всевозможныя операціи, и даютъ клиническій уходъ. Такіе лазаретики, къ слову сказать, явленіе чрезвычайно полезное.

И вотъ, пріѣхавъ въ гости къ «коноваловцамъ», мы зашли въ ихъ палату, гдѣ лежало человѣкъ 8 «нашихъ» раненыхъ.

Изъ нихъ—какъ разъ тѣ двое, которыхъ мы первыми тащили на спинѣ....

Лежали на высокихъ, хорошихъ кроватяхъ, въ чистомъ, сверкающемъ бѣлизной, бѣльѣ, такіе...совсѣмъ иные, чѣмъ тамъ...

Даже трудно было съ перваго взгляда узнать ихъ!...

Зато они-то узнали сразу!...

Растроганный и радостный за нихъ, этихъ ставшихъ дѣтьми, людей, уѣзжалъ я оттуда...

Какъ вдругъ, сначала неопредѣленно кольнула, а потомъ все болѣе и болѣе заполонила ужасная, безобразная мысль:

А вдругъ....хоть одинъ...тамъ?..
Да нѣтъ-же, не можетъ быть: мы все осмотрѣли детально!
Ну да, да!..А вдругъ?!..Чего не бываетъ!..
Господи, неужели хоть одинъ?....

Красноярскъ, 6 января 1916 г.

Въ глубокомъ тылу.

(Изъ писемъ и дневника въ періодъ служебной командировки на Мурманъ).

Москва, 2 февраля 1916 г.

Въ военное училище къ февральскому пріему не удалось попасть, *) но я сейчасъ не жалѣю объ училищѣ и отложилъ вопросъ о поѣздкѣ на фронтъ (можетъ быть, и въ качествѣ брата милосердія) до начала лѣтней кампаніи.

До этого же времени я рѣшилъ работать въ «Земгорѣ», у Н. В. Некрасова, который устроилъ насъ съ Колей **) въ одинъ моментъ. Были предложены слѣдующія возможности: поѣздка въ Владивостокъ, на Кавказъ въ инженерскую дружину, просто довѣреннымъ по Россіи для разыскиванія и доставки грузовъ и, наконецъ, въ Колу.

Мы, конечно, выбрали послѣднее, какъ наименѣе знакомое и наиболѣе интересное.

Итакъ, завтра я выѣзжаю. Сначала въ Архангельскъ, поступаю тамъ въ распоряженіе инженера * * представителя «Земгора», и военно-промышленнаго Комитета, чтобы оттуда ѣхать въ «Колу, Александровскъ и другія мѣ-

*) Въ декабрѣ 1915 г. авторъ, въ виду предстоящего призыва студентовъ уволился изъ Сибирскаго отряда и хотѣлъ поступить въ Московское военное училище съ тѣмъ расчетомъ, чтобы къ лѣтней кампаніи попасть на фронтъ въ качествѣ офицера.

**) Мартьяновымъ.

ста», какъ сказано въ моемъ командировочномъ свидѣтельствѣ.

Первая и непосредственная цѣль моей командировки поѣхать съ ледоколомъ черезъ Бѣлое море, перегрузить или привести съ собой застрявшій во льдахъ пароходъ со станками для снаряднаго завода и отправить все это далѣе.

Въ инструкціи, выданной мнѣ, сказано, что я обязанъ съѣздить осмотрѣть всѣ мѣста стоянки баржъ, склады, желѣзныя дороги того района, представлять ежемѣсячные отчеты, доклады и заключенія и т. д. и т. д.

Какъ видите, работы непочатый уголъ, къ тому же, мы съ Колей единственные, которые не только добровольно идемъ, но даже добиваемся, со свойственной намъ настойчивостью, «каторжныхъ работъ», какъ сегодня кто-то въ «Земгорѣ» выразился.

Архангельскъ, 10 февраля 1916 г.

Пріѣхалъ я сюда еще 6-го, но дѣла никакого нѣтъ. Только «состою» при инженерѣ. Пока знакомлюсь съ бумажной стороной операцій отправки и полученія грузовъ. Навѣрное, не ранѣе, какъ черезъ 2 недѣли, пойдетъ ледоколъ, который увезетъ насъ въ Александровскъ. Это незамерзающій портъ около Колы.

Здѣсь (въ Архангельскѣ) масса грузовъ, трудно вообразимое количество ихъ. Ими завалены обѣ стороны рѣки Сѣверной Двины на очень большомъ протяженіи, заваленъ районъ желѣзной дороги. Масса неразгруженныхъ еще

океанскихъ пароходовъ стоитъ во льду. И помимо Архангельска есть еще нѣсколько мѣстъ стоянки пароходовъ. Грузы самые разнообразные. . . . . .

. . . . . .

Только съ 18 января 1916 г. начала дѣйствовать широкая колея, перешитая изъ узкой. И только съ этого времени, слѣдовательно, началась правильная эвакуація грузовъ изъ Архангельска.

Архангельскъ, 18 февраля 1916 г.

Поѣздка въ портъ Александровскъ откладывается. Ѣхать можно только на ледоколахъ, а они пока все стоятъ, и неизвѣстно, когда выйдутъ. Быть можетъ, тогда, когда исчезнетъ необходимость въ самой нашей поѣздкѣ. Во всякомъ случаѣ, мы съ Колей проработаемъ до апрѣля-мая. А послѣ этого рѣшили удрать на фронтъ, почти навѣрное—въ 1-й Сибирскій (передовой отрядъ). Пока работы абсолютно никакой. Знакомимся, съ чѣмъ можно знакомиться, а больше того обслуживаемъ самихъ себя: гуляемъ, читаемъ. Усиленно слѣдимъ за газетами, и я могу сказать, что вошелъ въ курсъ жизни, по крайней мѣрѣ,—относительно. Я привезъ Толстого, Коля—книги по исторіи, философіи, критикѣ, искуству. Обстановка въ городѣ вообще самая тихая. Чистый воздухъ, необыкновенной бѣлизны снѣгъ и полное отсутствіе необходимости куда-либо спѣшить. У Коли врачи нашли между прочимъ, болѣзненное разстройство нерв-

ной системы. Я тоже за послѣднее время не могъ похвастаться нервами. Поэтому Архангельскъ, въ особенности послѣ Москвы, что называется, бальзамъ для души «изстрадавшихся воиновъ» . . . . . .

. . . . . .

Читали ли и сохранили ли вы рѣчь Н. В. Некрасова въ Думѣ? Тамъ есть мѣсто, очень лестное, между прочимъ, для насъ съ Колей, какъ для санитаровъ общественной организаціи; это—мѣсто, гдѣ говорится о «спасеніи людей изъ огня». Очень цѣнное для насъ, такъ какъ показываетъ, что мы добились признанія необходимости этой работы, чего добивались цѣлый годъ.

Вообще какіе дни, какіе дни! Нѣтъ, я начинаю вѣрить! . . . . . .

. . . . . .

О «Лѣтописи» все нѣтъ извѣстій. *) Если бы, на что я не надѣюсь, былъ благопріятный отвѣтъ, я счелъ бы себя, въ связи съ крестомъ, **) рѣшительно баловнемъ судьбы. Но вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно искренно желалъ бы, чтобы по «Мертвые воскресли» погулялъ редакторскій карандашъ.

Архангельскъ, 23 февраля 1916 г.

Въ концѣ февраля пріѣхала Государственная Комиссія изъ Шингарева, Стаховича (чл. Гос. Со-

*) Авторъ послалъ въ журналъ «Лѣтопись» разсказъ «Мертвые воскресли», и съ нетерпѣніемъ ожидалъ отзыва отъ Горькаго.

**) Георгіевскій крестъ за выносъ изъ огня раненаго офицера, высланный автору въ Архангельскъ.

вѣта), Крупенскаго и Добровольскаго, въ сопровожденіи Челнокова. Являлись въ ея распоряженіе, согласно телеграммы «Земгора»; дѣлъ никакихъ не оказалось.

Архангельскъ, 5 марта. 1916 г.

Посылали телеграмму въ «Земгоръ» съ предложеніемъ направить насъ черезъ Финляндію.

7 марта 1916 г.

Отвѣтили: предпочтительно ждать ледоколовъ. Ждемъ....

Архангельскъ, 12 марта 1916 г.

Позавчера подписано было адмираломъ—главноначальствующимъ г. Архангельска и района Бѣлаго моря—разрѣшеніе на поѣздку нашу на ледоколѣ. Выѣзжаемъ черезъ недѣлю—полторы. Помимо разыскиванія и отправки грузовъ «Земгора», намъ поручили еще и грузы Земскаго Союза, такъ что, очевидно, въ портѣ Александровскѣ мы и проведемъ остатокъ нашей службы въ «Земгорѣ». Кончится же эта служба въ маѣ, когда мы рѣшили ѣхать на фронтъ. Если только меня, какъ студента 2-го курса, не потянутъ въ военное училище.

Архангельскъ, 14 марта 1916 г.

«Новость» о «Лѣтописи», которую принесло мнѣ твое письмо, папулекъ, не огорчила меня, такъ какъ она для меня, собственно, не была уже новостью: я это предвидѣлъ. А горечи не ощутилъ я потому, что уже пережилъ это состояніе и именно по поводу той-же вещи («Мертвые воскресли»), пережилъ послѣ разговора съ тѣмъ писателемъ—рабочимъ, о которомъ я вамъ писалъ, и который предсказывалъ мнѣ, что рукопись не приметъ Горькій. То же лицо находило въ разсказѣ многіе художественные дефекты и потому считало его неподходящимъ для журнала. Что касается существа отзыва Горькаго, то, мнѣ кажется, не слѣдуетъ особенно увлекаться и замазывать себѣ глаза той его частью, гдѣ онъ говоритъ о «яркости». Хотя изъ этого, конечно, не вытекаетъ, что и работать не слѣдуетъ. Затѣмъ, вполнѣ допускаю, что разсказъ со стороны производитъ *впечатлѣніе* «юной самовлюбленности». Но *причина* этого, мнѣ кажется, все-же не въ дѣйствительной самовлюбленности, а въ неумѣніи писать, быть можетъ, въ недостаткѣ таланта, благодаря чему, автору поневолѣ приходится замыкаться въ узкій кругъ своихъ личныхъ переживаній, такъ какъ все, лежащее внѣ этого круга, поддается изображенію гораздо труднѣе. Впрочемъ, въ такихъ случаяхъ автору приходится умолкать.

Архангельскъ, 25 марта 1916 г.

Я недавно получилъ письма съ фронта, которыя насъ съ Колей совсѣмъ взбудоражили, такъ какъ говорятъ о большой работѣ у нихъ. *) Пишутъ, что собирались даже дать намъ телеграмму, вызывающую насъ въ отрядъ, и не дали только потому, что вспомнили о нашихъ обязательствахъ передъ «Земгоромъ». Подъ впечатлѣніемъ писемъ мы отправляемъ сегодня письмо Некрасову съ просьбой отпустить насъ немедленно по окончаніи нашей «Кольской операціи». Когда я думаю о работѣ въ летучкѣ, въ душѣ загорается такое восторженное настроеніе, подобное которому было развѣ въ самомъ началѣ работы въ отрядѣ.

Архангельскъ, 27 марта 1916 г.

Пріѣхали въ «Экономію» на ледоколѣ «Белля-венгуръ». Холодно, но приняли.

*) Въ летучкѣ 1-го Сиб. передового отряда.

На ледоколѣ.

28 марта 1916 г.

Ну, вотъ, наконецъ, мы и плывемъ. Сегодня—въ 2 часа дня. На сей разъ, кажется, уже безъ перемѣнъ и проволочекъ. Яркое солнце. Нашъ ледоколъ высится (по крайней мѣрѣ, такъ кажется съ палубы) надъ безбрежной снѣжной равниной (мы стоимъ въ 25 верстахъ отъ Архангельска). Не вѣрится, чтобы корабль могъ вырваться изъ этихъ цѣпкихъ объятій и пойти, что называется, «по суху». Однако пойдетъ... Поѣздка продлится отъ 1 до 3½ недѣль. Обѣщаютъ охоту на тюленей.

30 марта 1916 г.

Вотъ мы и устроились и поѣхали. Кто побойчѣе (насъ, «толкачей», ѣдетъ 6 человѣкъ)—устроились въ каютахъ. Намъ же съ Колей достался диванъ въ каютъ-компаніи, подъ которымъ, какъ сегодня обнаружилось, находится ледникъ. Но именно: не почувствовалось, а только случайно обнаружилось, такъ какъ спимъ мы великолѣпно: ногами вмѣстѣ, головами врозь. Единственное неудобство въ томъ, что вечеромъ публика поздно засиживается у насъ, до 1½—2 часовъ, а утромъ уже съ 7 часовъ начинается питье

кофе и приходится, потягиваясь и позѣвывая, вставать. Досыпаемъ днемъ на чьей-нибудь гостепріимной койкѣ.

Выѣхали вчера въ 5 час. утра. Проѣхали 25 верстъ и остановились снова—уже въ 50 верстахъ отъ Архангельска. Причалили къ огромному океанскому пароходу—«угольщику». Онъ застрялъ во льду еще въ прошломъ году, направляясь въ Архангельскъ... Вчера, сегодня и завтра грузимся. А тамъ—въ море. И до самаго Александровска едва-ли будетъ возможность написать.

Сейчасъ къ намъ причалилъ догнавшій насъ ледоколъ. Высадилъ къ намъ пріѣхавшихъ съ ревизіей жандармовъ: ищутъ шпіона... Въ плаваніи разрѣшено вино. Публика понемногу выпиваетъ каждый день. Я, къ сожалѣнію, не могу использовать благопріятное положеніе вещей, такъ какъ запахъ водки внушаетъ мнѣ отвращеніе по прежнему.

Воздухъ чудный, замѣчательно чистый и прозрачный. Бѣлое поле безбрежно и ровно, какъ скатерть. Выйдешь на палубу,—какъ водопадъ шумитъ непрерывно выкачиваемая изъ трюма вода, скрипятъ лебедки, передавая системой блоковъ одна на другую корзины съ углемъ....

Сейчасъ прислушался къ разговору жандармовъ, творящихъ слѣдствіе въ каютъ-компаніи, у насъ. Оказывается, что разыскиваютъ, конечно, все того-же: «еврея или похожаго на еврея». Старая исторія!...

31 Марта 1916 г.

Тронулись въ 5 ч. вечера, 31-го марта. Шли всю ночь, такъ какъ, вопреки ожиданію, льда не оказалось. Прошли приблизительно до маяка Маржовецъ въ горлѣ Бѣлаго моря. Въ 10 ч. утра 1-го апрѣля налѣво замѣтили у Терскаго берега пароходъ «Вайгачъ», командиръ котораго ѣдетъ съ нами, разыскивая свое судно (судно изъ экспедиціи Вилькицкаго, теперь назначено быть вспомогательнымъ крейсеромъ). Прошли мимо судна, такъ какъ оно было въ 12 верстахъ. Поэтому же не пришлось видѣть нѣсколько затонувшихъ и выброшенныхъ на берегъ командой океанскихъ пароходовъ.

Чѣмъ дальше, тѣмъ итти стало труднѣе. Все меньше стало майнъ (полынья). Наконецъ, около 12 ч. попали въ торосы, повертѣлись и засѣли. Говорятъ,—потому, что задѣли за полярный кругъ, на которомъ сейчасъ приблизительно находимся. Въ это же время принесъ студентъ-радіотелеграфистъ «радіо», въ которой всѣ суда, находящіяся въ горлѣ Бѣлаго моря, извѣщаются о «появленіи двухъ двухтрубныхъ судовъ, не отвѣчающихъ на радіо. Въ случаѣ появленія какихъ-либо судовъ на горизонтѣ, просятъ немедленно сообщить».

Въ 7 ч. вечера кто-то крикнулъ: «тюлень». Всѣ выбѣжали на палубу. Двое ярыхъ «охотниковъ»-новичковъ усердствовали. По болѣе внимательномъ разсмотрѣніи оказалось..... свернутымъ коричневымъ одѣяломъ.....

Шутки капитана, знающаго наше страстное желаніе поохотиться на сихъ звѣрей.

10 ч. вечера. Все стоимъ и стоимъ. Говорятъ, ледъ разжимается. Но только: говорятъ.

2 апрѣля 1916 г.

Сегодня то двигались, то стояли; ледъ солидный, но есть майны, и иногда разжимается. Тогда идемъ. Когда же сжимается, и мы останавливаемся, то, обнаглѣвъ, лѣзетъ прямо на палубу и въ каюты.

Одну изъ глыбъ, когда она, потерявъ благоразуміе, неосторожно лѣзла все вверхъ, мы (трое человѣкъ), упершись ногами, столкнули. Въ своемъ паденіи она наткнулась на острый гребень другой глыбы и разлетѣлась на куски. Конечно, снималъ.

Въ 4½ часа, послѣ кофе, вбѣгаютъ и кричатъ: «Тюлени».

Бѣжимъ. Беру аппаратъ; съ разрѣшенія *** (капитана), беру австрійскую винтовку; спускаемся по трапу на ледъ. Подходимъ къ майнѣ: Николай, *** (штурманъ, пом. капит, милѣйшій человѣкъ, съ обвѣтреннымъ, настоящимъ «морскимъ» лицомъ, изъ матросовъ) и я. Ждемъ.

Появляется тюлень. Мажемъ. Черезъ нѣкоторое время другой; *** убиваетъ. Багра нѣтъ, теченіе относитъ тюленя, съ парохода кричатъ, что спускаютъ шлюпку. Вдругъ: тревожные свистки, крикъ,—ледоколъ двигается. Изъ-за личныхъ счетовъ, какъ говорятъ, стоявшій на вахтѣ другой помощникъ капитана, ссылаясь на начавшееся «разводье», тронулъ корабль. Всѣ воз-

мущены: достать тюленя можно было въ 10—15 минутъ. А тутъ бросать уже убитаго. Однако дѣлать нечего. Скачемъ со льдины на льдину и еле успѣваемъ зацѣпиться за трапъ. Герой дня—**** не рветъ и не мечетъ только потому, что черезчуръ уравновѣшенный для этого человѣкъ. Но огорченъ и разозленъ чрезвычайно. Легъ на койку въ своей каютѣ. Мы собрались вокругъ утѣшать и обсуждать происшедшее. Николай даже принесъ конфекты. Вечеромъ за столомъ все время «разговоры о тюленѣ». Обѣщаютъ еще охоту.

Послѣ всей этой исторіи спалъ, такъ какъ утромъ намъ въ каютъ-компаніи приходится вставать очень рано. Поэтому мы досыпаемъ днемъ.

Забрался въ каюту къ ****, легъ на его верхнюю койку и сталъ читать: «Тотъ, кто получаетъ пощечины». Потомъ размечтался, сталъ думать объ отрядѣ, какъ хорошо было бы, несмотря на всѣ прелести и новизну нашей теперешней «полярной» жизни, какъ хорошо теперь же было бы быть тамъ. Потомъ съ необычайной силой вспомнилъ ****. И такъ захотѣлось мнѣ, чтобы она въ данный моментъ была около меня, что я хрустнулъ пальцами и невольно для самого себя произнесъ: «****»... И тутъ же спохватился, что подо мной лежитъ нашъ спутникъ, не то «лейтенантъ», не то «капитанъ», словомъ, командиръ вспомогательнаго крейсера «Вайгачъ». Спохватился и рѣшилъ, что меньшее изъ двухъ золъ—притвориться спящимъ и во снѣ произнесшимъ «женское имя». Отложилъ потихоньку книгу, сталъ изображать сонъ, и на-

столько реально, что и въ самомъ дѣлѣ заснулъ.

4 апрѣля 1916 г.

«Охота»на тюленя, наконецъ, состоялась, хоть и не совсѣмъ настоящая охота. Утромъ, послѣ большой стоянки, мы неожиданно тронулись. Послѣ кофе я стоялъ на колѣняхъ на диванѣ и смотрѣлъ въ иллюминаторъ. Обстоятельства для движенія ледокола были весьма благопріятныя: ледъ вездѣ былъ достаточно плотенъ. Но одна, только одна, узкая, извилистая полоса, на подобіе капризнаго ручейка, раздѣляла снѣжную равнину на два берега. По этому-то ручейку, расширяя его, и шелъ нашъ корабль. Смотрю и вдругъ вижу знакомую уже картину: въ маленькомъ заливчикѣ, образованномъ льдинами, высовывается изъ воды темный, глянцевитый кулачекъ съ наивными, испытующими глазами. Голова удивленно поворачивается во всѣ стороны и скрывается. Срываюсь съ мѣста, какъ сумасшедшій, бѣгу наверхъ, въ капитанскую каюту, за винтовкой. Но нѣтъ, поздно: когда я подбѣгаю къ правому борту, «ничего въ волнахъ не видно».

Послѣ этого инцидента «тюленье» настроеніе сразу приподымается. Четыре горе-охотника собираются на палубѣ. Снимаются. И чуть ли не въ самый моментъ снимка высовывается на поверхности новый «кулачекъ».....

Бахъ.... бахъ.... бухъ, каждый изъ четырехъ боится опоздать, каждый торопится выстрѣлить,

и никто поэтому не попадаетъ. Да и винтовки не пристрѣляны.

Тюлень, вмѣсто того, чтобы скрыться, выползаетъ на ледъ, и неуклюже, словно раненый, ковыляя, бѣжитъ отъ майны, «осыпанный градомъ пуль».

Затѣмъ успокаивается за кочкой.

Раненъ? убитъ? Капитанъ, къ которому мы рѣшаемся обратиться, утверждаетъ, что онъ цѣлъ и невредимъ и не соглашается остановить изъ за него ледоколъ. Лишь черезъ полчаса, когда ледоколъ и такъ принужденъ остановиться, онъ посылаетъ двухъ матросовъ за тюленемъ съ приказаніемъ взять его живымъ, но не мертвымъ. Съ ними идемъ и мы. Бѣжимъ задыхаясь, спотыкаемся, падаемъ, проваливаемся между льдинами въ воду, и, кажется, безрезультатно.... Скрылся.

Уже собираемся итти назадъ, какъ одинъ изъ насъ обнаруживаетъ его за холмикомъ. Матросъ взваливаетъ его на плечи, взявъ руками за плавники, и мы торжественно возвращаемся. Съ корабля насъ встрѣчаютъ криками «ура». Нашъ плѣнникъ, очевидно, оглушенъ всѣмъ происшедшимъ съ нимъ за такое короткое время, и потому безпрепятственно позволяетъ гладить, щупать себя.

Ему, говорятъ, всего мѣсяца $1^1/_2$—2. Этотъ возрастъ называютъ: «сѣрка». Шкура отливаетъ серебромъ. Прощупать кости невозможно, до того толстъ слой жира.

Понемногу онъ приходитъ въ себя. И, придя черезъ 2 часа, видимъ: онъ визжитъ, какъ собака, поднимается на плавникахъ, скалитъ зу-

бы и даже гоняется, насколько ему позволяетъ комплекція, гоняется за матросами, которые дразнятъ его.

Ему положили на палубу льду, огородили досками и брезентами. Каюта хоть куда!

5 апрѣля 1916 г.

Вѣтра почти нѣтъ, но стоимъ попрежнему,—если не считать жалкихъ попытокъ * * (2-го штурмана),—попытокъ, надъ которыми смѣются его коллеги, сдвинуться съ мѣста.

Охота на тюленей.

7—9 апрѣля 1916 г.

То, что происходило за эти три дня, можно назвать не иначе, какъ «избіеніемъ тюленей». Набито ихъ 400 съ маленькимъ хвостикомъ. Этотъ маленькій хвостикъ заставляетъ и команду и такъ называемый «офицерскій» составъ ледокола стремиться къ новому округленію цифры.

Дѣло началось съ того, что, ставъ на мѣстѣ, благодаря начавшемуся «сжатію», мы (сначала я и *** —3-й штурманъ) увидѣли двѣ черныхъ точки невдалекѣ. Сердце екнуло.

—Только никому не говорить, а то распугаютъ, бросилъ мнѣ на лету ***.

Тутъ и самому не до предупрежденій: нужно сбѣгать наверхъ въ штурманскую рубку за винтовкой и, послѣ этого, «выброситься» за бортъ.

Но еще не успѣваемъ выполнить этого послѣдняго, какъ дежурный съ мостика кричитъ намъ:

— Впереди, впереди!

И дѣйствительно. Пока бѣжимъ въ этомъ новомъ направленіи, откуда ни возьмись, появляются всѣ наши охотники. И мы кольцомъ окружаемъ мысокъ, на которомъ цѣлое, штукъ въ 10, стадо великолѣпныхъ, громадныхъ, разномастныхъ тюленей.

Подкрались хорошо, какъ развѣдчики—на жи-

вотѣ кое-гдѣ. Но потомъ черезчуръ рано бросились, и всѣ они, извиваясь на брюхѣ и, въ стремленіи удрать какъ можно скорѣе, ударяя по снѣгу хвостомъ, направо, налѣво, направо—налѣво, оставляя на снѣгу такимъ образомъ слѣды, которые кто-то остроумно назвалъ «тюленьимъ почеркомъ»,—всѣ тюлени удрали преблагополучно въ воду. Лишь полминуты спустя высунулось въ сосѣдней майнѣ нѣсколько блестящихъ отъ воды, черныхъ, какъ смола, кулачковъ съ огромными, недоумѣнно любопытными глазами, высунулись, удивленно оглянулись по сторонамъ и тотчасъ же, окунувшись, снова скрылись. Такъ иногда неожиданно всплываетъ на поверхности озера желтая лилія и потомъ снова въ мгновеніе исчезаетъ въ глубинѣ.

Почти одновременно съ тѣмъ какъ скрылись головки, затрещали и выстрѣлы. Но уже поздно....

Кажется, послѣ такого неистоваго бѣга нельзя дальше сдѣлать ни шагу. Но видъ новаго стада тюленей сдѣлалъ невозможное возможнымъ. Сердце колотится, какъ подстрѣленная куропатка, но, къ изумленію, подойдя къ самому высшему предѣлу напряженія, когда, казалось, должно оно сію секунду лопнуть,—съ этого момента начинаетъ привыкать и бьется все тише и тише.

Бухъ! Со всего размаху—по поясъ въ водѣ. Боцманъ, братъ ***, типичный поморъ (какъ я себѣ представляю помора), здоровенный дѣтина, съ тѣломъ, несмотря на свою величину и мощь, поражающимъ своей пропорціональностью, съ ловкостью, столь неожиданной для этого угловатаго колосса, съ обвѣтреннымъ бурымъ лицомъ,—словомъ, нѣчто похожее на Петра Ве-

С. А. Шлихтеръ и Н. Н. Мартьяновъ въ охотничьихъ костюмахъ (см. „Охота на тюленей").

С. А. Шлихтеръ на ледоколѣ „Бепльявенгуръ", среди персонала служащихъ (2-й справа, въ верхнемъ ряду).

ликаго,—онъ вытаскиваетъ меня и совѣтуетъ итти лишь по его слѣдамъ.

Но гдѣ тутъ! Можно ли помнить о предосторожности! Бѣгу снова одинъ и снова бухаю, уже серьезнѣе. Ноги оказываются странно свободными и невѣсомыми. Но и руки тоже, потому что держусь на «самъ» и подъ руками нѣтъ серьезной опоры: все, за что пробуешь ухватиться, перекувыркивается. Начинаешь какъ-то сразу странно ощущать тѣ десятки, вѣрнѣе, сотни саженъ воды, которые—подъ тобой, и пятки, висящія безъ опоры въ водѣ, слегка покалываютъ мурашки. Кажется, что ноги уже только излишній, вредный придатокъ. Невольно хочется «втянуть» ихъ въ себя, какъ хорошую колѣнчатую трубку, и выкатиться колобкомъ на «берегъ».

Именно на «берегъ», потому что эта необозримая снѣжная, разстилающаяся вокругъ, равнина до этого испытанія ни на секунду не давала возможности реально, нутромъ представить, *почувствовать*, что подъ нею таится. Когда подходишь къ мѣсту, гдѣ ледъ расходится и образуетъ то маленькій «ручеекъ», то «лужу» съ плавающими въ ней ледяными крошками и кусками мокраго снѣга, тогда хочется перепрыгнуть черезъ «лужу» или «ручеекъ», вступить въ нихъ своими непромокаемыми сапогами, какъ дѣлаешь на «сушѣ», чтобы смыть грязь. Но теперь всѣ эти иллюзіи сухопутнаго человѣка, конечно, разлетѣлись. Въ нѣсколькихъ шагахъ стоятъ Колька и *** (студентъ-«радіо») и хохочутъ надъ моими кувырканьями.

— Тащите! говорю имъ.

— Самъ вылѣзешь, и еще пуще заливаются.

— Да тащите же, говорю вамъ!

Еле удалось убѣдить, что лучше сначала вытащить, а потомъ уже хохотать.

Вотъ случай, по духу родственный этому. Разсказъ запечатлѣлся у меня съ дѣтства: Нансенъ и Свердрупъ, уйдя какъ-то съ «Фрама», живутъ въ палаткѣ. Нансенъ ушелъ и, вернувшись, застаетъ Свердрупа обороняющимся отъ бѣлаго медвѣдя. Ружья у того на несчастье нѣтъ. Нансенъ бросается къ ружьямъ. Они лежатъ далеко. Пока онъ достаетъ ружье, заряжаетъ, ему самому кажется, проходитъ вѣчность. Молчаніе... Но вотъ Свердрупъ произноситъ:

— Если вы хотите не опоздать, Нансенъ, поторопитесь!..

Жаль, что нѣтъ съ собой помпы, выкачать воду изъ сапогъ: приходится снимать ихъ. А потомъ снова бѣгъ на скорость. Патроновъ нѣтъ уже давно, и поэтому мы, со своей горячностью, упускаемъ массу добычи. Но, вотъ, наконецъ-то! Вдвоемъ съ матросомъ набѣгаемъ на двухъ «сѣрокъ», лежавшихъ въ «самъ». Одинъ пробуетъ скрыться на мѣстѣ, ныряетъ, но голова его застряла между льдинами, и тщетно хвостъ взвивается къ небесамъ. Одинъ ударъ—и кончено! Другой, хотя и въ болѣе жидкой кашѣ, нырять въ нее не рискуетъ и спѣшитъ къ майнѣ. У него всѣ шансы поспѣть къ ней во время, такъ какъ я бѣгу (вѣрнѣе, прыгаю съ «кочки» на «кочку») за нимъ по «берегу», рядомъ съ «кашей». Но онъ вдругъ испугался, повернулъ обратно, и участь его рѣшена. Отбросивъ въ сторону всякую предосторожность, прыгаю въ кашу и заношу прикладъ. Чувствуя неизбѣжную гибель

онъ уже не пробуетъ скрыться, но поворачиваетъ ко мнѣ, насколько позволяетъ ему толщина шеи, голову, бросается съ оскаленными зубами и испускаетъ крикъ—крикъ боли, невѣроятнаго ужаса и предчувствія своей гибели,—предсмертный крикъ.

Одинъ, лишь одинъ ударъ,—и гордо вытянутая голова сразу втягивается, вбирается (такъ и хочется сказать: въ плечи), глаза изъ блестящихъ, проникновенныхъ, все понимающихъ становятся тусклыми, безжизненными, лишь изъ уголковъ ихъ скатывается по слезинкѣ.

Но страшный крикъ. Онъ, въ соединеніи съ моимъ оружіемъ—палкой, заставляетъ почувствовать кровь нашихъ далекихъ предковъ, которые не такъ, какъ мы—на охоту въ сознаніи своего превосходства надъ «дичью»,—а выходили на равный рукопашный бой, въ неизбѣжной борьбѣ за существованіе: либо ты меня, либо я тебя. И потомъ: мы съ своей жертвой встрѣтились глазами и... поняли другъ друга, поняли неизбѣжность того, что свершилось секунду спустя.

Есть въ «Войнѣ и Мирѣ» мѣсто,—Ростовъ встрѣчается глазами съ Теляпинымъ: «какой-то свѣтъ глазъ съ быстротою электрической искры перебѣжалъ изъ глазъ Теляпина въ глаза Ростова и обратно, обратно и обратно, все въ одно мгновеніе». Между ними на мгновеніе исчезли всѣ преграды, каждый проникъ въ самую глубь души другого и узналъ все его сокровенное.

Такъ и тутъ: когда мы «встрѣтились» глазами, я, подъ «его»взглядомъ, почувствовалъ себя первобытнымъ, дикимъ человѣкомъ, готовымъ вцѣпиться зубами въ горло своей жертвы и пить

ея бьющую фонтаномъ горячую кровь (послѣднее, какъ это ни омерзительно для насъ, и дѣлали два—три матроса); «онъ» же употребилъ послѣднее средство самозащиты—устрашеніе и бросился на меня съ крикомъ и съ оскаленными зубами. И стало дѣйствительно страшно... И мурашки пробѣжали по спинѣ и заставили содрогнуться всѣмъ тѣломъ отъ холода. Но тотчасъ, вслѣдъ за этимъ, впечатлѣніе опасности (конечно, мнимой) борьбы какъ бы дало право, моральное, «культурному» человѣку—забыться и, уже не разсуждая, съ закрытыми духовно глазами, наброситься на свою жертву...

Я очнулся только тогда, когда въ рукахъ моихъ оказалось уже только дуло ружья: ложа сломалась и отлетѣла.

И еще одно воспоминаніе, связанное и съ этимъ предсмертнымъ крикомъ, и со сломаннымъ ружьемъ, и, главное, со своей слѣпой злобой къ тому, кто попробовалъ сопротивляться и въ послѣдній моментъ своей жизни заставилъ тебя дрогнуть. Дѣло было въ тайгѣ, на охотѣ. Собаки гнали зайца, и голоса ихъ, то приближаясь, то удаляясь, звенѣли переливистыми колокольчиками. Перекликались птицы. Журчалъ быстрый горный ручей, было тихо той тишиной, которая громче крика кричитъ о напряженной, ключемъ бьющей жизни. Я стоялъ въ классической позѣ охотниковъ—опершись на ружье, на полянкѣ, покрытой толстымъ слоемъ опавшихъ, бурыхъ иглъ, окруженной могучими соснами. И, задумавшись, даже и не замѣтилъ, какъ внезапно стихли, смолкли голоса моихъ собакъ. И вдругъ изъ лѣсной глубины на поляну выкатился корич-

невато-рыжій комъ, прокатился буквально подъ ногами и, докатившись до другой полянки, шагахъ въ 30 отъ меня, перевернулся еще разъ и застылъ въ классической позѣ зайцевъ—на заднихъ лапкахъ, съ настороженными ушами.

Не вѣря себѣ, я поднялъ ружье и выстрѣлилъ.

Я слышалъ, какъ кто-то жалобно вскрикнулъ, мимо меня промелькнула невѣдомо откуда выскочившая собака, наша незабвенная «Миссъ»...

Когда же дымъ разсѣялся, на полянкѣ не видно было уже ни зайца, ни собаки, а виденъ былъ лишь слившійся въ одинъ цвѣтъ, катающійся, злобно визжащій клубокъ...

Подбѣжалъ туда и понялъ: собака хотѣла схватить зайца за горло, онъ же, здоровенный, матерый русакъ, не давался и самъ хотѣлъ укусить ее. Бросаюсь къ нимъ, хочу схватить его и... едва успѣваю отдернуть руку отъ его зубовъ.

И то же самое состояніе: полная потеря способности владѣть собой, незабываемый крикъ предсмертнаго ужаса, потомъ сломанное ружье и... разможенная голова—съ застывшими на глазахъ огромными каплями слезъ.

И еще одинъ штрихъ уже изъ «охоты» на тюленя: когда мы тащили его на ровное мѣсто, чтобы, какъ здѣсь говорятъ, «оснимывать», выскочившій изъ орбиты глазъ долго и упорно прыгалъ за головой, никакъ не желая оторваться, несмотря на то, что держался лишь на «ниточкѣ»,—очевидно—нервѣ

Трудно удержаться, чтобы не вспомнить еще одинъ случай изъ своей, сравнительно небогатой воспоминаніями, охотничьей практики. Дѣло было все въ той же тайгѣ. Я истребилъ однажды

жившее на озерѣ утиное семейство. Все, за исключеніемъ селезня—отца. Тамъ же замѣтилъ много ягоды, и на другой день мы отправились туда всей семьей. На всякій случай, захватилъ ружье, хотя и мало разсчитывалъ на охоту. И вдругъ, бродя около ручья, услышалъ приближающееся заунывное, пріунывное кряканье и вскорѣ изъ за верхушки деревьевъ, обступавшихъ эту извилистую рѣченку, показался и селезень. И онъ, очевидно, увидѣлъ меня и тотчасъ вильнулъ въ сторону, такъ что я не успѣлъ даже поднять ружье. Я не успѣлъ еще достаточно разгорячиться и пошелъ дальше. И... новая, неожиданная для насъ обоихъ встрѣча. Страсть овладѣла мною всецѣло, желаніе отличиться передъ своими маленькими братишками и матерью и доставить имъ удовольствіе, заставили меня бродить по ручью болѣе часа, не обращая вниманія на заливающуюся въ сапоги воду. Много разъ я почти настигалъ его. Много разъ видѣлъ, какъ онъ, очевидно, стараясь не шумѣть, низко, поворовски-осторожно и быстро пролеталъ между деревьями. Мы понимали другъ друга! Тишина была полная, лишь гдѣ-то далеко звенѣли дѣтскіе голоса. «Намъ» обоимъ было не до нихъ. И «онъ», мнѣ кажется, долженъ былъ чувствовать, какъ напряженно громко бьется мое сердце. Не только онъ отъ меня, я самъ старался спрятаться отъ него, сдѣлаться какъ можно незамѣтнѣе, но все казалось, что этотъ слишкомъ громкій стукъ сердца долженъ меня выдать, что игра въ прятки поэтому окончится въ его пользу.

Порывъ потухъ. Злой, усталый и измокшій, я уже собирался вылѣзть на берегъ и итти до-

мой, какъ вдругъ, обернувшись, я встрѣтился взглядомъ съ «его» глазами. Мы находились въ маленькомъ заливчикѣ, гдѣ теченіе со всей силою ударяетъ въ одинъ высокій берегъ, подмывая его низъ, тогда какъ верхній слой земли держится, скрѣпленный корнями растеній и деревьевъ, образуя такимъ путемъ нѣчто вродѣ подводной пещеры.

Да, такъ мы именно «встрѣтились» глазами. Потому что онъ, очевидно, не имѣя возможности спрятаться отъ меня, все время, буквально не спуская глазъ, смотрѣлъ на меня, и, благодаря этому, перехватилъ первый же мой взглядъ.

И вотъ все время, пока я поднималъ на него ружье, всѣ эти мгновенья, мнѣ самому показавшіяся такими безконечно долгими, онъ все смотрѣлъ на меня и пятился—все назадъ, все назадъ, пока хвостъ и половина туловища не забились подъ нависшій берегъ. Тутъ я выстрѣлилъ.

Да, такъ почему же я вспомнилъ объ этомъ? Да: и тогда, и въ послѣднюю мою «охоту» между мной и жертвой было то таинственное общеніе, то взаимопроникновеніе, которое такъ безподобно опредѣлилъ Толстой.

Но тогда: глаза умоляли, хотя и знали безполезность мольбы; плакали, хотя и безъ слезъ.

Тутъ-же: брошенъ былъ жертвой послѣдній вызовъ (исходъ котораго намъ обоимъ былъ, конечно, извѣстенъ, какъ и тогда); была выражена глазами вся глубина злобы, негодованія, презрѣнія къ тому, кто такъ рано и такъ безстыдно обрываетъ «молодую, полную счастья и силъ жизнь».

И въ первый, и въ послѣдующій дни было еще

нѣсколько интересныхъ эпизодовъ. Лично мнѣ запомнился одинъ, когда я, гоняясь за огромнымъ самцомъ, поскользнулся и упалъ подъ него, такъ что оказался придавленнымъ его огромной тушей. Онъ серьезно «окрысился» не меня, стало опять слегка «непріятно», и пришлось, высвободивъ изъ подъ него руку, нѣсколько разъ ударить его по головѣ палкой: даже легкій, сравнительно, ударъ заставляетъ его терять сознаніе, хотя убить взрослаго очень трудно—иногда отмотаешъ себѣ руку. Бьешь, бьешь, онъ лежитъ, уткнувшись мордой въ снѣгъ или въ воду. Чуть перестанешь, онъ поднимаетъ уже полуразможженную голову, съ безсмысленными, залитыми кровью глазами, и тогда, разъяpившись, снова, въ бѣшенной злобѣ на эту живучесть, долго и упорно колотишь его.

Когда я началъ «оснимывать» этого тюленя и сдѣлалъ первый прорѣзъ въ шеѣ, оттуда потоки крови вынесли куски мозга и костей—изъ разможеннаго черепа. Представьте себѣ сигару, чрезмѣрно утолщающуюся къ одному концу и утоньшающуюся къ другому. Къ толстому концу сигары прикрѣпите голову съ тупой мордой, безъ ушей (ихъ незамѣтно), съ большими, но плоскими не выступающими глазами—«блюдцами»; шеи нѣтъ, и голова совершенно незамѣтно переходитъ въ туловище. Немного отступя отъ головы, приставьте къ низу туловища двѣ плоскихъ лопаточки съ когтями на концѣ—ласты, а по мѣстному—«катары». На тонкомъ концѣ туловища—хвостъ, состоящій изъ двухъ, нѣсколько иной формы, лопаточекъ. А въ общемъ безформенная глыба жиру, стянутая кожей.

Троньте его ногой, и сало будетъ колыхаться, какъ студень.

Да, способъ передвиженія: поднимается на переднихъ ластахъ и на нихъ же подтягиваетъ животъ, волочащійся по землѣ и т. д. и т. д.

«Оснимывая» его не для шкуры, а для сала, промышленники поступаютъ слѣдующимъ образомъ: разрѣзаютъ шкуру и сало вдоль, по животу, обрѣзаютъ голову, ласты и хвостъ, отдѣляютъ все мясо и бросаютъ его. Остается шкура со слоемъ сала, толщиной дюйма въ два—три. Увязываютъ двѣ шкуры, одна въ другую, привязываютъ на веревку и тащатъ все это по снѣгу къ кораблю.

Сама по себѣ «охота»—не охота, а избіеніе и довольно гнусное: стоитъ пережить убійство одного—двухъ тюленей и, послѣ этого, вмѣсто охотника становишься «промышленникомъ» (какъ здѣсь говорятъ). Но зато обстановка, условія «промысла» даютъ сильныя ощущенія, съ лихвой искупающія темныя стороны его самого. Стоитъ выкупаться нѣсколько разъ, нѣсколько разъ «поболтать» ногами въ пустотѣ, и впечатлѣніе «земли» съ ея маленькими «ручейками» и «лужами», конечно, исчезаетъ безслѣдно. Чѣмъ дальше идешь (а отходили отъ парохода иногда на 5—6 верстъ), тѣмъ больше устаешь, тѣмъ больше сознаешь трудность прыганья по льдинамъ и ужъ совершенно не представляешь себѣ, какъ можетъ хватить силъ на обратный путь, да еще съ 6—8 пудовымъ грузомъ, тѣмъ болѣе, что черезъ нѣкоторыя, особо трудныя и опасныя мѣста, съ трудомъ пробираешься и безъ «ноши». Кромѣ того, выходишь изъ корабля во время

«сжатія». Иначе тебя не выпустятъ. Пока-же доберешься до тюленей, убьешь ихъ, очистишь, начинается «разводье» (и то и другое связано съ приливомъ и отливомъ, и потому правильно чередуется). Кромѣ того, можетъ подуть «благопріятный» для очистки льда изъ горла Бѣлаго моря вѣтеръ (зюйдъ или зюйдъ-вестъ), пароходъ двинется, а тебя унесетъ къ черту на кулички. А иногда, къ тому же, туманъ, и брать направленіе можно только по гудкамъ, которые даетъ пароходъ, такъ какъ его самого не видно. И вотъ берешь веревку на плечо и съ четырьмя—восемью пудами за спиной направляешься въ обратный путь. Право, если бы не бывшіе съ нами опытные поморы, которые и сами умѣютъ артистически и насъ учили «ходить по водѣ» (какъ кто-то про нихъ весьма остроумно выразился), если бы не они, никогда нельзя было бы даже подумать о возможности пробираться по такимъ мѣстамъ, по которымъ мы пробирались. Бывало, проскочишь, оглянешься, и мысленно ахнешь...

Разводье. Подходишь къ майнѣ, тянущейся на нѣсколько верстъ поперекъ твоей дороги, уже и такъ достаточно широкой. Но она каждую секунду все увеличивается, такъ что собственно, если хочешь перебраться, ни одной минуты терять нельзя. Въ майнѣ освобожденные отъ давленія плаваютъ, а иногда выплываютъ изъ подъ льда, большія и маленькія льдины. Теченіе относитъ ихъ отъ одного берега къ другому.

И вотъ, выбравъ себѣ подходящую льдину, заберешься на выступъ и ждешь ея подхода, чтобы въ нужный моментъ перескочить на нее

и, оттолкнувшись отъ этого берега, усилить ея движеніе къ противоположному.

Но иногда она только проплываетъ мимо, оставляя между собой и берегомъ извѣстный, довольно большой промежутокъ, черезъ который просто перескочить нельзя. Тогда, выбравъ моментъ ея наибольшаго приближенія, бросаешь въ этотъ промежутокъ свои шкуры, стараясь, чтобы онѣ распластались по водѣ, перебрасываешь веревку на льдину, а самъ дѣлаешь прыжокъ на шкуру, но съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы только слегка коснуться ее ногой и, коснувшись, сдѣлать по инерціи дальнѣйшій прыжокъ. Бываетъ, что и такимъ двойнымъ прыжкомъ не удается какъ, слѣдуетъ, добраться до цѣли, и тогда стараешься добиться хоть того, чтобы грудью упасть на нужную льдину и уже тогда выкарабкаться изъ воды.

Иногда отъ цѣли отдѣляетъ тебя масса мелкаго битаго льда, т. е. маленькихъ льдинокъ, изъ которыхъ каждая, не перевернувшись и не погрузившись, можетъ выдержать прикосновеніе, лишь самое деликатное, и то не болѣе мгновенія. Всѣ онѣ движутся, и любая изъ нихъ черезъ полъ секунды можетъ оказаться не въ томъ мѣстѣ, гдѣ вы разсчитываете ее застать. Нужно точнѣйшимъ образомъ разсчитать каждое свое движеніе, и, не колеблясь ни минуты, ринуться на эту массу, которая ходитъ и погружается подъ вами, какъ прясина. Это ничего, что ваша нога скользитъ и тогружается, лишь только вы дотронулись ею птой своеобразной трясины: это ничего, потому это все-же немного силы прибавлено этимъ чрикосновеніемъ къ инерціи ващего перваго прыж-

ка, и вы можете дѣлать слѣдующій прыжокъ.

Не особенно пріятное ощущеніе, когда приходится заниматься всей этой эквилибристикой въ одиночествѣ. Гораздо веселѣе, когда находишься въ компаніи хотя бы нѣсколькихъ человѣкъ. И даже совсѣмъ весело, перебравшись, наблюдать, за переходомъ другихъ, особенно, если какой-либо прыжокъ кончается аваріей.

Помню, какъ, не разсчитавъ послѣдняго движенія, всего за сажень до цѣли, нашъ милѣйшій «лейтенантъ» бухнулъ во всемъ своемъ кожаномъ одѣяніи въ воду. Погрузился такъ, что изъ воды и ледяной каши торчали буквально только «глазки и лапки, глазки и лапки».

«Глазки» стали круглыми и испуганно умоляюще смотрѣли на стоящихъ на берегу.

«Лапки», высунувшись изъ воды, судорожно махали и тщетно хватались за разныя попадавшіяся имъ «соломинки».

Его, конечно, вытащили. И лишь только вытащили, онъ, держа лапки передъ грудью въ позѣ комнатной собачки, которая въ чемъ-то очень провинилась, которой очень, очень холодно и голодно, сталъ кружиться на «пуантахъ». А вода съ него все лилась, лилась, все вытекала изъ разныхъ потайныхъ мѣстъ.

Да, забавное было зрѣлище.

Пасха во льдахъ.

9 апрѣля 1916 г.

Дали себя чувствовать результаты охоты: я безъ рукъ, такъ какъ обѣ и порѣзалъ, и отморозилъ. Николай ослѣпъ и сидитъ, «въ одиночествѣ и въ темной каютѣ»; лишь изрѣдка пьетъ чай «съ лимономъ, но безъ удовольствія». Поэтому не могъ участвовать во встрѣчѣ Пасхи.

А вечеръ провели мы мило. Прежде всего, компанія, и чисто «ледокольная» и «пассажирская»—за нѣкоторыми исключеніями—весьма милая. Затѣмъ, эта компанія долгое время голодала насчетъ выпивки; тутъ же этотъ вопросъ былъ разрѣшенъ весьма удачно. Наконецъ, сама обстановка—льды и наше въ нихъ стояніе—много за себя говорила, сплачивала насъ еще болѣе и создавала настроеніе. Создавала настроеніе контрастомъ «Великаго Сѣвера» и нашей въ немъ маленькой ячейки: съ одной стороны, мощная, безпощадная природа, однообразно-суровая, не знающая и не желающая знать никакихъ перемѣнъ. Съ другой стороны, созданный людьми въ самомъ ея оплотѣ, среди льдовъ, въ горлѣ Бѣлаго моря, маленькій островокъ теплой, веселой, счастливой жизни съ ея маленькими, но разнообразными и капризными настроеніями и переживаніями. И чѣмъ больше, чѣмъ сильнѣе

скрипятъ и сжимающійся ледъ, и подъ безудержнымъ напоромъ этого льда, бока нашего «Беллявенгура», чѣмъ сильнѣе завываетъ за окнами свирѣпый, «нордъ-остъ» (самый отвратительный вѣтеръ для судовъ, стремящихся выйти изъ Бѣлаго моря), чѣмъ болѣе холодная струя, вмѣстѣ съ внезапно усилившимся завываніемъ, врывается въ каютъ—компанію съ каждымъ, вошедшимъ «съ улицы»,—тѣмъ тѣснѣе становится нашъ кружокъ, тѣмъ непринужденнѣе тосты, искреннѣе смѣхъ.

Предыдущая Пасха въ окопахъ, эта – во льдахъ. Тогда мы, опоздавъ, спѣшили по ходу сообщенія и застали конецъ пасхальнаго гимна. И тутъ я, въ послѣдній моментъ рѣшивъ навести на себя порядокъ, тоже засталъ только конецъ молитвы, которую пѣли собравшіеся на кормѣ матросы и «офицерскій» составъ. Тамъ «щупали» насъ прожекторомъ и пускали ракеты. И тутъ насъ, собравшихся послѣ молитвы на капитанскомъ мостикѣ, угостили и прожекторомъ, правда, небольшимъ, но все же далеко освѣтившимъ все ту же картину: безконечныя поля и горы льда; пустили и ракеты, только не такія хорошія и яркія, хотя трескучія не въ примѣръ тѣмъ.

Вечеромъ капитанъ послалъ телеграмму «главному» съ поздравленіемъ отъ имени всѣхъ и съ извѣщеніемъ, что стоимъ въ виду трехъ маяковъ: Сосновицкаго, Моржовецкаго и Орловскаго. Послѣдній, правда, виденъ въ перевернутомъ видѣ—въ отраженіи. Воздухъ необычно чистъ.

«Разводье».

11—12 апрѣля 1916 г.

Небеса сжалились надъ нами и послали разводье. Да и пора; на тюленей мы охотились, во льдахъ затерты были долгонько, Пасху во льдахъ же встрѣтили. Чего же больше? Пора и пріѣхать въ Александровскъ, и мы поѣхали.

Въ ночь на 12-е вышли на чистую воду. Всѣ поднялись на мостикъ. Былъ почти полный штиль. Трудно было представить себѣ болѣе величественную и болѣе яркую картину: снѣжный гористый берегъ; покрытое причудливыми облаками небо и ровное, какъ скатерть, море— все это играетъ всѣми цвѣтами радуги, но не яркими, а нѣжными, съ массой оттѣнковъ и полутоновъ. Спеціально сѣверный характеръ придается этой картинѣ попадающимися отъ времени до времени довольно внушительными ледяными горами «айсбергами». Машина даетъ полный ходъ, правда, не особенно большой, но для насъ, не моряковъ, достаточный: 11 узловъ (около 20 верстъ въ часъ). Кажется минутами, что мы стоимъ на мѣстѣ, до того чиста и спокойна вода, до того нечувствительна работа машины. Но стоитъ увидѣть вблизи какой-либо неподвижный предметъ, напр., льдинку, или вы-

сунувшуюся изъ воды тюленью голову, какъ всѣмъ существомъ своимъ начинаешь чувствовать нашу скорость, и тогда кажется: лежащая у носа корабля нѣжная, покорная вода съ упоеніемъ отдается нашему кораблю, а онъ несется по ней съ широко раскинутыми крыльями, гордый своей побѣдой, не зная устали, какъ огромная, величавая хищная птица, несется впередъ, все впередъ и впередъ. Почти не чувствуется прикосновеніе къ «землѣ». Кажется, что еще одна, совсѣмъ неощутимая ступень—и уже оторвешься и полетишь:... и въ этомъ «почти» и сладостное упоеніе и горечь. И упоеніе и горечь, потому что сердце все ширится и ширится въ восторгѣ движенія и уже тѣсно ему въ рамкахъ «земного» и хочется взлетѣть и полетѣть надъ этимъ величавымъ просторомъ, сознавая себя такимъ же свободнымъ и безграничнымъ, какъ онъ самъ.

Но сравнительно недолго гуляемъ на полной свободѣ: вонъ на горизонтѣ забѣлѣлась полоска льдовъ.

— Средній ходъ!.

— Малый!.

Но инерція такова, что мы всѣмъ своимъ корпусомъ вскакиваемъ на огромную льдину и проламываемъ ее. И тогда она вся раскалывается на двѣ половины, и отъ нашего носа далеко-далеко убѣгаетъ почти прямая полоска воды.

А сколько тюленей видимъ за эти два дня! На стада въ 25-30 штукъ уже не обращаютъ вниманія, такъ какъ все время встрѣчаемъ стада въ 200-300, а то и болѣе штукъ. Буквально чернымъ-черно. По выраженію одного матроса,

такъ черно, какъ отъ блохъ на солдатской рубашкѣ. И я, право, затруднился бы придумать болѣе вѣрное, болѣе исчерпывающее сравненіе.

Нѣкоторые трусливо убѣгаютъ, спѣша изо всѣхъ силъ, стремясь и удрать подальше, и попасть въ майну, сжимающуюся, благодаря давленію, производимому пароходомъ. При этомъ часто застреваютъ, и лишь хвостъ отчаянно «жестикулируетъ» кверху, говоря лучше словъ о переживаніяхъ его обладателя.

Если это – семейство, то дѣтеныши убѣгаютъ, а мать остается на мѣстѣ, бросается на пароходъ и отчаянно «ругается» съ матросами, дразнящими ее съ палубы.

Нѣкоторые, особенно разнѣжившіеся на солнцѣ и особенно усердно линяющіе (это время—періодъ «линьки»), упорно не желаютъ вставать, какъ бы ни былъ близокъ пароходъ. Одного изъ такихъ застрѣлили изъ револьвера. На другого пароходъ наѣхалъ, но еще довольно счастливо, такъ что онъ оказался прижатымъ между ледяной глыбой и бортомъ парохода, въ вертикальномъ положеніи мордой кверху. Онъ былъ въ самомъ безпомощномъ и жалкомъ состояніи и удивленно недоумѣвающе (такъ какъ, очевидно, никакъ не могъ сообразить своего страннаго положенія) смотрѣлъ снизу вверхъ. А мы съ палубы смотрѣли на него сверху внизъ, идя по палубѣ противъ движенія, такъ что онъ все время оставался какъ разъ подъ нами. Чего тутъ только не дѣлали! И шикали, и свистѣли, и бросали корками... Онъ наружно оставался все такъ же невозмутимъ (хотя, правда, пошевелиться онъ и при желаніи не могъ бы).

Когда же пароходъ проѣхался по нему всѣмъ своимъ бортомъ, отъ самаго носа до кормы, то онъ былъ поглощенъ водоворотомъ, образуемымъ винтомъ.

Мы питали мало надежды на его спасеніе, но если онъ спасся, то, навѣрное, будетъ зарабатывать на своей родинѣ хорошія деньги за разсказы о диковинномъ чудовищѣ и диковинныхъ существахъ.

Словомъ, можно съ увѣренностью сказать: обѣ стороны вынесли массу новыхъ впечатлѣній изъ взаимныхъ наблюденій.

Еще одна подробность: проѣзжая по тюленьему царству, видѣли мы массу кровавыхъ впадинъ въ снѣгу. Это, какъ объяснилъ мнѣ боцманъ, послѣды, т. е. отбросы родовъ. Самки разрѣшались въ февралѣ.

У Ледовитаго океана.

13 апрѣля 1916 г.

Въ полдень прибыли на Святой Носъ. Слѣдовательно, стоимъ на грани Бѣлаго моря и Ледовитаго океана.

Остряки увѣряютъ, что, благодаря великолѣпной погодѣ, на горизонтѣ виднѣется «Канинъ Носъ». Со «Святого» мы должны забрать почту, больного и арестованнаго радіотелеграфиста.

«Исторія» сего послѣдняго такова. Въ серединѣ марта въ Архангельскѣ у «главнаго» и слѣдовательно, по всему этому району была получена телеграмма: «Такого то марта (кажется, 6-го) нашъ миноносецъ «Эмиръ Бухарскій» потопилъ минами два германскихъ броненосца, третьяго заставилъ выброситься на берегъ. Всѣ офицеры и команда награждены крестами первой степени».

Это сообщеніе не подтвердилось. Стали разыскивать, кто послалъ телеграмму, и уличили его. Меня интересовало, что могло заставить его, нижняго чина, рѣшиться на такой поступокъ. Въ наружности, однако, не нашелъ я ключа къ этой загадкѣ: самое обходительнѣйшее, русскаго типа, лицо. Положимъ, сидя на «Святомъ

Носѣ», и самый смирный человѣкъ можетъ выкинуть и не такой еще фортель. Хотя и этотъ достаточно смѣлъ.

Я «примазался» къ шлюпкѣ и попалъ на землю. Благодаря прибою, еле пробрались у берега между льдинами. И потомъ еле взобрались на высокій, скалистый берегъ: камни, покрытые снѣгомъ, замерзшимъ сверху, образовавшимъ гладкую корку. И ступить можно только тамъ, гдѣ уцѣлѣла хоть капелька сухого снѣга. Какая ужасная жизнь: запасы пищи на годъ, и сиди себѣ въ одиночествѣ! На высокомъ мѣстѣ—маякъ, на самомъ концѣ мыса—сирена, завывающая въ туманную, непроглядную ночь. Конечно, не та, которую продаютъ въ игрушечныхъ магазинахъ, но помѣщающаяся въ довольно большомъ домѣ. При ней домъ, амбаръ, занимаемые «смотрителемъ» ея, живущимъ съ семьей. Забавная подробность: лишь только мы, пыхтя и падая, выбрались на берегъ, къ намъ подошелъ какой то «штатскій». Я уже собирался поздороваться съ нимъ, какъ онъ съ «молодецкимъ» видомъ подошелъ ко мнѣ, сталъ на вытяжку, взявъ руку къ козырьку (я протянулъ было ему свою, но онъ не принялъ) и отчеканилъ:

— Честь имѣю доложить вашему высокоблагородію, что на ввѣренной мнѣ сиренѣ все обстоитъ благополучно.

Видно, онъ давно уже не видалъ начальства, такъ какъ отрапортовалъ съ видимымъ удовольствіемъ. А поздороваться намъ такъ и не пришлось, такъ какъ послѣ этого уже мнѣ неудобно было протягивать руку. «Самый главный»

начальникъ уѣхалъ куда то на оленяхъ, но долженъ былъ скоро вернуться. Мы рѣшили подождать его и больного и забрались повыше на скалы.

Какъ странно сознавать себя стоящимъ на Кольскомъ полуостровѣ, и даже болѣе: за полярнымъ кругомъ, на «Святомъ Носѣ», имѣя по правую руку отъ себя Бѣлое Морѣ, налѣво Ледовитый океанъ! Кажется, за одно это мгновенье можно отдать, если и не половину, то нѣкоторую частицу жизни. Но предложи мнѣ кто-нибудь продлить это удовольствіе, до цѣлаго ряда мгновеній, я «приплатилъ» бы уже отъ себя, лишь бы этого не было. Трудно представить себѣ что-либо болѣе безотрадное, чѣмъ вся эта страна, весь этотъ «Терскій» берегъ: скалы, скалы и скалы — голыя, безъ единаго деревца.

Я помню одинъ разсказъ: сторожемъ на маякъ устроился еще сравнительно молодой, но загнанный жизнью и озлобленный противъ нея человѣкъ, французъ. Онъ много скитался, еще больше бѣдствовалъ, перенесъ массу несправедливостей и тѣмъ болѣе доволенъ, что можетъ жить, ни о чемъ не заботясь, далеко отъ людей. Однако уединеніе сдѣлало то, что, годъ спустя, жизнь, которую онъ ненавидѣлъ, начинаетъ его интересовать. Онъ выписываетъ газеты и журналы и понемногу жизнь втягиваетъ его въ кругъ своихъ интересовъ, такъ какъ онъ видитъ ее уже не съ одной ея мрачной стороны, не такъ однобоко, какъ раньше. И уже съ нетерпѣніемъ ждетъ онъ той минуты, когда къ его маяку подъѣдетъ пароходикъ, и

и на спущенную сверху веревку привяжетъ его корреспонденцію. Такъ жить еще можно. Вѣрнѣе, можно представить себѣ такое состояніе душевнаго равновѣсія, хотя и оно, несомнѣнно, должно кончиться грозой. Но жить на «Святомъ Носѣ», не получая корреспонденціи почти весь годъ, исключая короткаго лѣта, переживать нѣсколько мѣсяцевъ темноты,—для этого нужно быть или исключительно несчастнымъ въ жизни, или исключительно тупымъ къ ней.

Положимъ, «еще лучше» живутъ радіотелеграфисты на «Югорскомъ шарѣ». Пароходъ приходитъ разъ въ годъ, забираетъ «одну смѣну» и оставляетъ другихъ, свѣжихъ людей. Но тѣ хоть имѣютъ право получать и отправлять частныя письма по радіо. При мнѣ въ страстную субботу нашъ родіо-студентъ на «Беллявенгурѣ» перехватилъ телеграмму: Поздравляютъ, цѣлуютъ дорогого Колю, пьютъ за здоровье... и еще Аня... и еще тетя.. Адресъ: Ю. Ш. (Югорскій шаръ).

Мурманъ—«стройка»

14 апрѣля 1916 г.

Взошло солнце, и съ первыми лучами его подплываемъ къ Александровску. Только что была ночь, но, конечно, свѣтлая. Мы проплывали между берегомъ и островомъ «Кильдинымъ», и у самаго входа въ Кольскій заливъ были остановлены . . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . а затѣмъ мы снова пошли и вышли въ Екатерининскую гавань, у которой стоитъ г. Александровскъ, почти одновременно съ другимъ пароходомъ, популярнѣйшимъ въ этихъ мѣстахъ—«Чижовымъ»—Мурманскаго пароходства, извѣстнѣйшимъ потому, что совершаетъ рейсы по всему Мурманскому побережью зимой, а лѣтомъ идетъ въ Архангельскъ, Александровскъ и Вардэ (Норвегія, портъ у границы съ Россей).

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Гавань отличная: глубина свыше 100 саж., совершенно укрыта отъ вѣтра горами. Но ма-

ла. Поэтому, говорятъ здѣсь, она будетъ спеціально военнымъ портомъ. Главный же портъ, коммерческій—Семеновская гавань, гдѣ конечный пунктъ Мурманъ—стройки (Мурманская ж. д.) Туда мы и поѣхали, принявъ на бортъ прапорщика ***, который долженъ былъ грузить насъ. Всѣ почти грузы сгружались тамъ, туда же ушли и всѣ пароходы, за исключеніемъ немногихъ.

* *
*

Пріѣхали въ Семеновское и, явившись къ начальнику порта, получили разрѣшеніе жить на «Царицѣ» Вост. Аз. О-ва. Огромный двух-трубный пассажирскій пароходъ. Очень тепло простились съ «Беллявенгуромъ». И вотъ вмѣсто дивана въ каютъ компаніи, одного на двоихъ, у насъ раскошная каюта перваго класса. И къ услугамъ—мальчики-«бои».

15-го апрѣля 1916 г.

Ѣздили на катерѣ на всѣ наши пароходы. Грузъ нашли почти весь. Но наши пароходы не разгружаются здѣсь, а идутъ въ Архангельскъ. Итакъ, дѣлать намъ нечего. Оставаться ли тутъ, чтобъ непремѣнно съ нашими пароходами вернуться въ Архангельскъ, какъ рекомендовалъ «Земгоръ»?

Страна чудесъ.

16 апрѣля 1916 г.

Ѣздили въ «Дровяное»—пристань при лѣсопильномъ заводѣ, гдѣ разгружались «Равенъ» и «Искасонія». Тамъ—страна чудесъ: 1) не автомобили слѣдуютъ по ж. д., а желѣзная дорога—по автомобилямъ, т. е. узкоколейка проложена по поставленнымъ врядъ ящикамъ съ автомобилями 2) 6 автомобилей висятъ надъ самой водой, чуть ли не отъ сотворенія міра, и все же не падаютъ. 3) Ящики съ дорогой обувью, роскошными подзорными трубами для морского вѣдомства и пр. и пр. расколачиваются и «облегчаются». Посылаютъ плотника ихъ заколотить, но потомъ они снова таинственно расколачиваются и облегчаются. Говорятъ, содержимое ихъ на . . . . попадаетъ въ сосѣднюю «дружественную страну» (Норвегія).

Тутъ же мы нашли часть той кожи, общей стоимостью въ 3½ мил. руб., которая сгнила частью въ трюмѣ «Равена», частью подъ снѣгомъ. Остальное уже погружено для отправки въ Архангельскъ. Завѣдующій пристанью , ... пригласилъ «комиссію» (насъ здѣсь, очевидно, считаютъ агентами, присланными разсмотрѣть и разузнать) къ себѣ. Угостилъ пи-

вомъ. Какой классическій «мордоворотъ» застали мы у него! Телефонистка. Одно удивительно, зачѣмъ здѣсь женщина-телефонистка?

Говорятъ, явилась служить къ нему, и, такъ какъ для нея не нашлось помѣщенія, онъ предложилъ ей жить въ своей комнатѣ, съ нимъ. Она согласилась.... Удивительно, какъ отсутствіе женщинъ дѣйствуетъ даже на свѣжихъ людей. Черезъ 2 дня послѣ этого на «Дровяномъ» грузился Беллявенгуръ. Дѣло было въ воскресенье, и управляющій заводомъ—шведъ (есть дочери!) устроилъ вечеринку.

Два нашихъ спутника (одинъ—«прапоръ») ухаживали за «мордоворотомъ» (нѣчто рябое, ширококостое и вообще гнусное), буквально,—млѣли у окна, дожидаясь ея выхода, и заставили бѣднаго *_* ревновать не на шутку.

Послѣ «Дровяного» поѣхали въ г. Колу. По дорогѣ масса утокъ; кружатся чайки (между прочимъ: туловище чайки и голова ея, а особенно постановка глазъ удивителъно напомнили мнѣ стерлядь или вѣрнѣе, осетра, когда чайка однажды близко отъ меня пролетѣла, и я успѣлъ ее детально разсмотрѣть; когда же онѣ садятся на маленькую льдинку или просто на спокойную «штильную» воду, то это нѣжнѣйшія бѣлыя лиліи, плавающія рядомъ, цѣлующіяся въ пруду. И тогда каждый темный бликъ на водѣ около нихъ кажется листомъ лиліи). Видѣли и лебедей, бѣлыхъ, очень близко. Что касается черныхъ, то возможно, это и не лебеди, хотя увѣряли.

Кола—небольшая, сравнительно, деревня. Домовъ около 100 съ претензіями. Какая то барышня въ ярко красно-голубомъ, съ синимъ «га-

зомъ», наброшенномъ кокетливо на голову, весьма усердно охаживала нашу компанію. И шла впереди насъ «по улицѣ», оглядываясь и играя глазками; и вступила въ громкій разговоръ съ подругой; и показывала, какая у нея масса знакомыхъ въ городѣ «Колѣ»; наконецъ, когда мы уѣзжали, привела съ собой обожателя на берегъ, къ часовенкѣ, гдѣ и замерла въ мечтательной позѣ.

По обозрѣніи самого города, интереснаго болѣе ничего не оказалось, кромѣ нѣсколькихъ инородцевъ, пріѣхавшихъ съ оленями.

18 Апрѣля 1916 г.

Общій выводъ всѣхъ непричастныхъ—къ «стройкѣ» и порту мѣстъ: все это панама. Каждый воруетъ, сколько можетъ, начиная съ . . . . . опредѣляющаго въ свой карманъ государственные кредиты, кончая рабочимъ, вскрывающимъ ящики. Послѣднее, впрочемъ, дѣлаютъ не только рабочіе, но и служащіе: двоихъ поймали при насъ на складѣ «стройки».

На разгрузку, только на разгрузку, не на устройство пристаней, ассигновано $3^1/_2$ милліона. Между тѣмъ, если бы пароходамъ, желающимъ скорѣе уйти (а они всѣ желаютъ, такъ какъ зарабатываютъ огромныя деньги: Кондоръ, напр, стоитъ 700.000, идетъ 1-й рейсъ и беретъ за фрахтъ своего груза больше милліона, т. е. уже съ избыткомъ себя окупаетъ), если бы имъ предложили самимъ разгрузиться, они бы лучше это сдѣлали. А то при насъ около 100 бочекъ съ

керосиномъ уплыло въ заливъ, и ихъ уже потомъ ловили катерами; уплыло потому, что ихъ сгрузили на мѣсто, захватываемое приливомъ.

Не имѣли рельсовъ для дороги. И весной, когда ледъ стаялъ, «нашли» на берегу рельсовъ на 30 верстъ пути!

Отправили паровозъ съ платформой сѣна и платформой гнилого мяса. Сѣно подожгли и составили актъ, что «сгорѣло» и мясо.

Устроили крушеніе поѣзда съ мукой. И, когда начальникъ пути потребовалъ очистки пути, начальникъ дистанціи оффиціальной бумагой запросилъ его, есть ли у него кредиты для «очистки пути отъ мучныхъ заносовъ». Помощникъ начальника дороги . . . . . .

. . . . . .

Къ 15—му апрѣля должны были закончить постройку пути: станція «Мурманъ» (у Семеновскаго порта)—Кандалакша, соединить 2 встрѣчныхъ направленія. Опоздали и гонятъ во всю, чтобы поскорѣе «послать телеграмму». Между тѣмъ, поѣзда уже и теперь дальше I-й ст. Колы не идутъ: распутица. Денегъ не жалѣютъ, такъ какъ кредиты для «Мурманъ—стройки» не ограничены. Что касается рабочихъ, то они голодали и болѣли цингой (50—75%), тифомъ, воспаленіемъ легкихъ и проч. и проч.

Многіе продукты, выброшенные потомъ гнилыми, имъ не выдавались. Хотя говорятъ, что гнило совсѣмъ уже не такъ много; что почти ничего въ дѣйствительности не гнило, а писалось много. Самъ я видѣлъ маргаринъ, лукъ, крупы, мясо, зелень сушеную, валяющимися на «пристани»,—многое въ гниломъ видѣ. Желѣзная до-

рога не обычна. Есть, напримѣръ, такой номеръ: воздушная желѣзная дорога, когда не шпалы держатъ рельсы, а наоборотъ (шпалы положили на снѣгъ, онъ стаялъ, и теперь онѣ висятъ на рельсахъ); или: двухъ ярусная жел. дорога: шпалы и рельсы, а вверху еще шпалы и рельсы, но уже въ другомъ направленіи (проложили путь, его занесло снѣгомъ, о немъ забыли и проложили сверху новый, а весной снѣгъ стаялъ).

Въ больницѣ больные лежатъ вмѣстѣ заразные и незаразные. Гнойную перевязку (лимфаденитъ) при мнѣ дѣлалъ грязнущій матросъ—фельдшеръ, выдавливая гной изъ раны лоткомъ, обтирая его все одной и той же тряпкой. Многіе лежатъ одѣтыми, на доскахъ, подстеливъ только свой тулупъ, безъ подушки; ноги, благодаря покатости кровати, выше головы. Простынь и наволочекъ ни у кого. Но эти еще счастливцы. Докторъ не принимаетъ: все время въ «разъѣздѣ». Пьянствуетъ. А онъ одинъ! Вообще же здѣсь принципъ у начальства . . . . . какъ можно больше кради, какъ можно меньше старайся брать на себя дѣлъ и тѣмъ самымъ—отвѣтственности. Поэтому всѣ они ничего «не знаютъ» и «не могутъ». И, такъ какъ нужно же на кого-нибудь сваливать всѣ несчастія, ихъ валятъ на рабочихъ: каждому свѣжему человѣку здѣшняго рабочаго изображаютъ, какъ вора, пьяницу и непомѣрнаго лѣнтяя. И съ послѣднимъ, на первый взглядъ, нельзя не согласиться, если посмотрѣть на погрузку и разгрузку пароходовъ: совершенно невозможно представить себѣ, чтобы люди могли работать такъ медленно и неряшливо.

Но поговорите вы съ тѣми же рабочими, и вы узнаете, что ихъ сегодня подняли въ 6 часовъ, не давъ имъ напиться чаю, такъ что они остались безъ ѣды до полудня, или что часть ихъ взята изъ артели (рабочіе здѣсь устраиваются артелями), работающей совершенно въ другомъ мѣстѣ, такъ что оставшіеся не могли отдать имъ котловъ; они попробовали пристроиться къ печамъ на новомъ мѣстѣ, но постоянные здѣшніе рабочіе, придя, прогнали ихъ, такъ какъ мѣста для тѣхъ и другихъ не хватало; въ результатѣ, они два дня буквально голодали (между прочимъ, какъ я выяснилъ изъ разговоровъ съ рабочими, всякую дружную артель, лишь только она начинаетъ огрызаться, напр., по поводу пищи—растасовываютъ именно такимъ образомъ).

Получивъ 3½ милліона на разгрузку, имъ не платятъ сдѣльно, а солдаты работаютъ и совсѣмъ безплатно, т.-е., получая свое казенное жалованье, лишь съ нѣкоторой надбавкой отъ морского министерства.

Въ результатѣ такого обращенія съ рабочими—и истощеніе, и полная апатія къ дѣлу.

Эти же мерзавцы, только и говорятъ, что объ отсутствіи у нихъ «сознанія своего патріотическаго долга».

19 апрѣля 1916 г.

Начальникъ «Семеновскаго» *** заявилъ, что просилъ начальника обороны Кольской губы *** ходатайствовать передъ «главнымъ» объ оставленіи насъ 2-хъ въ Семеновскомъ, какъ *пред-*

ставителей общественныхъ организацій, для работы по погрузкѣ судовъ. Цѣль понятна: впутать во всю эту грязную исторію общественныя организаціи въ лицѣ ихъ представителей, чтобы потомъ имѣть возможность во всемъ ссылаться и все сваливать на нихъ.

Мы, понятно, категорически отказались.

Но я, пріѣхавъ въ Москву, предложу устроить здѣсь нѣсколько медицинскихъ пунктовъ и, если не безплатную, то дешевую столовую, чтобы рабочіе не голодали по 2 сутокъ, какъ это здѣсь часто бываетъ*). Это единственная форма общественной организаціи, которая можетъ быть допущена правительствомъ. Но зато эта организація будетъ нашимъ форпостомъ, который будетъ все знать и все видѣть.

Въ 12 час. дня поѣхалъ въ Александровскъ, чтобы оттуда вмѣстѣ съ нашимъ пріятелемъ лингвистомъ-латышемъ ***, за котораго мы здѣсь заступаемся передъ военными властями, ѣхать въ Вардэ. Качало порядочно. Начинается штормъ.

20-го апрѣля 1916 г.

Переночевали въ Александровскѣ: сильный штормъ; въ 3 часа дня снялись. Пароходъ безъ груза, воднаго балласта принимаетъ очень мало. Качаетъ здорово. Я крѣпился сначала. Легъ на койку. Потомъ, вижу, разошлись всѣ, кто считалъ себя опытными моряками. Всѣ легли. И вскорѣ я «поѣхалъ». Недавній обѣдъ коломъ про-

*) Обо всемъ видѣнномъ былъ представленъ авторомъ подробный докладъ въ Главный Комитетъ по снабженію арміи.

Ред.

шелъ черезъ горло. И потомъ полегчало. А дальше—уже желчь. Это понепріятнѣе. Были остановки у «Вайда-губы» (у устья Печени), гдѣ пароходъ причаливаетъ прямо ко льду, и по льду же идутъ пассажиры и везутъ почту.....

На каждой остановкѣ почти не качало. А ужасно хотѣлось ѣсть. Одинъ бифштексъ особенно показался мнѣ заманчивымъ. Я уже собирался сказать, чтобы и мнѣ дали такой же, какъ... качнуло. Я промолчалъ, но все еще съ вожделѣніемъ смотрѣлъ на него. Потомъ еще качнуло, еще и еще, и мы тронулись. И произошло чудесное невещественное превращеніе бифштекса: буквально на моихъ глазахъ онъ терялъ всѣ свои привлекательныя качества и становился не предметомъ вожделѣнія, а вызывающимъ отвращеніе, покрытымъ застывающимъ саломъ, кускомъ жесткаго мяса. А какъ омерзительны показались мнѣ жареныя картошки при немъ: я ушелъ въ каюту, закрылъ двери и наединѣ далъ волю своему негодованію....

22-го апрѣля 1916 г.

Въ 12 часовъ дня прибыли въ Вардэ. Я снялъ кокарду съ фуражки, погоны съ кожаной куртки и пошелъ. Норвегія теперь, не столько дружественна, сколько почти подъ «протекторатомъ» Англіи (не смѣетъ ничего продать за границу безъ отдѣльнаго на всякій случай разрѣшенія англійскаго консула; а товары изъ Англіи отпускаются тоже по счету), поэтому безопасно. Узнать же и такъ узнаютъ. Дѣлали закупки. Достопримѣчательнаго—ничего, т.-е., мо-

жетъ быть, и есть, но за 6 часовъ его не найдешь. Развѣ что курсъ нашего рубля 98 öре (крона 100 öре, въ мирное время 50 к.), т.-е. около 49 коп.

Досталъ пленокъ,—все, что было во всемъ Вардэ—8 дюжинъ. Зато снимать нельзя: погода плохая.

Кормили насъ въ гостиницѣ обѣдомъ. Вмѣсто хлѣба—нѣчто похожее на мацу, но изъ черной муки, очевидно,—и гораздо менѣе вкусное, т.-е. попросту весьма невкусное. Зато пили «aquam vitae» (норвежская водка) и пиво.

Мой спутникъ, бѣженецъ изъ Либавы, для котораго два полюса человѣчества—самые хорошіе и самые дурные люди,—опредѣляются такъ:

— О, онъ замѣчательный человѣкъ, онъ вѣдь изъ Либавы!

Или:

— О, это отвратительнѣйшій, несносный характеръ. Да развѣ вы не знаете: онъ, вѣдь, эстонецъ!

Онъ нашелъ-таки капитана «изъ Либавы» и пилъ съ нимъ традиціонное «сода-виски». Предлагали и мнѣ, но я не рѣшился: что-то несимпатично выглядитъ. Одно наблюденіе вынесъ о норвежцахъ: медлительны они ужасно. И тихо-думы, какъ финны! Едва изъ-за медлительности приказчика не опоздали на пароходъ.

24-го апрѣля 1916 г.

Подходя къ Кильдину, встрѣтили пароходъ, который почему-то усиленно привѣтствовалъ насъ флагомъ. По приходѣ въ портъ оказалось:

«Беллявенгуръ» Ушелъ раньше на 2 часа. А то я засталъ бы его и уѣхалъ съ нимъ Николай укатилъ, оставивъ письмо съ извиненіями и объясненіями.

Голоденъ былъ адски: ровно сутки ничего во рту не было, буквально, ни маковой росинки. Даже чаю не пилъ. Пошли въ штабъ. Дали намъ разрѣшеніе на «Цесаревича Алексѣя». Переѣхали. М. . . . . каютъ—компаніонъ отказался дать даже чашку кофе, до прихода капитана, хотя мы уступили ему рыбу, привезенную для Беллявенгура. У, ... англичане! Пришелъ капитанъ, устроилъ, какъ водится, сцену (они всѣ мобилизованы, деньги получаютъ, и пассажиры для нихъ только обуза), и отказался кормить. Ѣхать, говоритъ, можете, но «на своихъ харчахъ». Это въ морѣ-то! ..

Еле уломали его дать намъ хоть заморить червячка. А то воскресенье, лавки заперты, колбасы или консервовъ, какіе бы они тамъ ни были, купить нельзя: хоть подыхай съ голоду.

Пошли, взяли разрѣшеніе на добровольца «Могилевъ», пароходъ Добровольнаго флота. (Здѣсь вообще пароходы раздѣляются въ большинствѣ случаевъ на «добровольцевъ»—Добровольнаго флота и «азіатовъ»—Вост.-Аз. О-ва). Переѣхали. Компанія помощниковъ и механиковъ очень милая. Только капитанъ—кавказскій «князь»—считаетъ себя, очевидно, обиженнымъ судьбой, такъ какъ она опредѣлила ему быть всего лишь жалкимъ капитаномъ—и, потому страдаетъ маніей величія въ обращеніи со своими сослуживцами.

Но съ гостями, особенно со мной—офицеромъ—очень любезенъ, посадилъ за столомъ по правую руку. Считаетъ, очевидно, «человѣкомъ своего круга».

25 апрѣля. 1916 г.

Опоздалъ къ завтраку и обѣдалъ съ капитаномъ и Александровскимъ исправникомъ, его другомъ, очевидно. Капитанъ весьма разговорился, сталъ разсказывать о генералѣ Пустовойтенко, который когда-то плавалъ у него на суднѣ, а теперь находится въ Ставкѣ при Государѣ. Говорилъ, что собирается поставить на пароходъ мраморную доску съ именемъ этого почетнаго пассажира.

Я вполнѣ одобрилъ мысль. Потомъ онъ показывалъ письма одной «чрезвычайно милой дѣвушки, не красавицы, но съ одухотвореннымъ выраженіемъ лица». Каково же было мое положеніе, когда мнѣ показали карточку «Акульки» въ костюмѣ сестры: «Акулька» стоитъ въ халатѣ у дерева, заложивъ руки назадъ, морда широкая, красная-красная и лоснится и, навѣрное, прыщи... Можно же быть до такой степени ослѣпленнымъ!

О, господи, многихъ то людей приходится видѣть во время своихъ путешествій. И какую только шкуру не приходится на себя временами надѣвать!

А бѣдняга расчувствовался, даже вино изъ каюты притащилъ.

Или еще: показываетъ карточку сына-кадета. Стоитъ этакая здоровенная тупорылая орясина, а изволь придумывать комплиментъ: безъ этого

нельзя. Да чтобы не было слишкомъ ужъ неправдоподобно. Опять же исправникъ... О, Господи, Твоя на то святая воля!

26 апрѣля. 1916 г.

Уходитъ «Каменецъ-Подольскъ». Досталъ новое разрѣшеніе, пересѣлъ. Прощай, Александровскъ! Тронулись въ 10 часовъ утра. Отдѣльная каюта, и, кажется, столъ сытный. А то на «Могилевѣ» морили голодомъ... Вообще живали не слишкомъ сытно послѣднее время. Вспоминается Беллявенгуръ, гдѣ милѣйшій Степанъ Михайловичъ закатывалъ такіе обѣды и ужины...

27 апрѣля 1916 г.

Прибыли на стоянку рано утромъ, стали на якорь въ Лонскую губу, не доходя немного Святого Носа. Идти нельзя: льды по всему Бѣлому морю, если вѣрить «сообщеніямъ Шингинскаго» (метереологическія наблюденія и о состояніи льдовъ—по «радіо» каждый день).

Будемъ ждать благопріятнаго случая, когда льды разомкнутся, чтобы попробовать прорваться въ Архангельскъ.

28 апрѣля—3 мая 1916 г.

Все это время стояли. Вплоть до 3-го мая дули нордовые вѣтры. Гуляли по палубѣ, смотрѣли туда, на желанный горизонтъ, гдѣ крейсировали англійскій траулеръ съ крейсеромъ,

какъ ихъ называютъ здѣсь, «тральщики». Они ходятъ, навѣрное, между Канинымъ и Святымъ Носомъ. Дымки ихъ плывутъ по горизонту, какъ страусовое перо дамы, гдѣ-то вдали бѣшено несущейся на автомобилѣ.

Нѣтъ-нѣтъ, къ намъ въ бухту заглянетъ «Вайгачъ» и съ побѣдоноснымъ видомъ обойдетъ кругомъ всѣхъ судовъ (ихъ стоитъ около 10), какъ насѣдка вокругъ цыплятъ.

За обѣдомъ и чаемъ маленькія пререканія на тему о Россіи. Многіе изъ нашихъ хозяевъ уже два года въ плаваніи И по нимъ можно судить, насколько далеко ушло общественное сознаніе даже самыхъ умѣренныхъ круговъ за это время. Моряки эти, не видя родины, потеряли представленіе о ней и совсѣмъ не пережили того сдвига, который пережила она.

Когда я сказалъ капитану, что общественнымъ силамъ нужно дать возможность работать, онъ почти закричалъ:

— Ну, такъ вы просто скажите, что вамъ нужна республика.

Антисемиты невозможные. Впрочемъ, и неудивительно: всѣ они одесситы, а слово «одесситъ» изъ вѣка рифмуетъ со словомъ «антисемитъ».

Иногда кажется прямо страннымъ, какъ можно до такой степени не уважать себя, свою родину, свой народъ, огромный количественно, чтобы приписывать, всѣ, ну буквально всѣ—бѣды и несчастья, всѣ жизненныя неудачи—приписывать все это небольшой, сравнительно, кучкѣ людей—«жидовъ» или «жидовья».

Насъ ѣдетъ трое. Кромѣ меня, еще представитель Московской Городской Управы и пред-

ставитель конторы Мартенса (взявшей на себя доставку военныхъ заказовъ изъ Англіи въ Россію и обратно).

Послѣдній—финнъ, весьма недалекій и тупой человѣкъ, Мы двое, отъ нечего дѣлать, стали доказывать ему, что всѣ финны—измѣнники. Онъ принялъ всерьезъ. За столомъ мы сообщили и капитану, что открыли у него на суднѣ измѣнника. Тотъ сначала понялъ, что это шутка, но потомъ увлекся мыслью о сепаратическихъ стремленіяхъ Финляндіи и, уже опираясь на насъ, сталъ нападать на финновъ. Съ пѣной у рта разсказалъ, какъ одинъ капитанъ, на вопросъ, не русскій ли онъ подданный, возразилъ, что онъ «финляндско-подданный».

— Нѣтъ, вы подумайте: финляндско-подданный! и, вѣдь, всѣ, всѣ вы такъ, добавилъ онъ, обращаясь къ непосредственному объекту своихъ нападокъ и ища одобренія у насъ...

Все такъ же читаю Толстого, еще и теперь иногда неожиданно открываю сокровища: какія-нибудь полстраницы, незамѣченныя раньше. «Живая жизнь» Вересаева дала чрезвычайно много въ пониманіи Толстого.

Читаю теперь «Такъ говорилъ Заратустра». Какъ вообще хочется временами учиться и учиться! И знать хоть немного! ..

Мѣсяцъ тому назадъ, когда мы съ Николаемъ, за два дня до выѣзда на ледоколѣ, получили письмо, призывающее насъ въ отрядъ, мы бросили бы все и уѣхали бы, если бы представилась малѣйшая возможность. И рвали, и метали, несмотря на всю заманчивость Бѣлаго моря.

А теперь я болѣе хладнокровенъ. Очевидно, потому, что воля къ возвращенію взята изъ моихъ рукъ и передана въ руки природы: вѣчный припѣвъ—«какъ льды».

3—5 мая 1916 г.

Начались зюйдовые вѣтра. Радіо-телеграфъ нашъ заработалъ. Каждый день собираются капитаны обсуждать положеніе вещей. Телеграмма «главному» съ просьбой разрѣшить выйти въ Архангельскъ виситъ въ воздухѣ. Уже почти рѣшатъ послать неблагопріятное «сообщеніе Шингинскаго» и—на «Тургаѣ» и «Омскѣ» (пароходы, съ которыми «Каменецъ-Подольскъ» пойдетъ вмѣстѣ) появляются сигналы: «нѣтъ».

Но съ 4-го—свѣжій зюйдъ. Телеграмма «главному» послана. И 5-го въ 12 час. дня капитанъ поздравилъ насъ съ отплытіемъ въ 6 вечера.

5-го же обогнули Святой Носъ и пошли по чистой водѣ. Потомъ уткнулись въ ледъ, но крошеный, весьма «мелко-битый». Шли свободно. Но лишь до поры до времени. Чѣмъ дальше, тѣмъ проходъ становился все труднѣе.

На мели.

6 мая 1916 г.

Первый часъ ночи. Положеніе становится все хуже и хуже. Дуетъ свирѣпый нордъ-вестъ, по силѣ приближающійся къ шторму. Буря свиститъ во всю. Только поверхность моря волнуется своеобразно; не валы по нему ходятъ, какъ обычно, а, со скрежетомъ зубовнымъ, наползаютъ одна на другую льдины. Всѣмъ имъ нѣтъ мѣста на поверхности: часть забирается внизъ, часть благополучно вскакиваетъ на большія льдины; большія же, вышедшія невредимыми изъ первой стадіи борьбы, прижимаются другъ къ другу, и плечемъ къ плечу вступаютъ въ послѣдній бой. Ни одна не хочетъ уступить, края обѣихъ выпираютъ кверху, льдины, какъ живыя, ползутъ одна на другую. Кувыркаются, падаютъ и снова встаютъ и неутомимо лѣзутъ въ бой. Пока, обезсилѣвъ въ неравной борьбѣ съ болѣе сильнымъ, не разсыплются на мелкіе кусочки. Но ихъ мѣсто занимаютъ другія. И снова во мгновеніе ока выростаютъ ледяныя горы и исчезаютъ. И ледъ зловѣще скрипитъ и угрожаетъ: «А все-таки я тебя раздавлю, раздавлю, раздавлю»!

Слѣпая, страшная, необъятно-могучая сила. Живо представляешь себѣ, какъ смелетъ, изотретъ тебя въ порошокъ, если попадешь между этими колоссами.

А холодный, пронизывающій вѣтеръ пробираетъ до косточекъ и бросаетъ въ лицо колючимъ снѣгомъ. Торопливо, молча пробѣгаютъ матросы: кто мѣряетъ прибывающую воду въ люкахъ, кто передаетъ приказанія съ «мостика». А оттуда время отъ времени доносятся «звонки», возвѣщающіе:

— Малый.

— Самый малый.

— Стопъ.

— Полный назадъ. (Послѣднее въ томъ случаѣ, если мы завязили носъ между льдинами или передъ носомъ выросъ ледяной островъ, ударъ объ который можетъ повредить нашъ носъ). Всѣ сознаютъ серьезность момента. Всѣ заняты, и поэтому мы на палубѣ до извѣстной степени мозолимъ глаза. Вообще моряки не любятъ, чтобы кто-либо посторонній зналъ, что у нихъ на суднѣ не все благополучно.

Лучше сидѣть въ свѣтлой, теплой каютѣ, играть въ шашки и пить чай, чѣмъ наблюдать все одну и ту же картину, подбѣгать къ борту и ждать, что, если не эта льдина, то слѣдующія могутъ продавить бокъ (нашъ пароходъ построенъ не «на заказъ», а «для продажи», поэтому у него непрочный корпусъ, и годится онъ лишь для южныхъ плаваній. Стѣнки всего лишь полтора-дюймоваго желѣза).

И мы уходимъ играть въ шашки и пить чай. Но во *второмъ* часу ночи—ударъ снизу, корабль поднимаетъ кверху и съ силой сразмаху опускаетъ внизъ. Въ каютъ-компаніи ни души. Лишь пробѣгаетъ на палубу лакей, съ восклицаніемъ:

— Ну, теперь все кончено!

Выходимъ и мы наружу. По всей огромной палубѣ мечутся маленькія фигурки. Новый, еще болѣе сильный ударъ, какъ разъ подъ серединой корабля; поднятая вверхъ, искривленная палуба качается подъ нами; нѣсколько долгихъ секундъ мы ждемъ, переломится пароходъ на двое или нѣтъ. Снова онъ опускается, но теперь огромный 400 футовый корпусъ, не выдержавъ давленія сразу со всѣхъ сторонъ, искривляется и изгибами, какъ змѣя, ползетъ впередъ, между льдомъ напирающимъ и набирающимся на палубу.

Съ мостика несутся уже нервные возгласы:

— Посмотрѣть тамъ, не порвалась ли цѣпь (рулевая)!

— Не сломанъ еще руль?

— Сколько дюймовъ воды въ носовомъ отсѣкѣ, во второмъ отдѣленіи?

И отвѣтъ:

— Руль пока цѣлъ, цѣпь тоже.

— Четырнадцать съ четвертью. Двадцать пять. Семьдесятъ .. Сто тридцать... (дюймовъ.)

— Поставить помпы.

Еще болѣе сильный налетъ вѣтра. Не знающая пощады сила со стороны моря напираетъ еще, и пароходъ кренится на бокъ. И вотъ страшный трескъ желѣза на кормѣ. И, какъ порывъ вихря подхватываетъ и кружитъ въ лѣсу опавшіе, сухіе листья, закружились, заметались стоящія у лебедокъ, у ручного штурвала фигурки.

— «Цѣпь лопнула», молніей проносится въ головѣ, хотя никто не произноситъ этихъ словъ.

Лицо старшаго механика, стоящаго возлѣ меня, страшно.

Это—низенькій, толстенькій господинъ, съ далеко впередъ выдающимся животомъ, который перетягиваетъ его впередъ, а при ходьбѣ заставляетъ переваливаться всѣмъ корпусомъ то въ одну, то въ другую сторону, высоко при этомъ вздергивая плечами. Онъ ужасно похожъ на бульдога и всей фигурой и лицомъ—крупнымъ, съ отвисающими мясистыми щеками.

И въ этотъ моментъ особенно напоминаетъ бульдога: не шелохнулся на своихъ коротенькихъ ножкахъ, не вынулъ рукъ изъ кармановъ, а на лицѣ въ выкатившихся глазахъ выраженіе страшнаго, упорнаго страданія за свою машину, которой онъ не можетъ помочь, и злоба, жестокая злоба. И если слово сорвется съ его языка, то это будетъ жестокое слово. Но онъ молчитъ.

А пароходъ кренится еще больше. Мы соскользнули, очевидно, со льдины, бывшей подъ нами и едва насъ не переломившей, но зато насъ разнесло и закрутило. И подъ давленіемъ нашей кормы за бортомъ крошатся цѣлые ледяные острова и выростаютъ ледяныя горы.

Страшно смотрѣть. И всѣ перебѣгаютъ на другой бортъ, чтобъ оказаться повыше, на случай, если пароходъ станетъ перевертываться. Кромѣ того, какъ будто питаешь слабую надежду, что вѣсъ твоего тѣла можетъ оказать хоть какое-нибудь вліяніе на сохраненіе равновѣсія.

И пароходъ, дѣйствительно, выпрямляется. Бѣгутъ смотрѣть руль: онъ не сломанъ, и цѣпь не лопнула; только лопнула какая-то незначительная часть.

И вотъ проносится новая вѣсть: сѣли на мель И опять какъ будто никто не произнесъ этихъ.

словъ, но всѣ уже знаютъ: вниманіе напряжено до крайности. Только слышу, какъ возлѣ меня одинъ матросъ шепотомъ говоритъ другому:

— Вотъ тамъ, за бортомъ видна грязь.

Но это, оказывается, уже утка: не грязь, а просто пароходъ, недавно покрашенный, обтеръ объ ледъ свою черную краску.

Видя, что бороться со льдомъ не только невозможно, но и опасно, останавливаютъ машину и отдаются на волю льда.

Капитанъ не сходитъ съ мостика. Всѣ усиленно совѣтуютъ другъ другу итти спать и ехидно освѣдомляются, почему не идемъ спать, хотя сами безъ дѣла бродятъ по палубѣ.

Мнѣ это, наконецъ, надоѣдаетъ; я ухожу, раздѣваюсь и засыпаю сразу, камнемъ падаю въ забвенье. Оно и лучше. Между прочимъ, потому, что при особенно пикантномъ положеніи разбудятъ, если же все будетъ болѣе или менѣе благополучно, то интересно будетъ утромъ, проснувшись, узнать какія-нибудь новости.

Просыпаюсь утромъ: мы все на томъ же мѣстѣ, только немного дальше. Вчера были противъ «Сирены» (мысокъ, на которомъ находится сирена), сегодня противъ самого маяка (Городецкій или Сазоновъ маякъ, расположенъ на Городецкомъ мысѣ, сосѣднемъ съ мысомъ «Сирены»). За ночь успѣли, оказывается, побывать и впереди маяка и далеко позади него. Дѣло въ томъ, что приливъ и отливъ чередуются черезъ каждые $6^1/_4$ час. Первый несетъ впередъ, второй относитъ назадъ, вмѣстѣ со льдомъ. Только приливъ, нагоняя ледъ, вызываетъ «сжатіе», и потому при большомъ льдѣ не даетъ пробирать-

ся впередъ. Отливъ же, относя ледъ назадъ, вызываетъ «разводье», которымъ пользуются для продвиженія. Но тутъ уже приходится бороться обратнымъ теченіемъ, такъ что никакъ не удается выбраться изъ одного и того же района. Кромѣ того, есть еще круговыя теченія, благодаря массѣ заливовъ, такъ что ледъ и все въ немъ находящееся, какъ заколдованное, карусельно крутится на одномъ мѣстѣ.

И таково все горло Бѣлаго моря. Нуженъ сильный зюйдовый вѣтеръ, который могъ бы бороться съ тенденціей прилива сжимать ледъ, и тѣмъ поддерживалъ бы все время «разводье», чтобъ дать возможность безъ остановки пробиваться. Но вѣтеръ какъ разъ обратный—все тотъ же проклятый нордъ-вестъ, и мы толчемся во льду все тамъ-же, а именно: между маякомъ и «Сиреной».

Тронулись *въ 12 час. дня*, въ отливъ. И довольно успѣшно прошли маякъ.

Въ 6 часовъ, во время обѣда, остановились: и сжатіе началось, да и капитаны, видимо, не выдержали: они не сходятъ съ мостика уже вторыя сутки. Нашъ капитанъ въ первый разъ за это время сѣлъ съ нами за столъ.

Но пообѣдать до конца ему такъ и не удалось: начался приливъ и сжатіе. Мы были вначалѣ далеко позади нашихъ товарищей по несчастью. Но потомъ стали приближаться къ нимъ. И вотъ тутъ-то пришлось наблюдать явленіе, котораго раньше никогда не видѣлъ и, навѣрное, не увижу впослѣдствіи. А именно: если смотришь на ледъ съ праваго борта, то корабль движется впередъ, и довольно быстро; если же смотришь съ лѣваго, то мы идемъ назадъ почти

съ такой же быстротой и вмѣстѣ съ тѣмъ обѣ половины корабля не расходятся въ разныя стороны. Объясняется это очень просто: полоса льда у берега не захвачена еще движеніемъ, не вовлечена въ общее русло; мы же прижаты къ общей двигающейся массѣ, хотя и съ самаго ея края, и поэтому движемся съ нею лишь вслѣдствіе своей тяжести, немного отставая отъ нея, благодаря чему ледъ еще сильнѣе напираетъ на нашу корму.

А «Тургай» зажатъ льдомъ у самаго края другой мертвой полосы. Поэтому мы, такъ кажется, весьма быстро нагоняемъ его. И вскорѣ становится очевидной неизбѣжность нашего столкновенія съ «Тургаемъ», такъ какъ мы находимся на самыхъ краяхъ двухъ соприкасающихся теченій. Мы проѣдемъ по «Тургаю» бортомъ.

— Завалить шлюпки!

По случаю военнаго времени, есть общее правило во время плаванія держать шлюпки «вываленными», т. е. висящими за бортомъ на «тросахъ» (веревкахъ), на уровнѣ борта. При каждой шлюпкѣ наготовѣ 2 топора, чтобы, въ случаѣ необходимости, рубить сразу съ обоихъ концовъ. А «Тургай» уже близко. На немъ хлопочутъ и бѣгаютъ. И у насъ спѣшка: всѣ тянутъ, поднимаютъ. Поспѣли какъ разъ во время.

Носъ и вообще передняя часть парохода благополучно прошли, но корму заноситъ, и на нее бѣгутъ матросы съ «кранцами» (круглые мѣшки, плетенные изъ веревки, набитые пробкой, которые спускаютъ на веревкахъ между пароходами, чтобы не дать пароходамъ вплотную сойтись

съ бортами и тѣмъ причинить другъ другу поврежденіе).

«Мостики» переговариваются:

— Ты, Иванъ Григорьевичъ, подтяни якорь, а то мы зацѣпимъ!

Машина, конечно, не работаетъ. Гдѣ тутъ, когда ледъ чуть не ползетъ на палубу. Да подъ водою столько слоевъ его, что винтомъ и не провернешь. Каждый пароходъ заключенъ какъ бы въ оболочку, скорлупу и вмѣстѣ съ ней движется. Такъ что и руль, даже еслибы и представилась возможность повернуть его, не окажетъ ровно никакой помощи. Но все сходитъ благополучно, по крайней мѣрѣ, внѣшне благополучно.

Но, миновавъ «Тургая», мы начинаемъ усиленно гнаться за «Омскомъ». И тутъ оказывается, что машина работать не можетъ: винтъ не вертится. «Очевидно, забился ледъ и не пускаетъ»,—рѣшаетъ совѣтъ.

Но въ послѣдній моментъ «Омскъ» благополучно ускользаетъ отъ насъ влѣво, въ сторону отъ берега, мы же «беремъ курсъ» (конечно, ни о какомъ «курсѣ» не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ и руль и машина бездѣйствуютъ) на берегъ.

И вотъ невидимо, неслышно проносится зловѣщій слухъ: «Банка. Насъ несетъ на банку!» Капитанъ на мостикѣ и, конечно, не до разспросовъ ему. Никто не знаетъ глубины у берега. Хотя онъ и крутой, высокая скала спускается прямо въ море,—кто знаетъ, есть ли тамъ, напримѣръ, подводные камни.

Отъ насъ, «пассажировъ», оныхъ же и души и тѣлеса подлежатъ по морскимъ неписанымъ законамъ, охранятъ отъ всяческихъ треволненій,—отъ насъ снова отворачиваются, «снова ничего не знаютъ», а это для насъ уже вѣрный признакъ серьезности положенія.

Мы все ближе и ближе къ берегу. И, чѣмъ мы ближе, тѣмъ ледъ, сжимающійся въ то же время, естественно, все гуще, и тѣмъ болѣе замедляется наше движеніе. Замедляется, но не останавливается. И, наконецъ, попадаемъ въ заливъ, находящійся чуть не противъ самаго маяка, между нимъ и «Сиреной». Заливъ этотъ, навѣрное, будетъ памятенъ капитану: тутъ мы вступаемъ уже въ полосу круговыхъ теченій. Насъ то отнесетъ немного назадъ, то впередъ, то занесетъ носъ, то корму, то сдавитъ, то отпуститъ. Словомъ, играетъ, какъ кошка съ мышкой. Но въ результатѣ всѣхъ этихъ операцій мы неизмѣнно оказываемся все ближе къ берегу, къ этимъ суровымъ, частью покрытымъ снѣгомъ, частью совсѣмъ голымъ скаламъ, такимъ круглымъ и крутымъ, что кажется на берегъ, въ случаѣ чего, не влѣзешь. Наконецъ, мы оказываемся такъ близко, что, если хочешь, вылѣзай и иди къ берегу: прямое безпересадочное сообщеніе.

А маякъ все такъ же безмолвствуетъ, да и что можетъ онъ сдѣлать или сказать, когда дѣлаетъ и говоритъ сама великая матушка-природа, по сравненію съ мощью которой какими смѣшными, мизерно-жалкими кажутся наши «двѣ тысячи шестьсотъ» (2600 силъ)!

«А, нав[illegible]ое, интересно оттуда наблюдать за нами», приходитъ въ голову, «хотя жутко». И вотъ, въ этотъ моментъ наибольшаго приближенія къ берегу, насъ начинаетъ поворачивать, совсѣмъ, кругомъ поворачивать: вправо заноситъ носъ. Намъ троимъ вся эта исторія, это постоянное выбѣганіе на палубу, глядѣніе въ иллюминаторъ, надоѣдаетъ. Идемъ спать въ тотъ моментъ, когда мы уже успѣли сдѣлать болѣе четверти круга и нужно молить Бога не о томъ, чтобы онъ повернулъ носъ въ ту сторону, къ которой мы раньше стремились, но чтобы наше вращеніе продолжалось въ томъ же направленіи. На этотъ разъ уже не раздѣваемся.

7 мая 1916 г.

Рѣшительно «не вытанцовывается» у насъ Городецкій маякъ: мы все на томъ же мѣстѣ, хотя и дальше отъ берега. И все такъ же вращаемся, какъ на каруселн: въ большомъ движущемся кругу льда, съ одной стороны. «Тургай», который за ночь успѣлъ уже, оказывается, и побывать у нашей кормы и вновь отойти отъ нея, съ другой—мы. И вотъ, то его поднесетъ къ берегу кормой, такъ что онъ каждую секунду дрожитъ за свой винтъ и руль, то, спустя извѣстное время, мы клюнемъ носомъ.

Но вотъ онъ, стоя кормой къ берегу, далъ передній ходъ и выбился изъ карусели. Мы тоже хотѣли послѣдовать его примѣру, но безуспѣшно: винтъ все еще не вращается.

— Забило льдомъ!

Но вотъ наступаетъ отливъ, съ нимъ разводье.

Одновременно проглядываетъ солнышко, погода «разгуливается», и начинаетъ чувствоваться легкое, пока еще еле слышное дуновеніе «зюйдъ-веста». Большія льдины расходятся, и между ними образуются цѣлыя пространства, заполненныя одной «кашей».

И за бортомъ у насъ только каша. Невольно возникаетъ вопросъ: неужели льдины, тормозящія винтъ, не выплыли бы, разъ верхній слой очистился.

На висячемъ трапѣ спускаются къ винту механики, и вскорѣ становится извѣстной горькая правда: мы погнули двѣ лопасти, и винтъ вертѣться не можетъ. Итакъ, мы—«аварійный» пароходъ.

На мачтѣ вывѣшиваютъ два черныхъ шара, обозначающіе, что «пароходъ мертвъ». Это—отвѣтъ маяку, который усиленно зоветъ насъ къ берегу, гдѣ видна большая полоса чистой воды. Увы, теперь для насъ это не имѣетъ уже никакого значенія. Начинаются толки: выброситъ ли насъ на берегъ, или возможно, съ зюйдовымъ вѣтромъ унесетъ въ океанъ; особенно механики пріуныли: имъ какъ будто чего-то неловко, стыдно, что они теперь не у дѣла.

Но ко всякому новому положенію можно въ концѣ концовъ привыкнуть. Такъ и тутъ: первое время дикой кажется самая мысль, что мы изъ управляемаго корабля съ мощной машиной превратились въ самую обыкновенную груженую баржу, которою вѣтеръ и теченіе могутъ играть

по своему усмотрѣнію. Но, разъ войдешь, какъ слѣдуетъ, въ это положеніе, оно уже не кажется страннымъ. И уже кажется, что иначе оно и быть не могло. Машину закрываютъ.....

«Каютъ-компаніонъ» (завѣдывающій хозяйствомъ) торжественно заявляетъ, что закуски и масло отмѣняются. Но вообще то съ провизіей кое-какъ можно еще продержаться.

А телеграфъ работаетъ: и съ Архангельскомъ, и съ нашими коллегами по несчастью. И съ «Тургая» и съ «Омска» приходятъ вѣсти о поломкахъ, правда не такихъ серьезныхъ, какъ у насъ: «Омскъ» погнулъ руль, «Тургай» (или «Не ругай», какъ его зовутъ) поломалъ лопасти. Но онъ—съ лѣвой стороны, мы же съ правой. Такъ вотъ они—истинныя послѣдствія нашего вчерашняго столкновенія: ледъ, бывшій между пароходами, сжался, ушелъ внизъ, къ винтамъ, и повредилъ ихъ. Только у насъ лопасти, къ несчастью, бронзовыя: ихъ погнуло, и итти нельзя, такъ какъ онѣ задѣваютъ за «рулевую раму».

У «Тургая» же—чугунныя, двѣ изъ нихъ обломило, и итти съ остальными все-же можно.

Изъ Архангельска же сообщаютъ о выходѣ ледокола. Только вотъ куда онъ насъ поведетъ —назадъ; въ Александровскъ или же впередъ, въ Архангельскъ?

«Омскъ» далеко. Теперь его прижало къ берегу, и онъ никакъ не можетъ выкарабкаться.

Мы же отнесены отъ берега. И попрежнему мозолимъ глаза смотрителю Городецкаго маяка, прогуливаясь подъ его окнами—миль пять

впередъ и столько же назадъ: рѣшительно не вытанцовывается проклятое мѣсто.

8 мая 1916 г.

Поймали телеграмму «главнаго», приказывающую ледоколу «Айсланду» итти къ намъ на помощь.

Часамъ къ 4 утра показались на горизонтѣ 3 точки.

Это—«Айсландъ»,англійскій ледоколъ «Гасконія» и французскій крейсеръ «Шампань» (сей послѣдній отвозилъ въ Архангельскъ французскую миссію, которая проѣздомъ была и въ Семеновской—я ее тамъ видѣлъ).

Они приближаются, но весьма медленно. «Шампань» все время застреваетъ, ледоколы ее вытаскиваютъ. Намѣренія подойти къ намъ они не обнаруживаютъ. Очевидно, хотятъ сначала вывести «Шампань» на чистую воду. (Какъ ни старался, не могъ обойти эту двусмысленность).

«Тургай» дѣлаетъ попытки итти къ Архангельску и ушелъ довольно далеко. «Омскъ» тоже хотѣлъ дать тягу, но нашъ «радіо» заработалъ, и онъ повернулъ къ намъ. Часамъ къ 10 вечера подошелъ къ намъ и сталъ огибать.

«Мостики» переговаривались въ рупоръ. Чудное эхо. Удесятеряя силу, усиливая отчетливость и какъ будто даже углубляя интонацію, оно повторяетъ, буквально, каждый звукъ.

А ледоколы все не могутъ пробиться. Очевидно, мы находимся въ самой пробкѣ, которую вѣтеръ и теченіе носятъ взадъ и впередъ: то съ

нордомъ отнесутъ къ «Сосновцу» (Сосновецкій маякъ, первый отъ Архангельска), то съ зюйдомъ къ «Святому Носу». Это, прости, о мой дневникъ, за вульгарное выраженіе: запоръ Бѣлаго моря. Нужно хорошее, долго-дѣйствующее слабительное,—здоровый зюйдъ-вестъ этакъ съ недѣлю, чтобъ пробка выскочила.

Пока же насъ носитъ съ ней взадъ и впередъ.

9 мая 1916 г.

Дымки ледоколовъ и «Шампани» все еще видны на горизонтѣ сзади насъ. Но къ намъ идетъ уже новый ледоколъ: «Адвенгуръ» и уже сравнительно недалеко, но, видимо, въ этомъ проклятомъ районѣ тоже не можетъ пробиться. Надежды на него все же мало: буксировать насъ онъ не сможетъ. «Омскъ» все стоитъ возлѣ насъ, какъ вѣрный стражъ, какъ преданная собака. «Тургай», ночью поднесенный къ намъ, снова дѣлаетъ попытку уйти. Все тотъ же Городецкій маякъ теперь уже немного позади. Погода чудная. За завтракомъ пришлось закрывать иллюминаторы, чтобы солнце не било въ глаза.

А еще 6-го мая мы за столомъ такъ смѣялись, читая на листикѣ календаря стихотвореніе: «Весна пришла». Тогда-то вѣтеръ рвалъ и металъ, и стекла запорошило снѣгомъ. Но теперь, если у насъ здѣсь не весна, то погода такая, что заставляетъ вспоминать, ярко представлять себѣ, какая весна тамъ, «въ Россіи», какъ распускается сирень, какъ бѣгаютъ по улицамъ Москвы мальчишки съ пучками ландышей, фіалокъ;

какъ свѣжо, какъ молодо пробуждается природа Сибири.

Смѣшно: вчера ночью, когда я никакъ не могъ заснуть, обуреваемый думами о всемъ томъ, что ожидаетъ меня по возвращеніи, я необычно ярко представилъ себѣ весеннюю молодую Москву. И почему-то ужасно захотѣлось попасть къ «Филиппову» и . . . . .мороженаго: это во льдахъ то!..

3½ часа дня. «Омскъ» пошелъ, ходко пошелъ,—бросилъ насъ: приближаются ледоколы—одинъ изъ Архангельска «Адвенгуръ», другой изъ Александровска—«Айсландъ», хотя послѣдняго еще не видно.

Какая досада иногда охватываетъ, когда подумаешь, что всѣ эти долгія скитанія (правда, и интереснаго въ нихъ тоже очень много) вызваны всего лишь тѣмъ, что я на полтора-два часа опоздалъ къ «Беллявенгуру». А какъ измѣнилась бы вся жизнь за это время: я былъ бы сейчасъ не во льдахъ, а въ отрядѣ на фронтѣ или хоть былъ бы уже близокъ къ нему. Проклятая, неумѣстная, глупѣйшая привычка утаивать эти пресловутыя, такъ называемыя, «государственныя тайны» отъ пассажировъ и вообще лицъ заинтересованныхъ. «Омскъ», напримѣръ, ушелъ; ну, пусть даже онъ не согласился бы подойти къ «Каменцу», чтобы принять насъ. Вѣдь, я вчера вечеромъ готовъ былъ на пари спутешествовать къ нему съ веревкой и багромъ и не сдѣлалъ этого только потому, что мокнуть не хотѣлось. Да и переодѣть нечего. Тѣмъ болѣе сдѣлалъ бы это, если бы зналъ, что онъ

оставляетъ насъ и идетъ въ Архангельскъ. И даже вещи можно было бы кое-какъ перетащить.

А теперь жди, пока подойдутъ ледоколы; да сколько времени еще будутъ буксировать насъ; да, возможно, поведутъ еще обратно.

Надоѣло, надоѣло все. Довольно полярныхъ ощущеній и переживаній. Хочу жизни—свѣжей, молодой, какъ это время года, настоящей жизни! Хочу, наконецъ, работать, а не только набираться «впечатлѣніями» и «настроеніями». А, вѣдь, ничего иного я, собственно, и не дѣлаю съ самаго ноября прошлаго года, какъ тунеядствую.

Какъ хороша—жизнь.

10 мая 1916 года.

1 часъ ночи. Играли въ шашки. И передъ тѣмъ, какъ идти спать, взглянули еще разъ въ иллюминаторъ и на ледоколъ. И долго не могли найти. Но глянули въ другую сторону и ахнули: подъ носомъ онъ оказался. Но долго не можетъ обогнуть находящуюся между нами льдину. Надоѣло ждать. И что же дѣлать, какъ не итти спать. Хотя знаешь, что не заснешь долго-долго.

11 часовъ утра. «Адвенгуръ» стоитъ у борта. Сходилъ на него поговорить съ «радіо»-студентомъ. Но не отъ него, а немного позже, изъ газетъ узналъ о призывѣ студентовъ 1-го и 2-го курса и не только 1894—5-го, но даже 1893 года.

Вотъ онъ, коренной переломъ въ жизни. Ко многому стремился я до этого момента, и потому такъ спѣшилъ попасть въ Россію. Теперь—торопиться причинъ еще больше. Но открываются уже совершенно другіе берега, иные горизонты.

Жеребьеметаньемъ заниматься я, конечно, не буду (да и опоздалъ уже), остается одно: черезъ отрядъ устроиться «вольноперомъ». Вотъ моментъ, котораго я и боялся (въ чемъ не имѣлъ мужества признаться самому себѣ) и желалъ въ глубинѣ души. Боялся потому, что хорошо «геройствовать», быть *добровольцемъ*, и тѣмъ удовле-

С. А. Шлихтеръ на ледоколѣ „Белльявенгуръ", въ качествѣ довѣреннаго Главнаго Комитета Земскаго и Городского Союзовъ по розыску грузовъ, на Мурманѣ.

творять свое тщеславіе и потребность въ похвалѣ другихъ, но та же самая работа становится совсѣмъ непривлекательной и страшной, когда знаешь, что тебя *гонятъ* на нее, что «возврата нѣтъ», что ты—лишь пушечное мясо, когда представляешь самого себя безъ рукъ, безъ глазъ, съ перебитымъ хребтомъ: такъ, по крайней мѣрѣ, представлялъ я себѣ раньше свое душевное состояніе въ моментъ призыва. И собственно даже пережилъ его именно въ этой формѣ, когда Кена*) невѣрно сообщилъ мнѣ изъ Москвы: «Изъ университета исключенъ**), призванъ».

Желалъ же призыва почти все время потому, что это сразу разрѣшало всѣ больные, «проклятые» вопросы. Но сейчасъ нѣтъ во мнѣ,— и я самъ удивляюсь этому—даже боязни призыва. И, конечно, не призыва, а того, что за этимъ слѣдуетъ, т. е. войны съ ея, такъ реально представлявшимися мнѣ ранѣе въ примѣненіи къ самому себѣ—ужасами. Очевидно, чистый воздухъ Бѣлаго моря и то время, которое я провелъ «въ тылу», не прошли такъ уже безслѣдно для «нервовъ», потому что это отсутствіе боязни передъ войной—*не есть* результатъ столь недавняго пессимистическаго взгляда на жизнь, когда думалось, что жить незачѣмъ, такъ какъ, молъ, «все равно убьютъ». Нѣтъ, бывало, въ «Іоганской бухтѣ», оторвавшись отъ Вересаева и Толстого, выйдешь на палубу передъ разсвѣтомъ,

*) Студентъ—товарищъ автора.

**) Авторъ взялъ изъ универс. бумаги для представленія въ военное училище. Не попавъ въ училище, онъ снова былъ зачисленъ въ университетъ.

т. е., часа въ 2 ночи: На палубѣ ни души. Одинокій, ходишь по ней большими шагами, и хочется и плакать, и смѣяться отъ избытка чувства жизни: такъ прекрасны кружевныя пурпурно-лазоревыя облачки, обступившія горизонтъ, стерегущія появленіе своего повелителя изъ глубины моря, заглядывающія въ эти глубины морскія, томно склоняющіяся надъ ними! Такъ величава необъятная, необозримая даль спокойнаго моря, позволяющаго предразсвѣтному вѣтерку лишь изрѣдка, лишь слегка зарябить свою поверхность! Такъ смиренно теряются въ его просторахъ маленькія, разрозненныя льдинки,—не знающія покоя и пріюта, вѣчныя странники! Такъ жаждетъ душа,—вся, безъ остатка, душа: разлиться въ *чувствующемся здѣсь* мировомъ эфирѣ, цѣликомъ раствориться въ немъ, но цѣликомъ же и поглотить его въ себя,—что нѣтъ иныхъ словъ для выраженія своего настроенія, кромѣ все тѣхъ-же:

Какъ хороша—жизнь! Какъ хорошо—жить!

* *
*

5 часовъ дня. «Адвенгуръ», не дожидаясь другого ледокола, повелъ насъ—и хорошо. Вскорѣ же вышли на свѣжую воду. Не доходя Орловскаго—опять ледъ. Немного постояли, потомъ снова пошли. Далеко сзади, у Городецкаго, видны дымки догоняющихъ насъ «Айсланда» и «Брюсса».

Сегодня въ припадкѣ необычной откровенности, «отверзлись уста» у нашихъ хозяевъ, и я отъ двоихъ-троихъ услышалъ признаніе, что та «льдина» 6-го числа, которая едва-едва

не переломила и не перевернула насъ, была, собственно,—не льдина, а... камень. Да оно иначе и быть не можетъ, если вдуматься: какъ льдина, свободно поднявшая больше милліона пудовъ,—а это вѣсъ нашего парохода съ грузомъ,—какъ такая чудовищная льдина могла оставаться глубоко подъ водой, совершенно скрытой! Потому что мы, вѣдь, тщательно слѣдили и обходили мало-мальски серьезныя льдины, для чего на носу спеціально стояло нѣсколько наблюдателей. Потомъ, если бы, чего не можетъ быть,—мы ее даже и не замѣтили, какъ могъ бы сидящій на 28 ф. пароходъ забраться на нее? Впрочемъ, сегодня самъ капитанъ, которому, конечно, всѣхъ непріятнѣе, что онъ наскочилъ на камень, который теперь все время какъ будто передъ кѣмъ-то оправдывается,—и онъ сегодня за столомъ признался, что это: «могъ быть и камень». Завтра надѣются быть въ Архангельскѣ. Посмотримъ: «Орловскій» все еще не пройденъ.

Кстати: порядокъ и расположеніе маяковъ отъ Александровска къ Архангельску:

1) Святоносскій (на правой рукѣ).

2) Городецкій или Сазоновъ (направо, Терскій берегъ).

3) Орловскій (тоже).

4) Моржовецъ (на островѣ того же названія, налѣво).

5) Сосновецкій (направо, на Терскомъ берегу).

6) Зимнегорскій (налѣво).

Далѣе—Мудьюгскія створныя башни (судно должно итти въ «створъ», т. е. такъ, чтобъ огни обѣихъ башенъ сливались въ одну точку).

Недалеко оттуда—уже «Баръ»—конецъ устья рѣки Сѣверной Двины и выходъ изъ нея въ море.

11 мая 1916 года.

Ночью догнали насъ ледоколы. «Адвенгуръ» ушелъ обратно въ Александровскъ, «Брюссъ» теперь взялъ насъ на буксиръ, «Айсландъ» крейсируетъ вокругъ. Все шло сначала прекрасно, и дѣлали до 9 узловъ. Но днемъ разыгралась буря, и толстенные въ 12 или 14 дюймовъ (въ окружности), канаты стали лопаться разъ за разомъ. Насъ поставило вдоль волны, раскачало, и маленькій «Брюссъ», корму котораго то высоко взбрасывало въ воздухъ, такъ что видны становились и руль и винтъ, то съ размаху бросало на «9-й валъ», въ которомъ она вся тонула,—этотъ «Брюссъ» не могъ не только вести насъ, но даже поставить поперекъ волны. Въ концѣ концовъ бросили «крѣпить буксиръ», и сдали насъ на волю волнъ.

«Айсландъ» вскорѣ ушелъ для доклада «главному»; несчастный «Брюссъ», взбивавшій кормой пѣну и водяную пыль, дѣлалъ довольно успѣшныя попытки не отставать отъ насъ. Насъ же поставило по волнѣ и качаетъ бортовой качкой, т. е. кренитъ то на одинъ, то на другой бортъ.

Выглянешь въ иллюминаторъ каюты, выходящей какъ разъ на борты, и вода покажется далеко-далеко, и думаешь, неужели у насъ такіе высокіе борта. А потомъ, какъ ухнетъ-ухнетъ внизъ, сердце замретъ, сжавшись въ маленькій комочекъ, и покатится-покатится внизъ. Смо-

тришь, а вода—вотъ она—подъ самымъ, что называется, «окномъ». Вышелъ на палубу днемъ—снять «Брюссъ», двое съ него стали усиленно махать мнѣ платочками. Не понялъ ничего. Потомъ второй механикъ объяснилъ, что это *** и еще одинъ мой знакомый, которыхъ я когда то,—а давно же это было,—покинулъ на «Могилевѣ» въ Александровскѣ. Но физіономій ихъ я такъ и не разобралъ: качаетъ и въ бинокль моментами даже пароходъ не поймать. Несетъ насъ къ «Бару». Славу Богу, а то могло бы унести обратно къ «Орловскому».

12 мая 1916 года.

Утро. Все то же. Новость только та, что даже «Брюссъ» «укачался» (вспоминаю, что ночью былъ одинъ моментъ, когда я едва-едва «сдержался») и далъ течь. Телеграфируетъ, что помпы не поспѣваютъ выкачивать воду. И вотъ онъ уходитъ. Намъ изъ Архангельска высылаютъ «Илью Муромца» (большой ледоколъ). Пока же мы одни.

Теперь берега уже не видно, какъ вчера. Кругомъ открытое море. Вѣтеръ слегка стихаетъ, но пароходъ уже «раскачался» и чувствителенъ каждой волнѣ, на которую раньше онъ не обратилъ бы даже вниманія. Насъ отнесло отъ «Бара», говорятъ, въ сторону Соловецкихъ острововъ. Кто-то пошутилъ, что, въ случаѣ необходимости, можно будетъ поставить свѣчку въ «Соловцахъ». Глубина—30 саж. Часто бросаютъ лотъ. Когда будетъ 15—20, капитанъ говоритъ—бросимъ якорь.

5 час. вечера. На горизонтѣ показались дымки; не за нами ли?

13 мая 1916 года.

1 часъ ночи. «Илья» только что привелъ насъ на «Баръ». Пароходовъ вокругъ насъ, на рейдѣ масса: штукъ за 50. Отдали буксиръ и якорь. Будемъ ждать буксирныхъ пароходовъ, съ которыми «Илья» поведетъ насъ по «Маймаксѣ»—узкому и неглубокому, сравнительно, но единственному проходимому для океанскихъ пароходовъ рукаву дельты Двины.

12 час. дня Пришелъ одинъ «буксиръ» (буксирный пароходъ), и мы тронулись Прошли благополучно «Баръ» и даже сдѣлали 2 поворота въ бокъ въ чрезвычайно узкой, извилистой, съ быстрымъ теченіемъ «Маймаксѣ». Уже приготовились въ 8—9 час вечера быть на «Бакарицѣ», а оттуда немедленно попасть въ Архангельскъ. Но судьба рѣшила, очевидно, твердо испытать наше терпѣніе. Не только насъ, но и всѣхъ вокругъ насъ преслѣдуетъ несчастье: на одномъ изъ поворотовъ (это было около 6 час.) «Илья», ведшій насъ (тогда какъ «Буксиръ» держалъ насъ сзади, за корму, чтобы ея не заносило), вдругъ какъ-то странно свернулъ въ сторону. Далъ задній ходъ и кормой сталъ сдерживать насъ. Мы же, далеко обогнавъ его, неудержимо, по инерціи, неслись впередъ, съ очевиднымъ рискомъ выскочить на берегъ.

«Илью» приперло къ берегу, онъ закачался, накренился... Здоровенный стальной канатъ на-

тянулся, какъ струна. Стальное «гнѣздо» въ кормѣ «Ильи» не выдержало давленія, лопнуло, и канатъ смелъ все съ палубы, вплоть до лебедки, на которой закрѣпленъ его конецъ. «Каменецъ» задрожалъ, секунду подумалъ, но потомъ все же пошелъ дальше.

— Отдать якорь!

Пока отдали якорь, упавшій было въ воду канатъ вновь натянулся струною,—моментъ напряженнѣйшаго ожиданія: всѣ шарахнулись съ палубы, и канатъ разорвался, какъ гнилая веревочка; конецъ оторвался отъ нашего носа, взвился подъ самую мачту и шлепнулся въ воду между пароходами. Все въ одинъ мигъ. Одновременно мы почувствовали слабый толчекъ, носъ поднялся высоко, корма опустилась, весь пароходъ накренился влѣво: мы стали на мель.

Все зашевелилось, всѣ бросились смотрѣть поврежденія. Пронесся слухъ, что на «Ильѣ» убитъ одинъ матросъ. Это оказалось правдой: исковерканный «Илья», не имѣя болѣе возможности буксировать насъ, повезъ въ больницу боцмана, (которому канатомъ перешибло позвоночникъ). Сидимъ на мели и ждемъ буксировъ, которые должны стянуть насъ и повести. Глубина здѣсь: 17—20 фут., мы же сидимъ на 22—23. Но грунтъ мягкій: илъ. Пока, слѣдовательно, отдыхаемъ на перинѣ, а стащить, говорятъ, легко. Итакъ ждемъ прилива и буксировъ.

Архангельскъ 17 мая 1916 г.,

Я пробылъ около 3-хъ сутокъ на суднѣ потому что не пріѣзжали томоженные надсмотрищики, пока я не устроилъ форменаго яскандала.

Послѣ этого, въ ночь на 15 е мая меня спустили съ судна. Утромъ, въ 6 часовъ, я былъ въ Архангельскѣ и изъ полученныхъ писемъ узналъ, что наша летучка съ врачемъ и почти всѣмъ персоналомъ попала въ плѣнъ, потому что, работая около окоповъ, не захотѣла въ послѣдній моментъ покинуть раненыхъ (это было у оз. Нарочь).

Сегодня же выѣзжаю въ Москву, а далѣе предполагаю зачислиться развѣдчикомъ, въ виду призыва студентовъ.

На фронтъ.

Москва 20 мая 1916 года (телеграмма)

Завтра уѣзжаю на фронтъ въ развѣдчики. Прощайте, мои дорогіе, не огорчайтесь Цѣлую, обнимаю. всѣхъ.

Поѣздъ, станція «Орша», 23 мая 1916 года.

Вотъ оно, наконецъ, свершится черезъ нѣсколько дней и, собственно, уже свершился довольно большой поворотъ въ жизни. Вскорѣ я буду окончательно закабаленъ, до конца войны. Сейчасъ немного грустно разставаться со своей свободой, съ тѣмъ своимъ положеніемъ, которое позволяло распоряжаться своей персоной по собственному благоусмотрѣнію.

Хуже настроеніе было въ Москвѣ, такъ какъ тамъ положеніе мое было все еще недостаточно опредѣлившимся. Но стоило подъѣхать къ Александровскому вокзалу, стоило сѣсть въ вагонъ, биткомъ набитый прапорщиками, настоящими боевыми офицерами (такими простыми, милыми, хорошими людьми послѣ всей той с . . . . . ,которуювидѣлъ я въ Архангельскѣ и на Мурманѣ), стоило, словомъ, немного погрузиться въ эту знакомую мнѣ обстановку, какъ я почувствовалъ свое положеніе сразу опредѣ-

лившимся и установившимся, а также, что: «сомнѣнья далеко».

Некрасовъ, съ которымъ я видѣлся на второй день моего пріѣзда, устроилъ мнѣ слѣдущее: мнѣ дали право на проѣздъ на фронтъ и отпускъ въ первый сибирскій отрядъ. Я пріѣду въ отрядъ и уже оттуда устроюсь въ команду развѣдчиковъ (или пѣшую или конную) при одномъ изъ полковъ того корпуса, или даже той дивизіи, съ которой отрядъ работаетъ.

Пока прощайте. Опущу письмо въ Б., за два часа пути отъ М. Изъ М. отправлюсь въ М. или В. Не знаю точно, гдѣ стоитъ отрядъ. А, можетъ быть, онъ передвинулся, тогда придется поблуждать.

Письма развѣдчика

Въ лѣсу. Районъ М., 25 мая 1916 г., 6 часовъ вечера

Дорогіе мои! Я, наконецъ, пріѣхалъ и—уже развѣдчикъ. Мой адресъ отнынѣ: Дѣйствующая армія, 266 й Порѣченскій полкъ, команда пѣшихъ полковыхъ развѣдчиковъ, вольноопредѣляющемуся токому-то. Со мною Мартьяновъ.

Я вчера пріѣхалъ въ отрядъ. Довольно счастливо разыскалъ его, потому что войскъ масса (здѣсь въ самомъ непродолжительномъ времени, носятся слухи, будетъ наше наступленіе), и все это стоитъ въ разбросанныхъ по холмамъ лѣсахъ и рощахъ. Всѣ лѣса забиты палатками и обозами. Сегодня былъ у командира полка и въ «своей» командѣ. Комадиръ полка очень удивился, узнавъ, что перехожу съ «гражданской службы». Пришлось отвѣтить: «желаю послужить въ войскахъ, ваше высокоблагородіе». Онъ поколебался, но все же принялъ и дабавилъ, обращаясь къ начальнику нашей команды, что, авось, мы окажемся «блестящими развѣдчиками». Затѣмъ я подалъ прошеніе на Высочайшее имя, о зачисленіи меня въ полкъ на правахъ вольноопредѣляющагося. И вотъ уже все оформлено, и я даже зачисленъ на денежное довольствіе, въ мѣсяцъ: 75 к. какъ рядовой, 3 р. за крестъ и 1 р. за медаль. Мои награды оказали весьма большое впечатлѣніе. Сегодня я ночую въ отрядѣ,

завтра перехожу въ команду. Она расположилась въ рощицѣ, въ палаткахъ.

Прощайте, ѣдетъ оказія. Цѣлую всѣхъ. Моя давнишняя мечта исполнилась. Привѣтъ друзьямъ. Вашъ Сережа.

Лѣсъ 30 мая 1916 г.

Простите, родныемои, но какъ-то не пишится большого письма, до полученія отъ васъ вол. нующихъ меня вѣстей о вашемъ житьѣ-бытьѣ, и главное, о твоемъ здоровьѣ, мамуся. Мы съ Мартьяновымъ устроились въ томъ-же корпусѣ, гдѣ и отрядъ. Пока стоимъ въ резервѣ, въ лѣсу, въ палаткахъ. Цѣлую. Пишите. Вѣдь я ничего не знаю о васъ. Сережа.

Стоянка летучки отряда. дер., Л., въ 4 верстахъ отъ м. М., 10 іюня 1916 г.

Дорогіе мои! Мы сдѣлали переходъ изъ-подъ станціи Вилейка (у Молодечно) подъ станцію Столбцы. Прошли верстъ 125. Шли дней 6. Походъ этотъ былъ для насъ совершенно неожиданнымъ. Мы стояли въ резервѣ въ 30 в. отъ Молодечно, въ 6—7 верстахъ отъ позицій. Насъ, развѣдчиковъ полка, послали къ нашимъ позиціямъ (т. е. тѣмъ, которые намъ предстояло занять въ случаѣ боя) развѣдать подступы къ нимъ, а также «плацдармы», вынесенные передъ окопами и даже за нашими проволочными загражденіями. Плацдармъ—это система пересѣкающихся «щелей» (глубокихъ въ 1—2 сажени, но узкихъ канавъ) и ходовъ сообщенія. Все это подводятъ

на французскій манеръ, возможно ближе къ непріятельской «проволокѣ».

Въ случаѣ наступленія, сначала происходитъ накапливаніе въ этихъ, укрывающихъ отъ артиллерійскаго огня, «щеляхъ» (есть между ними также и спеціальныя блиндажныя укрѣпленія—«убѣжища»), и уже отсюда ведется наступленіе и атака. Такимъ образомъ, значительно сокращается путь, который наступающему приходится проходить безъ укрытія.

Мы двое сутокъ безъ устали болтались у окоповъ, за и передъ ними Бродишь 8 часовъ, придешь къ себѣ въ палатку, поспишь, и снова и снова.

Массу видали интереснаго. Обстановка измѣнилась кардинально: видно, что фронтъ уже не пустое мѣсто, какъ раньше, гдѣ можно бродить часами и сутками и не видѣть никакихъ признаковъ подготовки, но мѣсто, надъ которымъ очень и очень работаютъ. Масса артиллеріи, даже крупной. Масса телефоновъ, для которыхъ часто проведены канавки, чтобы укрыть ихъ отъ артиллерійскаго огня. Хорошо развитая и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прекрасно укрытая блиндажами сѣть земляныхъ укрѣпленій. Масса наблюдательныхъ пунктовъ, недалеко отъ окоповъ для командировъ полковъ и даже начальниковъ дивизіи, что указываетъ на то, что наше начальство заставили значительно приблизиться къ бою, чего отнюдь не наблюдалось раньше.....Есть..... ножницъ для проволоки на роту (раньше 16 – 20 на полкъ). Есть стальные ..... особаго устройства, съ которыми ползутъ при наступленіи. У насъ въ полку около....пулеметовъ

Раньше было всего нѣсколько штукъ Вообще, масса неожиданностей, хотя говорятъ, что .... , но въ послѣднемъ я лично еще не убѣдился. Носились такіе, вполнѣ опредѣленные слухи.. ....

. . . . . .

Развѣдавъ детально все, что нужно, мы вернулись къ себѣ въ резервъ и стали ожидать боя. И дѣйствительно, на третій день вечеромъ, когда мы сидѣли въ отрядѣ, за нами прибѣжалъ вѣстовой изъ команды: приказъ выступать. И мы дѣйствительно пошли, но какъ разъ въ обратную сторону. Это было неожиданностью даже для начальства.

Первый переходъ былъ ужасно труденъ: мы шли около 12 ч. подъ холоднымъ. колючимъ дождемъ (несмотря на начало іюня, погода стояла осенняя), по колѣно въ водѣ и грязи. Прошли верстъ 30. Промокли насквозь. Всего хуже, что промокли тѣ универсальные «шинелюшки», подъ которыми можно хоть немного согрѣться. Пришли на стоянку утромъ. Дождь, не переставая, лилъ. Провели торжественно черезъ большую деревню, въ сараяхъ которой мы расчитывали согрѣться, и привели въ мокрый лѣсъ.

Дѣлайте, молъ, что хотите.

А дождикъ все моросилъ, и вода съ насъ бѣжала.

Сушились мы у костровъ до 7 часовъ вечера, и все еще на другой день оставались мокрыя мѣста на шинеляхъ.

Слѣдующіе переходы были трудны, но не такъ. Въ частности у насъ съ Мартьяновымъ стала

образовываться привычка механически, не думая ни о чемъ, ходить. На 3-й переходъ команду развѣдчиковъ, какъ идущую лучше всѣхъ въ полку, пустили впередъ, въ головѣ, и мы заслужили особую благодарность командира полка за переходъ:

— Молодцы, развѣдчики!

— Рады стараться, вашскобродь!

Между прочимъ, мы съ Колей идемъ во главѣ колонны, въ шеренгѣ изъ четырехъ. Это называется вздвоенными рядами. Несемъ винтовку, «скатки» (скатанную шинель) черезъ плечо, противогазъ (особой новой формы въ металической оболочкѣ), флягу и вещевой мѣшокъ за спиной.

Теперь уже вторые сутки стоимъ въ мѣстахъ весьма знакомыхъ, т. е. въ 4 верстахъ отъ м. М., гдѣ мы были въ сентябрѣ прошлаго года. Погода хорошая, и пріятно жить въ лѣсу, въ палаткахъ. Еще бы сюда рыбалку, и было бы совсѣмъ хорошо. Пока отдыхаемъ. Двинутъ, говорятъ, черезъ 4—7 сутокъ. Куда—объ этомъ масса и толковъ, и слуховъ. То говорятъ, что на здѣшнія позиціи, то подъ Барановичи, то на югъ. Съ нами движется.... ..тяжелыхъ дивизіоновъ (артиллерія) и еще.....корпуса.

Я пишу вамъ о себѣ, а на умѣ у меня все одинъ и тотъ же вопросъ: что съ вами, и, конечно, въ первую голову, съ тобой, мамуся. Вѣдь я все такъ же ничего не знаю. Умоляю сообщить на отрядъ. Даже не знаю, о чемъ васъ спрашивать, такъ давно не получалъ отъ васъ писемъ и такъ мало знаю о васъ. Пишите-же скорѣе. Привѣтъ друзьямъ. Цѣлую крѣпко моихъ дорогихъ.

За меня не безпокойтесь: у насъ довольно теплая компанія въ командѣ. Офицеры не цукаютъ.

Кормятъ супомъ и кашей. Мясная порція очень мала. Чернаго хлѣба и сахару достаточно. Главное и большее подспорье къ казенной пищѣ—бѣлый хлѣбъ, который покупаемъ въ деревняхъ Когда же стоимъ возлѣ отряда, мы съ Мартьяновымъ блаженствуемъ. А съ нами иногда блаженствуетъ и кое-кто изъ нашихъ развѣдчиковъ. Принимаютъ великолѣпно и всегда съ предвзятымъ убѣжденіемъ, что мы голодны.

Двѣ сестры, сидящія напротивъ, просятъ написать привѣтъ всѣмъ: «папѣ и мамѣ и обоимъ братишкамъ». Исполняю.

Прощайте, мои хорошіе Быть можетъ, ваше письмо застанетъ меня уже не въ этихъ мѣстахъ. Помните, какъ мнѣ необходимы ваши письма. Не особенно увлекайтесь посылками, тѣмъ болѣе деликатессами . . . . . а живется здѣсь въ сущности не такъ ужъ плохо. Если будетъ нѣсколько лишнихъ рублей, пожалуй, лучше, вмѣсто посылки, присылайте ихъ натурой, «на бѣлый хлѣбъ». Но серьезно прошу и даже требую не тратиться на меня, такъ какъ, въ сущности, мнѣ ничего не нужно.

Цѣлую еще разъ горячо.

Весь съ вами вашъ Сережа.

P. S. Дѣтишки, братишки мои славные, цѣлую васъ крѣпко.

Группа развѣдчиковъ 266-го Порѣченскаго полка (**С. А. Шлихтеръ**, 3-й справа, вверху).

Стоянка летучки у м. М., 12 іюня, 1916 г.

Дорогіе мои! Черезъ $1^1/_2$—2 часа насъ, развѣдчиковъ (8 человѣкъ, въ томъ числѣ меня и Мартьянова), высылаютъ впередъ полка, для развѣдки позицій. Говорятъ, идемъ верстъ за 50, къ Барановичамъ. Стояли тутъ мы нѣсколько дней и порядкомъ отдохнули отъ похода.

Не удивляйтесь, если долго не будетъ писемъ. Это письмо посылаю съ оказіей: летучка отряда стоитъ отъ насъ въ полверстѣ, и мы заглянули сюда передъ походомъ—сдать лишнія вещи, подзакусить, взять парочку коробокъ съ консервами, проститься съ уѣзжающими товарищами.

Итакъ, не безпокойтесь по поводу долгаго молчанія. Цѣлую моихъ родныхъ крѣпко.

Вашъ Сережа.

Стоянка въ лѣсу, 17 іюня, 1916 г., 12 час. дня.

Дорогіе мои! Мы снова продвинулись: не на 50 верстъ, какъ я писалъ вамъ, а на 20-25. Трое сутокъ наша партія развѣдчиковъ (8 человѣкъ) болталась на позиціяхъ днемъ и ночью, изучая подступы, ходы сообщенія и плацдармы, не зная отдыха. Придешь, свалишься, поспишь нѣсколько часовъ—и снова. А иной разъ совершенно разбитый возвращаешься «домой», мечтая только объ отдыхѣ, а тамъ тебя ожидаетъ новая «задача». Приходится выполнять, хотя самъ не знаешь, откуда берутся силы. Вернешься съ этой второй задачи, проблуждавъ всю ночь,—два часа сна—и снова идешь. Старые развѣдчи-

ки ворчатъ больше нашего. Зато изучили нашъ будущій фронтъ здорово. *)

И, вернувшись въ полкъ, уже на новую стоянку, узнали, что намъ съ Мартьяновымъ предстоитъ вести два батальона (два другіе поведутъ наши офицеры). Не говоря уже о томъ, что вести придется, навѣрное, ночью, такъ что нужно до деталей знать всѣ входы и выходы, чтобы не запутаться,—отъ того пути, которымъ ты поведешь свою колонну, зависитъ большее или меньшее количество потерь. На первый разъ страшновато.

Только что происходила раздача крестовъ въ батальонѣ.

Очевидно, хотятъ поднять настроеніе и вызвать желаніе новыхъ наградъ. Двинемся на позиціи (мы отъ нихъ—въ 6 верстахъ) не сегодня —завтра.

У меня свалилась тяжесть съ души, когда я получилъ вашу телеграмму съ извѣщеніемъ, что ты, мамуся, здорова. Принесъ мнѣ ее третьяго дня на позиціи вѣстовой, посланный въ полкъ за провіантомъ. Конечно, неожиданно для меня.

Спасибо за «домашнія сладости». Только не знаю, какъ я ихъ получу, черезъ кого. Вы спрашиваете, сколько мнѣ высылать ежемѣсячно. Я писалъ вамъ уже, что мнѣ, главнымъ образомъ, могутъ быть нужны деньги «на бѣлый хлѣбъ». Все въ зависимости отъ обстоятельствъ. Но во всякомъ случаѣ по возможности меньше. Серьезно прошу не безпокоиться этимъ вопросомъ.

---

*) Въ бумагахъ автора найдена весьма тщательно составленная имъ самимъ развѣдческая карта изслѣдованной мѣстности. *Ред.*

Отъ васъ я не получилъ еще ни одного письма. Сейчасъ уѣдутъ въ штабъ полка, за почтой. Я кончаю это письмо и буду ждать вѣсточки отъ васъ. Вѣдь, я такъ давно ничего не знаю. Раньше у меня на душѣ все время было смутно отъ сознанія, что дома не все благополучно. Теперь, послѣ телеграммы, я успокоился, но все же грустно ничего не получать отъ васъ. Не забывайте меня, мои дорогіе... Здѣсь чувствуешь себя очень одинокимъ. Въ командѣ публика, какъ выясняется, не особенно симпатичная и, во всякомъ случаѣ, не «своя». Нашъ пріятель *** заболѣлъ и уѣхалъ. Спасаетъ отъ тоски только то, что насъ—двое.

Цѣлую крѣпко, крѣпко.

Вашъ Сережа.

Та-же стоянка въ лѣсу, 19 іюня 1916 года, 1 ч. дня.

Родные мои! Уже 2-3 дня ожидаемая нами артиллерійская подготовка—начало нашего наступленія—началась сегодня утромъ. Крупныя орудія грохочутъ безпрерывно, хотя ураганный огонь, тотъ самый, который вызываетъ бурю съ дождемъ и снѣгомъ, начнется позднѣе. Сегодня утромъ мы съ нашими прапорщиками въ послѣдній разъ ходили смотрѣть подступы къ позиціямъ. Ночью или вечеромъ двинемся. На сей разъ, очевидно, наступленіе отмѣнено уже не будетъ. Бой начнется ночью, но мы станемъ пока въ ближайшемъ резервѣ и примемъ въ бою участіе, очевидно, только завтра. Настроеніе въ войскахъ бодрое—надѣются на успѣхъ. Есть

вѣра въ силу нашей артиллеріи—ergo и войскъ вообще.

На этой стоянкѣ мы оставимъ свои скатки и вещевые мѣшки, чтобы итти налегкѣ. Таково приказаніе. Возьмемъ съ собой только палатки съ завернутымъ въ нее хлѣбомъ и консервами да по ... патроновъ на брата.

Слѣдующее письмо—уже послѣ боя, навѣрное. Оно будетъ написано. *) Скорѣе бы въ бой: и вообще хочется, да и нервы натянуты уже нѣсколько дней въ ожиданіи.

До свиданія, мои родные, мои хорошіе. Цѣлую, обнимаю.

Вашъ Сережа.

P. S. Привѣтъ друзьямъ.

---

*) Увѣренность автора не оправдалась: въ бою онъ былъ тяжело раненъ и письма не написалъ. Ред.

Послѣднія страницы.

Въ бою.

Командиру 3-го батальона
полка Д—у

1916 г., 20 іюня, 9 ч. 30 м. утра.

Я, вольноопредѣляющійся ком(анды) разв(ѣдчиковъ), доношу Вашему Высокоблагородію, что небольшая наша партія засѣла въ третьей линіи нѣм(ецкихъ) окоповъ, передъ густой проволокой. Переб*).....

Командиру батальона 266-го полка,
20 іюня, (часъ не указанъ).

Я, развѣдчикъ 266 полка, доношу, что, взявъ около 100 плѣнныхъ и непріятельскій перевязочный пунктъ, мы остановились на опушкѣ лѣса. Въ слѣдующей линіи окоповъ нѣтъ еще непріятеля, поторопитесь съ подкрѣпленіемъ**).

С. Шлихтеръ.

Мнѣ поручили сначала вести 3-й баталіонъ съ Д—мъ.

Когда я *подводилъ****) баталіонъ къ бою, я никакъ не могъ выгнать . . . . . изъ хода

*) Изъ «Полевой» (развѣдческой) книжки С. А. Шлихтера: донесеніе съ поля битвы, оставшееся недоконченнымъ и, повидимому, не посланное по назначенію.

**) Изъ той-же книжки, копія донесенія, отосланнаго по назначенію.

***) Курсивъ автора. *Ред.*

сообщенія. Въ концѣ концовъ плюнулъ на нихъ и самъ повелъ на ура.*)

Австрійцы бросали винтовки, тянулись губами къ рукамъ, нѣкоторые наши солдаты цѣловались съ ними.

Когда мы, затѣмъ, атаковали слѣдующій ходъ сообщенія, уже за лѣсомъ, одинъ австріякъ въ упоръ стрѣлялъ въ насъ. Солдатъ на 1½—2 шага застрѣлилъ его.

Дикая картина!

Я былъ далеко за лѣсомъ. Плѣнныхъ мы вдвоемъ съ солдатомъ остановили 100 человѣкъ. Они бѣжали по ходу сообщенія. Мы обѣгали ихъ и загораживали дорогу штыками. Взяли перевязочный пунктъ.

Мы далеко забѣжали впередъ своихъ. Австрійцы не осмѣливались стрѣлять въ насъ, что легко могли сдѣлать.

Я послалъ донесеніе просто командиру батальона, безъ обозначенія,—какого.....

Я досталъ карту, кларнетъ, перископъ, ботинки, австрійскій противогазъ, но все это пришлось бросить.

---

*) Эта и всѣ послѣдующія замѣтки представляютъ собой подлинныя выдержки изъ записной книжки автора, въ которой онъ писалъ свои вопросы и отвѣты окружающимъ, такъ какъ, вслѣдствіе раненія горла, былъ лишенъ возможности говорить. *Ред.*

На смертномъ одрѣ.

Летучка 1-го Сибирскаго отряда, 21-го іюня, 1916 г.

Скажите по совѣсти, я могу поправиться? Спрашиваю потому, что, когда былъ раненъ, собирался покончить съ собой...*)

Скажите, чѣмъ задѣлъ противный? Остались осколки?....

Лазаретъ 1-го Сибирскаго отряда, 22 Іюня, 1916 г.

Я былъ раненъ уже послѣ атаки, когда только что собирались напасть на батарею и ждали подкрѣпленія.

Думалъ: крышка. Едва не покончилъ съ собой. Еле удержался. Потомъ сталъ бродить, чуть не забрелъ къ непріятелю, черезъ 1½—2 часа увидалъ Заболонскаго**), который поручилъ меня солдату. Недалеко отъ летучки встрѣтилъ Розина***).

Кто побѣдилъ въ морскомъ бою, у береговъ Ютландіи, англичане или нѣмцы? Этотъ вопросъ въ первое время былъ очень спорный.

Что говорилъ Некрасовъ? Имѣлъ ли послѣдствія нашъ докладъ «Земгору?»****).

---

*) Вопросъ къ врачу.

**) Очевидно, служащій отряда.

***) Студентъ, братъ милосердія отряда.

****) Докладъ о поѣздкѣ на Мурманъ, см. примѣч. на стр. 247. Результаты доклада очень интересовали автора. *Ред.*

Послѣднія слова.

Санитарный поѣздъ № 173, по пути въ Минскъ, 25 іюня, 1916 г., $10^1/_2$ час. вечера.

Меня посадить къ дверямъ....*)

*) За полчаса до третьяго, рокового, припадка удушья авторъ просилъ посадить его у открытыхъ дверей вагона. *Ред.*

С. А. Шлихтеръ (слѣва) и **Н. Н. Мартьяновъ** (справа), оба тяжело раненые подъ Барановичами 20 іюня 1916 г., передъ отъѣздомъ изъ лазарета Сибирскаго отряда въ полевой эвакуаціонный госпиталь въ районѣ Минска, для дальнѣйшаго направленія ихъ въ Москву.

Серпій Шмихтеръ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Серебряное блюдечко и наливное яблочко.

(Либретто для оперетки*).

Арiи Аленушки.

I.

Ты, родимый ли мой батюшка,
Ты, родимая ли матушка,—
Вы зачѣмъ меня оставили,
На кого меня покинули—
Молодешеньку.

Во сырой землѣ схоронена,
Тяжелой землей закидана,
Во гробу моя свѣтъ—матушка:
Горе горькое я мыкаю—
Одинешенька.

Какъ любилъ меня мой батюшка,
Да вотъ взъѣлась злая мачиха,
Все шипитъ да рѣчи злобныя
Тятѣ шепчетъ на злосчастную
Сиротинушку.

Сталъ отецъ меня звать дурою,
Нерадивою, зловредною,
И никто теперь не сжалится
Надъ моей ли горемычною,
Надъ судьбинушкой.

*) Либретто предназначалось для ученическаго спектакля въ Енисейской гимназіи въ 1913 г. Спектакль не состоялся, и передѣлка осталось незаконченной. *Ред.*

II.

Я пойду, пойду въ лѣсокъ,
За веселый ручеекъ
Цвѣтиковъ нарвать,
Миленькихъ собрать.
Я сплету себѣ вѣнокъ,
Выйду къ парнямъ на лужокъ:
Пѣсни распѣвать,
Съ дѣвками плясать.

Хоровая пѣсня дѣвушекъ.

Шумятъ ручьи и рѣченки,
Ужъ стаялъ снѣгъ съ полей.
Такъ пойте жъ, дѣвки, пѣсенки:
Жить стало веселѣй.

Идемъ искать подснѣжниковъ,
Цвѣточковъ полевыхъ,
Фіалокъ средь валежника,
Средь зарослей густыхъ.

Намъ Лель сулитъ желанныя
И счастье и любовь.
Цвѣтами вся убранная,
Весна, приди-же вновь!

Енисейскъ, $19^{12}/_{13}$ учебный годъ.

«Да минетъ Мя чаша сія».

(Переводъ съ нѣмецкаго*).

Не потъ, а кровь лились съ лица
Страдальца;
Онъ поднялся съ пыли, и руки къ небу
устремилъ,
И слезы въ кровь текли... Онъ у Творца
просилъ:
«Ты сотворяешь міръ, Отецъ, и
умираетъ вскорѣ
«Изъ рода человѣческаго первый, а
грѣшники, затѣмъ,
«Толпой своею смертью каждый
отмѣчаетъ часъ истекшій.
«И многія столѣтія идутъ, проклятыя
проклятіемъ Твоимъ...
«Но не тогда, а много, много раньше,—
когда не тлѣлъ еще
«Въ могилѣ смертный ни одинъ,—онъ
былъ ужъ предрѣшенъ,
«Страданій часъ священный. И вотъ онъ
наступилъ. О, вы,
«Въ могилахъ вашихъ, подъ покрови-
тельствомъ Божественнымъ
«Почившіе, васъ Я благословлю,—и вы
воскреснете!
«Но участь жалкую всего земного Мнѣ
все же страшно

*) Изъ «Мессіады» Клопштока. *Ред.*

«Ощущать, знать, что, смертный,—и Я
для смерти лишь рожденъ.
«Но Ты, который знамя Судіи высоко
держишь,
«Который трепетомъ священнымъ Мое
земное
«Потрясаешь тѣло,—Ты отвратишь часъ
ужаса?! Вѣдь для Тебя
«Нѣтъ невозможнаго, Отецъ,—такъ
отврати жъ его!
«Своей десницей всемогущей, исполненъ
гнѣва Твоего,
«Къ губамъ Моимъ Ты для испитія
поднесъ страданій чашу!
«А Я—одинъ, совсѣмъ одинъ; покинутъ
всѣми, всѣми: людьми—
«Моими братьями, Тобой покинутъ я,—
Тобой, Отцемъ Моимъ.
«Ты видишь ли, Отецъ, на что обрекъ
Меня?
«Іегова! Мы, Адама дѣти, а въ томъ
числѣ и Я,—что мы
«Въ сравненіи съ величіемъ Твоимъ!
Освободи жъ меня
«Отъ смерти ужасовъ..... Но нѣтъ, да
не Моя,—Твоя свершится-жъ
«Воля!.. Глаза Мои сухи, и взоръ Мой
устремленъ въ мракъ ночи...
«И дрожитъ рука, простертая за
помощью небесной.....

«И никну я къ землѣ. Земля—могила!
И могила эта

«Изъ тайниковъ души Моей вопль
исторгаетъ лишь одинъ:

«Покинутъ Я Отцомъ!.... Какъ было
хорошо, когда Тобою

«И смерть еще не создана была, когда
на Сынѣ

«Благоволеніе покоилось Отца; когда
для жизни вѣчной

«Былъ сотворенъ Адамъ.... Но развѣ
кости, хотя и смертныя,

«Мои не носятъ отпечатка Божества?!...
Да! Я страдаю,

«Но вѣченъ Я, какъ Ты! Твоя, Отецъ,
свершись святая воля!*)

Енисейскъ, $19^{12}/_{13}$ учебный годъ.

*) Это и три послѣдующихъ стихотворенія представляютъ опыты ученическихъ работъ. Стихотворенія для перевода давались автору учителемъ нѣмецкаго яз. Енисейской гимназіи г. Розитъ. *Ред.*

Огнемъ горя, встаетъ заря.

(Переводъ съ нѣмецкаго).

Огнемъ горя,
Встаетъ заря,
Все блещетъ, сіяетъ кругомъ.
Весь лѣсъ залитъ
Играющимъ солнца лучемъ.
Мы гимнъ поемъ,
Мы свѣтъ несемъ.
Намъ нѣтъ затрудненій, преградъ.
Впередъ, впередъ!
Вѣдь всякій намъ искренно радъ.
Несите въ свѣтъ
Любовь, привѣтъ.
И каждый впередъ лишь гляди.
Впередъ, впередъ!
И нѣтъ никого позади.

Енисейскъ, 1912—13 учебный годъ.

Къ небесамъ лети, сверкая.

(Переводъ съ нѣмецкаго.)

Къ небесамъ лети, сверкая,
Моя пѣсенка простая.
Пѣснь—молитва!
Ты чертога
Достигай скорѣе Бога.
Богъ всесильный, Богъ предвѣчный,
Безначальный, безконечный!
Духовъ добрыхъ
Для защиты,
Милосердный, намъ пошли Ты.

Енисейскъ, 1912—13 учебный годъ.

Пѣсня странника.

(Переводъ съ нѣмецкаго*).

Ты, живущій въ небесахъ,
Горя, скорби утѣшитель,—
Будь къ поверженному въ прахъ,
Будь всемилостивъ, Спаситель!
Чужды мнѣ тревоги міра,
Я усталъ страдать и жить.
Сладость мира
Дай, о Боже, мнѣ вкусить,
О, дай вкусить!

Енисейскъ, 1912/13 учебный годъ.

*) „Wanderers Nahtslied", Goethe.

«Мамусѣ отъ Сережи»*).

(Посвященіе).

Тебя не съ днемъ твоимъ рожденья
Хочу, maman, поздравить я,
Его мы купно, безъ сомнѣнья
Отпразднуемъ, любовь моя.
Не съ тѣмъ, что Jahr der vier und vierzigst'
Къ тебѣ стучится ужъ во дворъ,
Но съ тѣмъ, что юношества гибкость
Твой духъ хранитъ до этихъ поръ.
Сквозь бурь житейскихъ испытанья
Сумѣла цѣлыми пронесть
Свои ты первыя мечтанья
И сохранить ихъ и поднесь.
Живетъ еще, живетъ курилка!
Онъ силы новыя намъ дастъ,
Онъ кровь намъ новую по жилкамъ
И бодрость новую придастъ.

Енисейскъ 6 января 1912 г.

* Заголовокъ автора. *Ред.*

Папѣ.

(Письмо).

Что написать тебѣ—не знаю.
Привѣтовъ массу посылаю.
Свободный выберу денекъ
И напишу тебѣ, дружокъ.
Пока прощай. Взасосъ цѣлую
Твою головку удалую.

По гробъ твой вѣрный сынъ Сергѣй.
P. S. Я напишу, какъ Богъ... ей-ей...

Енисейскъ, 1913 г.

Элегія.

Полузабытыя страданья...
Мои разбитыя мечты...
Такъ жутко... полной пустоты
Непоправимое сознанье—
Души завядшіе цвѣты.

. . . . . .

Но вотъ—небесное созданье,
Вся, воплощенье красоты—
Моимъ глазамъ явилась—ты.
Твой образъ юный и прекрасный
Видѣнья прежнихъ, лучшихъ дней
Пробудилъ вдругъ въ душѣ моей.
И жизнь не кажется напрасной
И полюбилъ я вновь людей.
Тобой любимъ, въ тебя влюбленъ,
Я снова къ жизни пробужденъ.

Енисейскъ, $19^{12}/_{13}$ учебный годъ.

Наброски.

Первой встрѣчи люблю я невольную жуть
И волнующій трепетъ въ груди.
Будто голосъ какой-то все хочетъ шепнуть:
Стыдно! Страшно! Уйди! Не гляди!

*
* *

И боишься взглянуть, и не можешь уйти,
И въ забвеньи роняешь слова.
Въ недосказанныхъ фразахъ все хочешь найти
Смыслъ, понятный едва... лишь едва...

оз. Широ, іюль 1913 г.

Письмо къ Н. П-ой.

„Такъ вотъ она, тайна земныхъ наслажденій...
„Вы мнѣ солгали, туманныя ночи въ іюлѣ".

Валерій Брюсовъ.

Нѣтъ, я не вѣрю больше въ счастіе любви,
А лишь въ ея безумныя порывы,
Когда пожаръ горитъ и искрится въ крови,
Когда все такъ безбрежно и красиво.
Во времени тогда безвременененъ лечу,
Не знаю, что сулятъ вдали мгновенья.
Нѣтъ, будущаго знать отнынѣ не хочу
И съ нимъ я рву безъ думъ, безъ сожалѣнья.
Тамъ—будь, что будетъ. Этотъ, *этотъ* мигъ хорошъ,—
Лишь въ немъ одномъ вся высказанность счастья.
А тамъ—хоть мракъ, хоть смерть. О, вѣдь, у жизни все-жъ,
Одинъ, но мигъ любви сумѣлъ украсть я.
Да, *тамъ* страданья, холодъ и душевный мракъ,
Бичующій и злой самоанализъ
За каждый поцѣлуй, за лишній взглядъ и шагъ,

За ласки, что бралися и давались.
О, счастливъ я тогда минутами вполнѣ,
Если въ страданьи есть хоть капля счастья.
Вы, думы черныя, въ душѣ моей однѣ
Властительницы скорби и ненастья.
Уйдите, хмурыя! Укоромъ вы нѣмымъ
Стоите предо мной, предвѣстницы печали.
Къ чему сомнѣніемъ безплоднымъ и пустымъ
Вы изъ сѣтей любви мнѣ саванъ мой соткали?
Я вновь хочу избыть томленія свои.
Я жить хочу отъ встрѣчи лишь до встрѣчи.
Хочу избыть всѣ промежуточные дни,
Хочу ласкать твои уста и плечи.

Москва, май 1914 г.

Весенняя сказка.

Сказку, небесную, чудную сказку
Намъ разсказала весна.
Помнишь вечернюю тихую ласку?
Помнишь ли ночь у окна?
Помнишь ли, милая, небо глубокое?
Звѣзды горятъ, далеки...
Рядомъ, со мной—ты, моя черноокая,
Тамъ—силуэты рѣки....
Въ городѣ шумномъ—пылинка ничтожная,
Въ мірѣ планетъ, мы—одни.
Темная ночь, да рѣка осторожная
Нашей лишь тайной полны.
Плакать хочу въ неизбывномъ томленіи,
Ницъ предъ тобою лежать.
Въ благоговѣйномъ, экстазномъ моленіи
Руки, лишь руки ласкать...

Москва, май 1914 г.

На могилѣ Н. П. Бударина.*)

Посмотри: я принесъ тебѣ, милый,
Бѣлоснѣжную, чистую розу
И поставилъ ее въ изголовье
Надъ твоей колыбелью унылой.
Нѣтъ, не видитъ онъ розы. Не встанетъ
Къ намъ, томящимся, ждущимъ привѣта,
И, поникнувъ, въ тоскѣ, безъ отвѣта,
Бѣлоснѣжная роза завянетъ.
Все ушло, все прошло то, что было,
Но, пройдя, все такимъ же осталось,
Будто, въ странномъ, тупомъ изумленьи
Все вокругъ безъ движенья застыло.
Та же скорбь одинокихъ страданій,
Тѣ же все молчаливыя муки...
Лишь развѣялись, замерли звуки,
Лишь надгробныхъ не слышно рыданій.
Смолкъ и ты: безпокойныя грезы,
Треволненія—чужды могилѣ.
Такъ пускай тебѣ въ снѣ замогильномъ
Запахъ бѣлой сопутствуетъ розы...
А когда, свѣтозарной весною,
Я приду къ тебѣ съ красною розой,
Ты поймешь меня, правда, родной мой,
И заснешь съ примиренной душою...

Красноярскъ, 4 сентября, 1914 года.

*) Политическій ссыльный, молодой, подававшій надежды беллетристъ, *Ред.*

Ранняя осень.

(Посвящается О. В. Р.)

Ужели августъ? Да и тотъ къ концу подходитъ?!..
Гдѣ-жъ май? Ау! Мой, милый, славный май,
Гдѣ ты? Отвѣта нѣтъ: ни отзвука, ни звука.
Чудесный невидимка май—
Исчезъ!
Ушелъ! Уйдя-жъ—унесъ ревниво и всю нѣгу
Воскресшей жизни: тающихъ полянъ
Живую наготу и ручейковъ безпутныхъ
Пляску, томленье вздоховъ, нѣгу встрѣчъ,
Зной взглядовъ и пожатій,—
Все, уходя, унесъ...
Предвѣстникъ робкій сентября, пришелъ
На смѣну августъ. Это онъ гудитъ и ноетъ
Безъ устали въ верхахъ деревъ... Не съ той
Безсильной злобой, что сентябрь, но томно, тихо:
У—у—у...
Большого зала глубина мрачна*). Напротивъ
Просвѣтъ окна. Въ просвѣтѣ силуэтъ
Любимой дѣвушки и дѣвочекъ—березокъ
Томныхъ силуэты... да синева
Небесъ—безмолвная, далекая
Пустыня...
Я подойти къ окошку не хочу
И не прошу, чтобъ подошли ко мнѣ: лежать бы,
Смотрѣть въ просвѣтъ и думать и мечтать...
О прошломъ... Но о прошломъ—въ прошломъ,
Не—въ настоящемъ...

Конецъ.

*) Стихотвореніе написано при посѣщеніи брошеннаго замка въ одномъ изъ польскихъ фольварковъ, въ періодъ отступленія русскихъ войскъ, въ 1915 году. *Ред.*

15

Зав. библиотекой ИМЛ
тов. Львовой Л.И.

В семье А.Г. Шлихтера сохранилась книга сына – Сергея Шлихтера «На пороге жизни».

В ней рассказывается о последнем периоде жизни, будучи студентом Университета Сергей в 1916 году ушел добровольно на фронт братом милосердия и погиб. Похоронен на Бабьем братском кладбище возле метро Аэропорт.

Книга эта сохранилась только в нашей семье.

В свое время А.Г. Шлихтер показывал Горькому и тот оценил ее высоко. Считаю, что этот единственный экземпляр книги должен по праву храниться в вашей библиотеке.

Шлихтер Анна Ефимовна
член КПСС с 1925 г. персональный пенсионер респ. значения
адрес: 117485 Москва, Профсоюзная ул. 98-9-47
тел. 335-19-90

20.7.83

Лия Ивановна!

Давно мы с невесткой А.Г. Шлихтера разбирали их книги и архив. Архив ушел в Украинский ин-т истории партии, а книги к племянникам Анны Ефимовны. Потом, в году 1985 она умерла и квартира, кажется, у ее внучки.

У меня книга постепенно залежалась, а теперь разбирая архив, направляю ее в библиотеку с письмом А.Е. Шлихт.

С глубоким уважением
к Вашему труду
М. Веселин

29/VII-91

Сергей Шлихтер в 1902-03 гг. прятал на Волге под Самарой ящик с документами „Переписка с „Искрой", переписка Г.М. Кржижановского с Ю. Лениным. Г.М. Кржижановский и А.Г. Шлихтер жили тогда в Самаре. Это известно в литературе. Но дневник С. Шлихтера интересен по Интернаниат. войне. М.С.